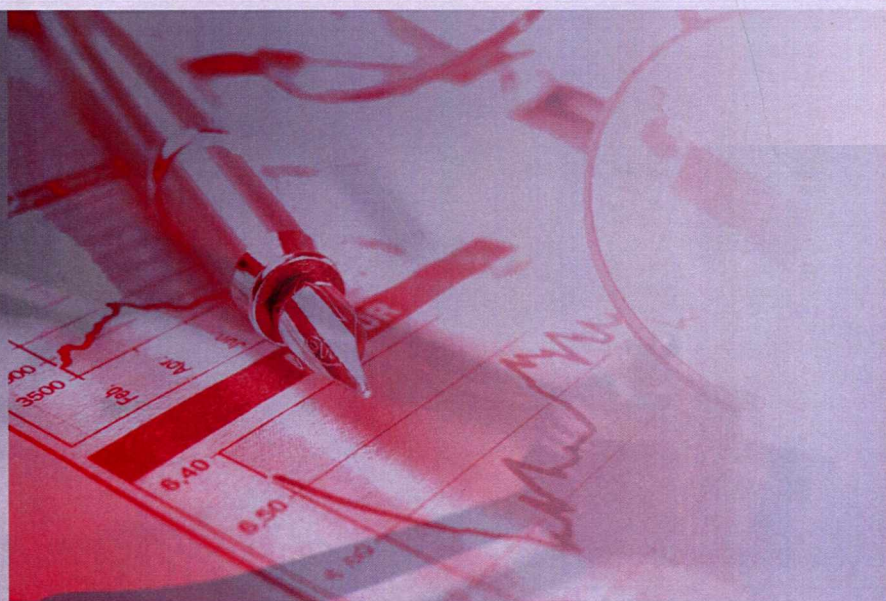

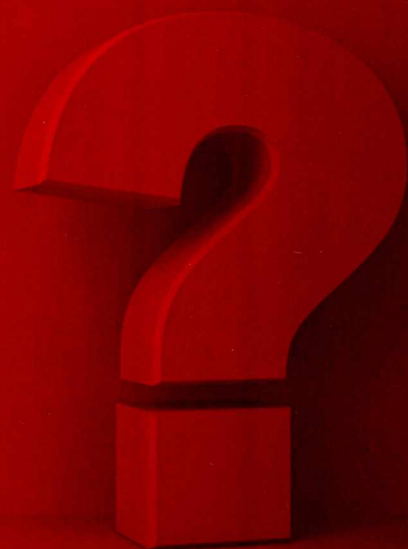
ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 2(38)

2025
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2025 № 2(38)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазиллов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vvsu.by
http://www.vvsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Стаценко В.Г. О прикладном значении криминологического знания 3

Барышев В.А. Оговорка к договору как проблемный институт в праве международных договоров 10

Андреасян М.А. Особенности причинного комплекса преступности в Республике Беларусь (социально-психологический, правовой и криминологический аспекты) 19

ЭКОНОМИКА

Янкевич Е.М., Глёкова В.В. Инфраструктурный потенциал средств размещения социо-экономической системы туристическо-рекреационного комплекса 27

Задорожная Н.А., Квасникова В.В. Совершенствование экспортной деятельности организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области на основе создания кластера 39

Гришанова С.С., Поляришина Т.П. Развитие распределительной логистики РУПТП «Оршанский льнокомбинат» 46

Demidova M.A. Belarus in the Context of Global Nanotechnology Market 54

ПСИХОЛОГИЯ

Богомаз С.Л. Сетевое взаимодействие: опыт реализации совместной образовательной программы по специальности магистратуры 1-23-80-03 Психология учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (Республика Беларусь) и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Псковский государственный университет» (Российская Федерация) 62

Чжао Сылу, Фурманов И.А. Взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта и агрессивности китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды 70

Лауткина С.В., Морозанова М.М., Шандрикова И.В. Индикаторы разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста 77

Гусева Д.И., Ильин Е.А., Богомаз С.Л. Дефиниции понятия «психологическое благополучие» в качестве комплексного психологического концепта 87

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2025 № 2(38)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Statsenko V.G.** On the Applied Value of Criminological Knowledge 3
- Baryshev V.A.** Reservation to a Treaty as a Problematic Institution
in the Law of International Treaties 10
- Andreasyan M.A.** Features of the Causal Complex of Crime
in the Republic of Belarus (Socioal and Psychological, Legal
and Criminological Aspects) 19

ECONOMICS

- Yankevich E.M., Glekova V.V.** Infrastructure Potential of Accommodation
Facilities of the Social and Economic System of the Tourism and Recreation
Complex 27
- Zadorozhnaya N.A., Kvasnikova V.V.** Improvement of Poultry Subcomplex
Companies Export Activities in Vitebsk Region on the Basis of a Cluster 39
- Grishanova S.S., Pobyarzina T.P.** Development of Orsha Flax Mill
Distribution Logistics 46
- Демидова М.А.** Беларусь в контексте глобального рынка нанотех-
нологий 54

PSYCHOLOGY

- Bogomaz S.L.** Network Interaction: Experience of Implementing a Joint
Master Degree 1-23-80-03 Psychology Education Program of Education
Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University" (Republic of Belarus)
and Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
"Pskov State University" (Russian Federation) 62
- Zhao Silu, Furmanov I.A.** Relationship between Parent-Child Conflict
Resolution Tactics and Aggressiveness among Chinese and Belarusian Students
at Different Age Periods 70
- Lautkina S.V., Morozhanova M.M., Shandrikova I.V.** Indicators of the
Variability of Emotional and Evaluative Vocabulary in the Speech of Senior
Preschool Children 77
- Guseva D.I., Ilyin E.A., Bogomaz S.L.** Definitions of the Concepts
of Psychological Well-Being as a Comprehensive Psychological Concept 87

УДК 343.9.018

О прикладном значении криминологического знания

Стаценко В.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

На основе сравнительного анализа в статье рассматриваются содержание и направленность криминологического научного знания и криминологического образования в Республике Беларусь и в зарубежных странах.

Изучение проблемных вопросов, связанных с качественной стороной развития криминологических исследований, оценкой их эффективности и практической значимости, подготовкой специалистов в области криминологии и преподавания криминологии, представляет собой крупную научную проблему и имеет весьма актуальное значение.

Целью публикации является рассмотрение проблем состояния криминологического знания в Республике Беларусь и возможные направления повышения его научного и прикладного значения на основе сравнительного анализа.

Материал и методы. Работа выполнена на базе изучения научных исследований, характеризующих состояние и тенденции в развитии отечественной и зарубежной криминологии.

В статье используются общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический, сравнительно-правовой анализ.

Результаты и их обсуждение. Криминология как область научного знания с самого начала формируется интегративным междисциплинарным научным направлением, основным предметом исследования которого становятся преступность как сложный социальный, уголовно-правовой, биопсихологический феномен, ее причинный комплекс, криминальная личность со всеми ее особенностями и криминогенной мотивацией, средства предупредительного воздействия на преступное поведение. При этом отечественная и зарубежные школы криминологии на современном этапе развития существенно расходятся в понимании объекта и методов исследования так же как и в подходах к подготовке специалистов-криминологов.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что научный потенциал отечественной криминологии не в достаточной мере востребован, в том числе и для решения важнейшей социальной задачи – профилактики криминального поведения, повышения эффективности уголовной политики в целом, и уголовного наказания, в частности.

Придание криминологическим исследованиям и криминологическому образованию большей практической направленности позволит не только дать новый импульс развитию криминологической теории, но и стимулировать процесс применения новых знаний в правоприменительной практике.

Ключевые слова: криминология, преступность, основные школы в криминологии, уголовный процесс, судебная экспертиза, частные криминологические теории, криминологическое образование.

On the Applied Value of Criminological Knowledge

Statsenko V.G.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article examines, on the basis of a comparative analysis, the content and focus of criminological scientific knowledge and criminological education in the Republic of Belarus and in foreign countries.

The study of problematic issues related to the qualitative side of the development of criminological research, the assessment of their efficiency and practical significance, the training of specialists in the field of criminology and the teaching of criminology, is a major scientific problem and is of very urgent importance.

The purpose of the publication is to consider the problems of the state of criminological knowledge in the Republic of Belarus and possible ways to increase its scientific and applied importance, based on a comparative analysis.

Material and methods. *The work is based on the analysis of scientific research which characterizes the state and trends in the development of domestic and foreign criminology.*

The article uses general and special methods of scientific cognition: historical-analytical, comparative-legal analysis.

Findings and their discussion. *Criminology as a field of scientific knowledge has been formed from the very beginning as an integrative interdisciplinary scientific direction, the main subject of research of which is crime as a complex social, criminal law, bio-psychological phenomenon, its causal complex, criminal personality with all its features and criminogenic motivation, means of preventive influence on criminal behavior. At the same time, domestic and foreign schools of criminology, at the present stage of development, differ significantly in understanding the object and methods of research, as well as in approaches to training criminologists.*

Conclusion. *The results of the study indicate that the scientific potential of domestic criminology is not in sufficient demand, including for solving the most important social problem – preventing criminal behavior, increasing the effectiveness of criminal policy in general, and criminal punishment in particular.*

Making criminological research and criminological education more practical will not only give a new impetus to the development of criminological theory, but also stimulate the process of applying new knowledge in law enforcement practice.

Key words: *criminology, crime, basic schools in criminology, criminal procedure, forensic examination, private criminological theories, criminological education.*

Как неоднократно уже отмечалось в криминологической и правовой литературе [1], криминологические исследования, направленные на анализ криминальных и криминогенных процессов в современных условиях, требуют, во-первых, активизации поддержки со стороны государства и научного сообщества, во-вторых, нуждаются в серьезной корректировке, прежде всего, в направлении усиления практической их направленности и связи с правоприменительной практикой [2].

Целый ряд назревших вопросов, связанных с качественной стороной развития криминологических исследований, оценкой их эффективности и практической значимости, подготовкой специалистов в области криминологии и преподавания криминологии, приобретает весьма актуальное научное и практическое значение.

Целью исследования является рассмотрение проблем состояния криминологического знания, подготовки специалистов в указанной области и определение возможных направлений повышения научного и прикладного значения на основе сравнительного анализа.

Материал и методы. Работа выполнена на базе изучения научных исследований,

характеризующих состояние и тенденции в развитии отечественной и зарубежной криминологии.

В статье используются общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический, сравнительно-правовой анализ.

Результаты и их обсуждение. Современные представления о содержании криминологии как науки о преступности и ее предмете сложились далеко не сразу, да и сегодня имеют различное толкование, как в отечественной, так и в зарубежной криминологии.

Криминология – еще не имея даже этого названия – формируется как область научного знания на протяжении XIX – начала XX в. Поскольку в создании науки о преступности в данный период активно участвовали представители различных научных дисциплин, как естественно-научных (медицина, биология, антропология, психиатрия), так и гуманитарных (право, социальные науки), содержательно, предметно и методологически наука, с закрепившимся за ней на рубеже XIX–XX вв. наименованием «криминология», с самого начала формируется как интегративное междисциплинарное научное направление. Основным предметом исследования которого становится преступность как сложное социальное, уголовно-правовое,

биопсихологическое явление, ее причинный комплекс, криминальная личность со всеми ее особенностями и криминогенной мотивацией, средства предупредительного воздействия на преступное поведение.

Как справедливо отмечал В.В. Лунеев, характеризуя диалектику взаимообусловленностей и взаимосвязей науки о преступности с другими областями научного знания, «мы можем утверждать, что криминология вышла из социологии, статистики, а на первых своих этапах – из психологии, антропологии и т.д., предопределяя своими результатами фактическую базу данных для уголовного законодательства и уголовного права» [3, с. 27].

Важнейшим элементом предмета криминологии – с самого начала ее развития – являлось учение об уголовном наказании (цели, содержание и направленность, взаимозависимость наказания и преступности, модели и пр.). Неслучайно появление самого термина «криминология» связывается с областью тюремных исследований: американский исследователь Дж.Р. Уилсон (J.R. Wilson) полагает, например, что понятие *criminology* впервые было использовано в 1860 году в статье английского автора Дж. Эварта о санитарном состоянии индийских тюрем [4, р. 64].

Истоки позитивистского подхода к анализу преступного поведения лежат в соединении медицины, психиатрии и криминальной антропологии, нашедшем отражение в антропологической школе криминологии, среди представителей которой наибольшую известность приобрел Чезаре Ломброзо (1835–1909), итальянский профессор юридической медицины в Туринском университете. Исследования Ломброзо в области определения физических и психологических типов преступников и причинного комплекса криминального поведения дали основания рассматривать его не только как одного из основателей биологической (антропологической) школы в криминологии, но и фактического родоначальника криминологии как науки, основанной на опыте, эмпирических данных, эксперименте.

Вскоре после того, как Ломброзо обнародовал свою теорию «врожденного преступника», обосновывая ее, прежде всего, с точки зрения физической антропологии и психиатрии, австрийский юрист Ганс Гросс публикует ряд работ, в которых предлагает свой особый синкретический подход к определению

предметного поля науки о преступности. В трактатах «Уголовное расследование» и «Криминальная психология», опубликованных в переводе на английский язык соответственно в 1906 и 1911 годах [5, xxiii], Гросс разрабатывает методику расследования преступлений, содержание научной экспертизы доказательств в уголовном процессе, т.е. вопросы, которые относятся в современном понимании к области криминалистики и судебной экспертизы, но во взаимосвязи с ними здесь также исследуются проблемы типологии преступного поведения, причинности преступлений, преступной мотивации, относящиеся сегодня к предмету криминологического изучения.

Г. Гросс рассматривает объект исследования весьма широко, выделяя в нем три основные предметные области: криминальную антропологию, криминальную социологию и криминальную феноменологию, которые, в свою очередь подразделяются на ряд направлений: криминальная антропология – на соматологию¹ и «объективную криминальную психологию»; криминальная социология – на криминальную статистику и «социальную криминальную психологию»; криминальная феноменология – на «уголовное судопроизводство», расследование преступлений, и «субъективную криминальную психологию. Кроме этого, он выделяет также такое направление, как «криминальная политика», подразделяя его на уголовное право и пенологию (наука об уголовном наказании). Гросс полагал, что что все эти «родственные научные дисциплины» не могут развиваться самостоятельно, что «возникла необходимость из названных наук, включая и криминалистику, образовать одну самостоятельную из тесно связанных между собой частей группу наук. Будучи вспомогательными науками уголовного права, они должны разрабатываться совместно, во всяком случае оставаясь, так сказать, на службе уголовного права» [6].

Предлагаемая исследователем «система» науки о преступности должна «содержать в себе сведения о проявлении преступления в объективном отношении, с подразделением на проявления общего свойства: существо преступников, их приемы, язык, знаки, симу-

¹ Раздел антропологии, изучающий вариации размеров и форм человеческого тела и его частей.

ляция, ложь, суеверие и т.д. и особенные проявления по отдельным преступлениям... Вторая часть будет содержать исключительно практические сведения: о действиях судебного следователя, о его подготовке, о допросах, об обращении с паспортами, об оружии, следах и т.д. и, наконец, о практических вопросах, возникающих при производстве следствий по отдельным преступлениям» [6].

Следует особо отметить, что в работе «Уголовное расследование» Гросс замечает: «Мы можем напомнить нашим читателям, что тема, которой частично посвящена эта книга, – уголовное расследование. Феноменология – это всего лишь одна из ветвей более широкой науки криминологии» [5, xxiii].

Г. Гросса, таким образом, можно с достаточным на то основанием считать родоначальником широкого понимания науки о преступности, которая включает в себя как теорию преступности и индивидуального преступного поведения, так и прикладную криминологию, исследующую проблемы уголовной политики и уголовного наказания, уголовно-правовых, пенитенциарных и иных средств воздействия на преступное поведение.

Если на начальном этапе развития криминологии в конце XIX – начале XX века в работах как западных, так и отечественных исследователей значительное внимание уделялось указанным проблемам в их комплексе, то во второй половине XX века зарубежная и советская криминология предметно значительно разошлись.

Отечественная школа криминологии при этом после своей реанимации в 50-х годах XX века развивалась главным образом как теоретическая наука, традиционно связанная с наукой уголовного права. Преподавание криминологии на юридических факультетах вузов СССР и в дальнейшем СНГ осуществлялось и продолжает осуществляться преимущественно специалистами в области уголовного права и локализуется на соответствующих кафедрах. Вместе с тем профильной специализированной подготовки криминологов в УВО не ведется (за исключением подготовки научных работников высшей квалификации). Интересно, что, в соответствии с приказом ВАК Республики Беларусь, содержанием специальностей «уголовное право и криминология»; «уголовно-исполнительное право» определено «научно-правовое исследование

методологических, методических, теоретических и прикладных проблем борьбы с преступностью уголовно-правовыми средствами; уголовно-правовых отношений; сущности уголовной ответственности, ее целей и форм реализации; оснований и условий криминализации (декриминализации) деяний; дифференциации и индивидуализации ответственности; исполнения наказаний; механизма детерминации преступности; социальных, правовых и иных форм и методов предупреждения преступлений» [7]. В классификаторах профессий рабочих, должностей служащих стран СНГ профессия «криминолог» отсутствует [8].

В большинстве западных стран криминология считается отраслью социологии (девиантологии) и рассматривается не только как наука о преступности, но и как прикладная наука, а также наука о психологии криминального поведения и социальном контроле. В развитии и преподавании криминологии существенную роль играют данные таких научных дисциплин, как биология, антропология, физиология, медицина, психиатрия, психология, социальное управление, экономика, юриспруденция, политология, пенология и пенитенциарная криминология.

Как отмечают Макмиллан и Робертс, «с одной стороны, криминология, как правило, обращается к вопросу, определяющему дисциплину: что такое преступность? Другие исследователи и теоретики расширили бы это определение, чтобы охватить все или большинство аспектов официальных мер реагирования на преступность, включая полицейскую деятельность, судебное преследование, судебный процесс и уголовное наказание. Можно было бы разбить эту обширную концепцию криминологии на такие дисциплины, как уголовный процесс, пенология или виктимология, или воссоздать ее составные части с точки зрения пересекающихся концепций, таких как регулирование, риск, доверие или восстановительное правосудие. Простое правило, которое следует помнить, сталкиваясь с этим кажущимся буйством теоретизирования, состоит в том, что дисциплинарные различия и конкурирующие концептуализации следует сохранять и использовать только в том случае, если они способствуют пониманию обсуждаемых проблем, вопросов или явлений» [5, xix].

В качестве особого отличия зарубежной криминологии необходимо отметить и то, что в колледжах и университетах ряда западных стран ведется подготовка по специальности «криминология». Специализация и получение степени бакалавра в области криминологии, как это характеризуется, например, на сайте юридического колледжа Университета Аберистуита (Уэльс) (Aberystwyth University) «позволяет развить понимание причин преступности и преступления, влияние на отдельных лиц, общин и общества в целом... Криминология носит мультидисциплинарный характер, и поэтому при изучении причинно-следственной связи и снижения преступности вы будете черпать информацию из широкого круга дисциплин, в том числе психологии, социологии и права... По завершении вашей специализации вы будете обладать навыками, необходимыми для продолжения профессиональной карьеры в таких областях, как полиция, тюрьмы и правосудие в отношении молодежи» [9].

В номенклатуре полицейских профессий ряда стран (США, Великобритания, Канада) криминологи именуются криминальными аналитиками (*criminal analyst*), что подчеркивает содержательную составляющую их деятельности – анализ преступности. Сфера их деятельности отражена, например, в перечне должностей криминологов в полиции Канады:

- криминолог-аналитик,
- аналитик в сфере преступности,
- аналитик в сфере стратегической информации,
- аналитик в сфере (области) тактической информации,
- стратегический аналитик,
- тактический аналитик,
- аналитик в сфере стратегической и тактической информации,
- аналитик-профилактик,
- аналитик в сфере предупреждения преступности,
- стратегический советник-аналитик,
- советник по вопросам планирования,
- координатор в сфере информации о преступности» [10, с. 88].

Вместе с тем, как отмечают исследователи [5, xx], и в западных странах подавляющее большинство университетских криминологов исходят из того, что современная криминология должна быть ограничена рамками теоретической дисциплины. При этом для про-

фессионалов, которые занимаются изучением причинности преступности, криминология – это социальная наука; для тех, кто изучает действия, выбор, психологию или личность преступников, это когнитивная или поведенческая наука; а для тех, кто изучает корреляции между биологическими факторами и преступным поведением, это наука о поведении, изучаемом на основе биологии и генетики. За более чем 100 лет, прошедших со времен выхода в свет работ Г. Гросса, комплексная наука о преступности, включающая в себя как теорию, так и практику противодействия преступности, не сформировалась в том виде, как ее представлял себе австрийский исследователь.

Что касается научного потенциала криминологии, как подчеркивается в ряде криминологических публикаций, он «по-настоящему не востребован властными структурами, не используется при подготовке и принятии законов, при организации борьбы с преступностью, для создания социальных основ профилактики преступлений» [11, с. 11].

В Беларуси, как уже упоминалось выше, подготовка специалистов с высшим образованием по специальности «криминология» не осуществляется. В соответствии с образовательным стандартом высшего образования Республики Беларусь учебная дисциплина «Криминология» отнесена к дисциплинам «компонента учреждения высшего образования». Отсутствует профилизация по криминологии и в рамках специальности «юриспруденция» подготовки в магистратуре.

В последние годы в криминалистической, главным образом, литературе развивается идея создания и преподавания в рамках юридического образования особого учебного предмета «Криминалистическая характеристика преступности» [12, с. 160–163]. В свою очередь, в западной криминологической науке формируется т.н. судебная криминология [13]. Обе эти частные научные теории объединяет содержательно стремление соединить уголовно-правовые, криминологические и криминалистические теоретические и методические подходы к изучению преступности и преступников в целях решения следственных и юридических проблем.

Судебная криминология как учебный предмет предназначена для того, чтобы дать студентам прикладное представление о характере и масштабах судебно-медицинской

экспертизы, которая опирается на исследования, теорию и знания, полученные в области криминологии, зависит от них и взаимодействует с ними. Она также предназначена в качестве предварительного руководства для практикующих криминологов, работающих в смежных областях уголовного правосудия, особенно когда они участвуют в проведении расследований, судебных разбирательств или предоставляют экспертные заключения или свидетельские показания.

В отечественной науке понятие «судебная криминология» отсутствует.

В теории и практике судебной экспертизы, наряду с такими видами экспертизы, как культурологическая, психологическая, лингвистическая и другие, применяется, хотя и не часто, т.н. «судебная криминологическая экспертиза», как «новое направление» в использовании специальных знаний в рамках «экспертологического подхода к оптимальному обеспечению расследования преступлений» [14, с. 140].

В перечне экспертиз и исследований на сайте Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь судебная криминологическая экспертиза отсутствует, а само это понятие легального закрепления не имеет [15]. В нормотворческой деятельности Республики Беларусь получил закрепление лишь институт обязательной криминологической экспертизы законодательства, призванный выявлять и устранять правовые нормы криминогенного характера, являющийся составной частью системы предупреждения и социально-правового контроля преступности [16].

В соответствии со статьей 226 УПК Республики Беларусь, экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия необходимы специальные знания в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности. Участие эксперта предусмотрено и на стадии судебного разбирательства. Экспертом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы (ст. 61 УПК Республики Беларусь). Заключение эксперта – это процессуальный документ, содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства,

ремесла и иных сферах деятельности. Заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, однако несогласие их с заключением должно быть ими мотивировано (ст. 95 УПК).

Из этих определений вытекает, что судебная экспертиза может включать в себя и криминологическую, основанную на специальных знаниях эксперта в области криминологии. Законодательно, однако, это никак не определено.

Немногочисленные публикации, использующие данное понятие, посвящены методике расследования организованной преступности, экстремистских движений, например, «А.У.Е.» [17].

Основатели современной криминологии, а впоследствии и судебной криминалистики, были практиками, которых интересовали специфические потребности в изучении конкретных случаев, а не просто широкие социальные исследования. Их определяли проблемы, с которыми они сталкивались в уголовных и даже гражданских делах. Когда криминология зарождалась как формальная область исследований, толчком к этому послужила необходимость изучения конкретных случаев, требующая от участников привнести в свое понимание все, что может дать наука. Суть практики заключалась в сборе знаний, установлении научных фактов, ответах на вопросы, позволяющие определить личность преступника и его поведение и соотнести их с конкретным контекстом.

Со временем, однако, ситуация изменилась, криминология приобрела чисто теоретический характер, к тому же практически не связанный с правоприменением.

Заключение. Решение исследуемых выше проблем требует целенаправленных мер по развитию как общей теории криминологии, так и связи ее с практикой деятельности правоохранительных органов по противодействию и предупреждению преступности в стране. Одним из частных аспектов этой проблемы является разработка и введение в учебный процесс для студентов уголовно-правовых специализаций учебной дисциплины (спекурса) «Судебная криминология». Спекурс следует рассматривать как реализацию прикладного аспекта криминологии и уголовного процесса, обеспечивающего изучение преступности и личности преступ-

ников в конкретных целях решения следственных и юридических вопросов. Этот предмет позволяет дать студентам, изучающим криминологию, углубленное представление об уголовном правосудии и судебной экспертизе, познакомит их с различными прикладными вопросами, с которыми они столкнутся в практической правовой деятельности.

Выдающийся российский криминолог А.И. Долгова афористично заметила однажды: «Криминология – это наука, дающая знания, без которых реагирование на преступность – это реагирование слепых и вслепую» [18].

Научный потенциал криминологии по-настоящему сегодня не востребован в правоприменительной сфере, в том числе и для решения важнейшей социальной задачи – профилактики криминального поведения, повышения эффективности уголовной политики в целом, и уголовного наказания, в частности.

Придание криминологическому образованию большей практической направленности позволит не только дать новый импульс развитию криминологической теории, но и стимулировать процесс применения новых знаний в правоприменительной практике.

Литература

1. Судакова, Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций / Т.М. Судакова, В.А. Номоканов // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 531–540.
2. Шелухин, Н.Л. О целесообразности введения в юридических вузах специализации по криминологии и профилактике преступлений / Н.Л. Шелухин, А.Н. Шелухин // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 707–713.
3. Титаев, К.Д. Манифест новой количественной криминологии. «Уголовная политика с опорой на данные» / К.Д. Титаев [и др.] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2018. – Т. 9, вып. 1. – С. 91–101. – URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/manifest-novoy-kolichestvennoy-kriminologii-ugolovnaya-politika-s-oporoy-na-dannye.pdf>. (дата обращения: 25.09.2024).
4. Курс мировой и российской криминологии [Текст]: учебник: [в 2 т.] / В.В. Лунеев; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – Москва: Юрайт, 2011. – Т. 1. Общая часть. – 1002 с.
5. Wilson, J.R. The word criminology: a philology and a definition / J.R. Wilson // *The Criminology, Criminal Justice, Law & Society*. – 2015. – Vol. 16. – № 3. – P. 61–82.
6. Forensic Criminology / ed.: Wayne A. Petherick, Brent E. Turvey, Claire E. Ferguson (2009). – URL: https://booksite.elsevier.com/samplechapters/9780123750716/Sample_Chapters/01~Front_Matter.pdf (date of access: 25.09.2024).
7. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – СПб., 1908. – URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gross/gross.htm> (дата обращения: 21.09.2024).
8. Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 4 июля 2018 г. № 161. – URL: <https://vak.gov.by/node/1117> (дата обращения: 05.10.2024).
9. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Занятия». – URL: https://profmed.lprof.by/kcfinder/upload/files/ОКРБ_14-2017%281%29.pdf (дата обращения: 30.09.2024).
10. Криминология за рубежом. – URL: <https://www.hotcourses.ru/study/training-degrees/international/criminology-courses/cgory/ee.24-4/sin/ct/programs.htm> (дата обращения: 30.09.2024).
11. Аванесян, В.В. Профессия кримиолога в России и в зарубежных странах: сравнительное исследование / В.В. Аванесян // *Вестник Московской финансово-юридической академии*. – 2012. – № 2. – С. 86.
12. Клейменов, М.П. Престиж криминологии в мире и в России [Текст] / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2012. – № 1(19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestizh-kriminologii-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 30.09.2024).
13. Ишигеев, В.С. Криминалистическая характеристика преступлений: фантом или реальность? / В.С. Ишигеев, А.В. Пузикова // *Юристы-Правоведы*. – 2018. – № 3(86). – С. 160–163.
14. Forensic Criminology / ed.: Wayne A. Petherick, Brent E. Turvey, Claire E. Ferguson (2009). – URL: https://booksite.elsevier.com/samplechapters/9780123750716/Sample_Chapters/01~Front_Matter.pdf (date of access: 30.09.2024).
15. Седнев, В.В. Судебная криминологическая экспертиза: Экспертологический аспект / В.В. Седнев // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2023. – № 3(38). – С. 138–142.
16. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. – URL: <https://sudexpert.gov.by/ru/expertise.html> (дата обращения: 10.09.2024).
17. О криминологической экспертизе: Указ Президента Республики Беларусь 29 мая 2007 г. № 244 (в редакции Указа от 18 марта 2021 г. № 11) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
18. Кремлев, М. В. Криминологическая экспертиза обстоятельств, свидетельствующих о функционировании экстремистской ячейки «А.У.Е.»: объекты, задачи исследования и формы выводов / М.В. Кремлев // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сб. тезисов выступлений и докладов: в 2 т. – Рязань, 2022. – Т. 2. – С. 444–446.*
19. Долгова, А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность [Текст] / А.И. Долгова. – URL: <http://crimas.ru/?p=3441> (дата обращения: 10.09.2024).

Поступила в редакцию 07.10.2024

Оговорка к договору как проблемный институт в праве международных договоров

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Оговорка к договору – это одностороннее заявление государства, посредством которого оно намерено исключить или изменить определенные положения международного договора относительно своих прав и обязательств при участии в договоре. Институт оговорки в договоре – относительно новое явление в международном праве, появившееся в конце 40-х годов прошлого столетия. В XIX веке, когда международное право приобрело преимущественно договорный характер, институт оговорок не был известен. Лига Наций в период с 1919 по 1939 г. категорически отказывалась принимать оговорки к договорам, придерживаясь «принципа единогласия» в международных договорах. При ратификации Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 года (далее – Конвенция 1948 г.) ряд государств обусловили свое участие в ней различного рода оговорками. Это обстоятельство побудило Генеральную Ассамблею обратиться в Международный Суд с просьбой дать юридическую оценку внесенным государствами оговоркам к Конвенции 1948 г. Международный Суд ООН, сделав 28 мая 1951 года консультативное заключение по оговоркам государств к Конвенции 1948 г. (далее – Консультативное заключение), фактически легитимировал оговорки, тем самым дав «зеленый свет» их широкому применению в многосторонних договорах. В последующем в международных актах по правам человека произошло ограничение режима применения оговорок.

Цель статьи – исследовать институт оговорки в праве международных договоров на конкретных примерах и определить значение и роль оговорок с позиции эффективности договорных отношений.

Материал и методы. Материалом исследования послужили: Консультативное заключение Международного Суда ООН от 28 мая 1951 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Руководство по практике относительно оговорок к международным договорам, предложенное Комиссией международного права в 2011 г., международные договоры, содержащие оговорки.

В качестве методов исследования проблемы использовались историко-правовой, аналитический, системный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. На основании проведенного исследования следует вывод о широком применении в практике заключения международных договоров оговорок, которыми участники изменяют или полностью исключают для себя отдельные нормы договоров. Консультативное заключение Международного Суда ООН 1951 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам легитимировали институт оговорки в праве международных договоров и определили требования к их применению. Однако, как свидетельствует практика применения оговорок в международных договорах, не всегда государства правильно формулируют оговорки, что снижает полезную эффективность действия международных договоров.

Заключение. Оговорки в договорах получили широкое практическое применение в современном праве международных договоров. Посредством института оговорок решается важная задача международного права – увеличение количества участников международных соглашений, поскольку допущением оговорок привлекаются участники, которые в противном случае оказались бы вне договоров.

Но наряду с этим следует отметить нарушение отдельными государствами основополагающего правила при заявлении оговорок – они не должны противоречить цели и характеру договора. В результате таких нарушений договор превращается не в четко определенные обязательства участников, а в декларацию о намерениях, что снижает результативность всего международного права.

Ключевые слова: международный договор, оговорка к договору, Международный Суд, конвенция, право международных договоров.

Reservation to a Treaty as a Problematic Institution in the Law of International Treaties

Baryshev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A treaty reservation is a unilateral statement by a state by which it intends to exclude or modify certain provisions of an international treaty regarding its rights and obligations when participating in the treaty. The institution of a reservation in a treaty is a comparatively new phenomenon in the international law which appeared in the 1940s. In the 19th century,

when international law acquired a contractual nature, the institution of reservations was unknown. The League of Nations from 1919 to 1939 categorically refused to accept reservations, adhering to the "principle of unanimity" in international treaties. When ratifying the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of December 9, 1948 (the 1948 Convention) a number of countries stipulated their participation in it by various reservations. This fact caused application of the General Assembly to the International Court of Justice, to give an advisory opinion on states' reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. The UN International Court actually legitimized reservations in its assessment of May 28, 1951 thus giving the green light for their application in multilateral treaties. Later, international human rights instruments tightened the regime of reservations.

The purpose of the work is to study the institution of reservations in the law of international treaties with consideration of specific examples and to identify the significance and the role of reservations from the point of view of the efficiency of treaty relations.

Material and methods. The research material included: Advisory Opinion of the International Court of Justice of May 28, 1951, Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, Guide to Practice on Reservations to International Treaties proposed by the International Law Commission in 2011, international treaties which contain reservations.

The historical and legal, analytical, systemic, formal-logical methods were used as the research methods.

Findings and their discussion. As a result of the research a conclusion can be made about a wide application in the practice of international treaties conclusion of reservations by which the sides modify or completely exclude some treaty norms. Advisory Opinion of the International Court of Justice of May 28, 1951, Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, Guide to Practice on Reservations to International Treaties legitimized the institution of reservation in the law of international treaties and the requirements to their application. However, as the practice of reservation application in international law shows states not always formulate reservations correctly which reduces the efficiency of international treaties.

Conclusion. Reservations in treaties have received wide practical application in the law of international treaties. By the institution of reservations an important problem of international law – the increase of the number of international agreement participants is solved, since admitting reservations attracts participants who otherwise could be outside the treaty.

But along with this, it should be noted that individual states violate the fundamental rule when making reservations – they must not contradict the purpose and nature of the treaty. As a result of such violations, the treaty turns not into firm obligations of the participants, but into a declaration of intent, which reduces the efficiency of all international law.

Key words: international treaty, reservation to a treaty, International Court of Justice, convention, law of international treaties.

Впервые проблема оговорки к договору в международном праве возникла при ратификации государствами Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года (далее – Конвенция 1948 г.), когда ряд государств сопроводили свое официальное согласие на участие в названной Конвенцией внесением оговорок различного характера [1]. В числе государств, заявивших оговорки, были также СССР и БССР. Масовость представленных оговорок к столь важному для всего международного сообщества акту, побудил Генеральную Ассамблею ООН как инициатора принятия Конвенции 1948 г. обратиться в Международный Суд с просьбой дать консультативное заключение по внесенным государствами оговоркам. Международный Суд ООН вынес консультативное заключение «Оговорки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 28 мая 1951 года (далее – Консультативное заключение 1951 г.) [2]. Статус Международного Суда как главного правового органа позволил оговоркам утвердиться в международном праве и получить широкое применение при заключении международных многосторонних договоров.

Цель статьи – исследование института оговорки в праве международных договоров с рассмотрением конкретных примеров ее применения в договорной межгосударственной практике.

Материал и методы. Материалом исследования послужили Консультативное заключение Международного Суда ООН от 28 мая 1951 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Руководство по практике относительно оговорок к международным договорам, предложенное Комиссией международного права в 2011 г., международные договоры, содержащие оговорки. В качестве методов исследования проблемы использовались историко-правовой, аналитический, системный, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. В Консультативном заключении 1951 г. Международный Суд ответил на три вопроса по поводу оговорок государств, сделанных ими при ратификации Конвенции 1948 г., которые и стали основой для закрепления в праве международных договоров института оговорок, получившего широкое практическое применение.

Первый вопрос, сформулированный Международным Судом, имел следующее содержание:

«Может ли делающее оговорку государство считаться участником этой Конвенции, пока оно все еще настаивает на своей оговорке, если против этой оговорки было заявлено возражение одним или несколькими участниками Конвенции, но не другими?». Ответ на данный вопрос был дан следующий: «Государство, которое сделало оговорку и настаивает на ней, в то время как против этой оговорки было заявлено возражение одним или несколькими участниками Конвенции, но не другими, может считаться участником Конвенции, если оговорка совместима с предметом и целью Конвенции; в противном случае это государство не может считаться участником Конвенции» [2].

Второй вопрос звучал следующим образом: «В случае утвердительного ответа на первый вопрос, какое значение имеет оговорка между делающим оговорку государством и: а) теми участниками Конвенции, которые возражают против этой оговорки? б) теми, кто принимает ее?». Ответ Международного Суда был таким: «а) если участник Конвенции возражает против оговорки, которую он считает несовместимой с предметом и целью Конвенции, он может фактически считать, что государство, делающее оговорку, не является участником Конвенции; б) если, с другой стороны, участник Конвенции принимает оговорку как совместимую с предметом и целью Конвенции, он может фактически считать, что государство, делающее оговорку, является участником Конвенции» [2].

Третий вопрос, на который ответил Международный Суд: «Какое юридическое значение для ответа на первый вопрос имеет возражение против оговорки, заявленное: а) государством, подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию? б) государством, которое имеет право подписать Конвенцию или присоединиться к ней, но еще не сделало этого?».

Последовавший ответ Суда констатировал: «а) возражение против оговорки, заявленное государством подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию, может иметь юридическое значение, указанное в ответе на первый вопрос, только после ратификации. До того момента оно лишь уведомляет другое государство о возможной позиции государства, подписавшего Конвенцию; б) возражение против оговорки, заявленное государством, которое имеет право подписать Конвенцию или присоединиться к ней, но еще этого не сделало, не имеет юридической силы» [2].

Как видно из поставленных вопросов и данных на них ответов, Международный Суд четко

и внятно изложил свою позицию по возникшей проблеме оговорок к Конвенции 1948 г., определив фундаментальный подход к оговорке: государство, заявившее оговорку, считается участником договора, если она совместима с предметом и целью договора.

Дальнейшее развитие темы оговорок произошло в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Конвенция 1969 г.), где понятие оговорки сформулировано в ст. 2, раскрывающей используемые термины, а порядку применения оговорок посвящен раздел 2, включающий пять статей: ст. 19 «Формулирование оговорок»; ст. 20 «Принятие оговорок и возражение против них»; ст. 21 «Юридические последствия оговорок и возражений против оговорок»; ст. 22 «Снятие оговорок и возражений против оговорок»; ст. 23 «Процедура, касающаяся оговорок» [3].

В ст. 2 в п. «d» Конвенции 1969 г. содержится следующее определение: «Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству» [3].

Согласно ст. 19 указанной Конвенции 1969 г.: «Государство может при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединения к нему формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда:

- а) данная оговорка запрещается договором;
 - б) договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит; или
 - в) в случаях, не подпадающих под действие пунктов «а» и «б», – оговорка несовместима с объектом и целями договора» [3].
- Приведенная статья предоставляет право государству делать оговорки при выражении своего участия в договоре, за исключением указанных случаев.

В п. 1 ст. 20 разрешен вопрос о принятии оговорок: «Оговорка, которая определенно допускается договором, не требует какого-либо последующего принятия другими договаривающимися государствами, если только договор не предусматривает такого принятия». Оговорка, согласно п. 2 ст. 20, требует принятия ее всеми участниками, если из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми

его участниками является существенным условием для согласия каждого участника на обязательность для него договора» [3].

В ст. 21 определены юридические последствия оговорок и возражений против них. В частности, оговорка «а) изменяет для сделавшего оговорку государства в его отношениях с этим другим участником положения договора, к которым относится оговорка в пределах сферы действия оговорки; и б) изменяет в той же мере указанные положения для этого другого участника в его отношениях со сделавшим оговорку государством» [3]. В то же время оговорка не изменяет положения договора для других участников в их отношениях между собой (п. 2 ст. 21). Действие оговорки распространяется только на отношения между государством, сделавшим оговорку и государством, возразившим на нее, не исключая действия договора в целом между названными государствами (п. 3 ст. 21).

В ст. 23 определена процедура заявления оговорок. Согласно п. 1 указанной статьи, оговорка предполагает обязательную письменную форму ее заявления, а также согласия с оговоркой или возражения на нее с доведением до сведения всех участников договора и других государств, имеющих право стать участниками договора. В п. 2 ст. 23 установлено требование подтверждения государством оговорки, сделанной при подписании договора, при его выражении согласия на обязательность договора при ратификации, принятии или утверждении.

Несмотря на кажущуюся полноту и исчерпанность, содержащихся в Конвенции 1969 г. норм, касающихся оговорок, противоречивая практика в этом вопросе побудила Комиссию международного права еще раз обратиться к проблеме оговорок в договоре. В 2011 году Комиссия приняла Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам (далее – Руководство КМП), работа над которым велась с 1993 года [4]. В Руководстве КМП содержится следующее определение оговорки в международном договоре: «Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить

юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству или к данной международной организации» [4]. По формулировке и смыслу определение оговорки, данное Комиссией международного права, практически тождественно с определением, содержащимся в Конвенции 1969 г.

В Руководстве КМП приведен перечень наиболее часто встречающихся оговорок. В частности, к оговоркам отнесены:

1) одностороннее заявление, посредством которого государство желает исключить применение договора или некоторых его положений к территории, к которой этот договор применялся бы в отсутствие такого заявления;

2) одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражают свое согласие на обязательность для него/нее договора, и посредством которого его автор желает ограничить обязательства, налагаемые на него договором;

3) одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией в тот момент, когда это государство или эта организация выражают свое согласие на обязательность для него/нее договора, и посредством которого это государство или эта организация желают выполнять вытекающее из договора обязательство иным методом, чем тот, который предусмотрен договором, но эквивалентным ему;

4) одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в тот момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность для него/нее договора в соответствии с положением, прямо разрешающим всем сторонам или некоторым из сторон исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к этим сторонам.

В Руководстве КМП указывается оговорка, которая допускается договором, не требует какого-либо последующего принятия другими договаривающимися государствами, если только договор не предусматривает такого принятия. Если из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и из объекта и целей договора следует, что применение договора в целом между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника на обязательность для него договора, то оговорка требует принятия ее всеми участниками.

В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации.

Если оговорка принята другим договаривающимся государством, это делает государство, сформулировавшее оговорку, участником этого договора по отношению к принявшему оговорку государству. Возражение другого договаривающегося государства против сделанной оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством, возражающим против оговорки, и государством, сформулировавшим оговорку, если возражающее против оговорки государство определенно не заявит о противоположном намерении.

Акт, выражающий согласие государства на обязательность для него договора и содержащий оговорку, приобретает силу, как только хотя бы одно из других договаривающихся государств примет эту оговорку.

Оговорка считается принятой государством, если оно не выскажет возражений против нее до конца двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке, или до той даты, когда оно выразило свое согласие на обязательность для него договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней.

Юридическим последствием оговорки является изменение для сделавшего оговорку государства в его отношениях с одним участником или со всеми другими участниками положения договора, к которым относится оговорка. В то же время оговорка не изменяет положений договора для других участников в их отношениях между собой.

Если государство, занимающее позицию против оговорки, возражало против вступления в силу договора между собой и сделавшим оговорку государством, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между этими двумя государствами в пределах сферы действия такой оговорки.

Государство, сделавшее оговорку к договору, может в любое время ее снять. Снятие оговорки вступает в силу в отношении другого договаривающегося государства только после получения этим последним письменного уведомления об этом. Таким же образом происходит снятие возражения против оговорки.

Оформление оговорки государством возможно при подписании (обмене нотами, письмами или иными документами), ратификации, утверждении, присоединении, оформлении правопреем-

ства, принятии многосторонних международных договоров государством.

Таковы главные положения Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, принятые Комиссией международного права.

В Республике Беларусь вопрос об оговорках получил регулирование в Законе Республики Беларусь о международных договорах Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З, где дано следующее ее определение: «Оговорка – одностороннее официальное заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством, международной организацией или иным субъектом, обладающим правом заключать международные договоры, в соответствии с условиями международного договора и (или) международным правом, посредством которого выражается желание исключить или изменить юридическое действие определенных положений международного договора в их применении к этим государству, международной организации или иному субъекту, обладающему правом заключать международные договоры» [5].

В ст. 28 названного Закона установлено: «При обмене нотами, письмами или иными документами, образующими многосторонний международный договор, подписании, ратификации, утверждении (принятии) многосторонних международных договоров, присоединении к таким международным договорам или правопреемстве в отношении таких международных договоров Республикой Беларусь могут быть сделаны оговорки в соответствии с условиями международного договора и (или) международным правом» (ч. 1 ст. 28) [5]. Оговорка не считается существующей, если она не подтверждена при выражении согласия Республики Беларусь на обязательность для нее такого международного договора (ч. 2 ст. 28). Оговорки, сделанные Республикой Беларусь, могут быть сняты в любое время в том же порядке, в котором они были сделаны (ч. 3 ст. 28).

Обширный комментарий по оговоркам содержится в Рекомендациях Министерства иностранных дел по применению Закона о международных договорах Республики Беларусь [6].

Практика применения оговорок в международных договорах получила широкое распространение и по своей направленности может носить различный характер. Так, при присоединении Белорусской ССР к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. 10 апреля 1986 года были сделаны следующие оговорки

и заявления: «Республика Беларусь не считает себя связанной положениями статьи 66 Венской конвенции о праве международных договоров и заявляет, что для передачи любого спора между Договаривающимися Сторонами о применении или толковании статей 53 или 64 на решение Международного суда или любого спора о применении или толковании любой другой статьи части V Конвенции на рассмотрение согласительной комиссии необходимо в каждом отдельном случае согласие всех сторон, участвующих в споре, и что мировыми посредниками, включаемыми в состав согласительной комиссии, могут являться лишь лица, назначенные участниками спора с их общего согласия» [7].

«Республика Беларусь будет считать для себя необязательными положения пункта 3 статьи 20 и пункта «b» статьи 45 Венской конвенции о праве международных договоров, поскольку они противоречат сложившейся международной практике» [7]. (В п. 3 ст. 20 установлено, что в случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации. В п. «b» ст. 45 установлено, что государство должно в силу его поведения считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии).

«Республика Беларусь заявляет, что она сохраняет за собой право принимать любые меры по охране своих интересов в случае несоблюдения другими государствами положений Венской конвенции о праве международных договоров» [7].

Если выполнение внутригосударственных процедур в отношении оговорки совмещается с выполнением внутригосударственных процедур в отношении международного договора, к которому оговорка вносится, то в проекте правового акта о подписании (присоединении, заключении путем обмена письмами или нотами, выражении согласия на обязательность) делается указание на оговорку и приводится ее полный текст.

Примером может служить ст. 1 Закона Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. № 83-З «О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи»: «Ратифицировать Конвенцию о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи, принятую Гаагской конференцией по международному частному праву в г. Гааге 23 ноября

2007 года и подписанную Республикой Беларусь в г. Гааге 15 марта 2017 года (далее – Конвенция), со следующими оговорками в соответствии со статьей 62 Конвенции: “1. Согласно пункту 2 статьи 2 Конвенции в Республике Беларусь Конвенция применяется к обязательствам по содержанию, возникающим из отношений между родителями и детьми в возрасте до 18 лет. 2. Согласно пункту 8 статьи 30 Конвенции Республика Беларусь оставляет за собой право не признавать и не исполнять соглашения о выплате средств на содержание. 3. Согласно пункту 3 статьи 44 Конвенции в Республике Беларусь не используется французский язык при осуществлении иных сообщений между Центральными органами и заявлением в соответствии со статьей 63 Конвенции: “В Республике Беларусь в отношении просьб о признании и исполнении решений применяется процедура признания и исполнения решений, предусмотренная статьей 24 Конвенции”» [8].

Оговорка должна быть доведена в письменной форме до сведения договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками международного договора.

Доведение оговорки до сведения указанных государств и организаций осуществляется путем направления ноты, содержащей оговорку: в отсутствие депозитария – непосредственно договаривающимся государствам и договаривающимся организациям и другим государствам и международным организациям, имеющим право стать участниками международного договора; при наличии депозитария – депозитарию, который в кратчайшие сроки уведомляет об этом государства и организации, которым она адресована. Оговорка, заявляемая при подписании, доводится до сведения заинтересованных государств и организаций непосредственно в ходе подписания.

Не допускаются оговорки к двусторонним международным договорам. Также не допускаются оговорки к международному договору, в котором прямо запрещены оговорки. В случае если международный договор допускает только определенный вид оговорок, не допускаются иные оговорки к нему. Не допускаются оговорки, несовместимые с объектом и целями международного договора.

Примером недопустимой оговорки может служить оговорка Китайской Народной Республики, сделанной при оформлении участия в Международном пакте об экономических, социальных

и культурных правах от 16 декабря 1966 года, в соответствии с которой статья 8.1(а) Пакта применяется в пределах, совместимых с рядом национальных актов Китая, таких как Закон о профсоюзах и Закон о труде [9].

Статья 8.1(а) предусматривает, что участвующие в Пакте государства обязуются обеспечить право каждого человека создавать для осуществления и защиты своих экономических и социальных интересов профессиональные союзы и вступать в таковые по своему выбору при единственном условии соблюдения правил соответствующей организации. Пользование указанным правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественного порядка или для ограждения прав и свобод других. Исходя из содержания ст. 8.1(а), ряд государств возразили против этой оговорки Китая, заявив о ее несовместимости с объектом и целями международного договора.

Оговорка должна всегда иметь конкретный характер, чтобы другие участники договора могли ясно представлять, что желает изменить для себя при выполнении договора государство посредством оговорки. Наиболее часто встречающимся нарушением правил оформления оговорки является ссылка государств-участников на национальное законодательство как условие выполнения определенных обязательств по договору.

Вместе с тем в отсутствии информации о содержании национального законодательства государства – автора оговорки другие участники не имеют возможности определить, в каком объеме автор оговорки принимает на себя обязательства по заключаемому международному договору. В данном случае выполнение обязательств по договору государство-участник обуславливает действием национального законодательства, что в принципе неверно, поскольку дает основание государству обосновывать невыполнение договорных обязательств ссылками на национальное право. Подобная практика прямо противоречит ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров, которая установила: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не каса-

лось нормы его внутреннего права особо важного значения» [3].

Помимо этого заявление государства, обуславливающее его участие в договоре в зависимости от национальных норм, не может считаться оговоркой в соответствии с ее определением в Конвенции 1969 г. и Руководстве КМП, поскольку оговорка призвана «...исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора (выделено нами. – Б.В.) в их применении к данному государству или к данной международной организации». В случае, когда государства оговаривает свое участие в договоре соответствием условий договора национальным нормам, изменяется не определенная норма договора, а выдвигается условие действия всего договора в отношении государства-участника. Очевидно, что противодействовать подобному поведению государств, по нашему мнению, следует запретом, включаемым в текст договора следующего содержания: «Государство, выразившее готовность стать участником договора, не может обуславливать участие в договоре своими нормами национального права или какими-либо иными причинами».

Достаточно часто государства прибегают к оговорке с целью ограничения территориальной сферы действия договора. Примером могут быть оговорки некоторых государств (например, Нидерланды, Великобритания, Франция, Китай) в соответствии с которыми заключаемые ими международные договоры не распространяют свое действие на их заморские или островные территории. Такое ограничение связано с особым государственно-политическим статусом этих территорий. По своему содержанию подобные заявления государств также не могут считаться оговорками, поскольку не изменяют юридическое действие отдельных положений договора, а ограничивают сферу действия всего договора в целом.

Частая повторяемость таких оговорок государствами, владеющими заморскими и островными территориями, может свидетельствовать о формировании международного обычая в отношении нераспространения действия международного договора на указанные территории, вследствие чего такие оговорки могут уже считаться привычными и не обязательными для фиксации в международных договорах.

Еще одной типичной оговоркой стала оговорка об отсутствии факта международного признания в случае участия в договоре государств, не признающих друг друга. Такие оговорки,

как правило, вносят в договор арабские государства, не признающие существование Израиля, если они становятся участниками договора, субъектом которого ранее стало государство Израиль. Названная ситуация требует особого рассмотрения, поскольку она касается не только отношений около двадцати арабских государств с Израилем, но и отношений большинства государств с непризнанными или частично признанными государствами, которых в мире насчитывается более десяти и проблему международной правосубъектности которых мировое сообщество упорно не замечает. Современная ситуация в мире, когда крохотные государства с численностью населения чуть более десяти тысяч человек (Науру – 11100, Тувалу – 11800), являются полноправными членами ООН, а Китайская Республика Тайвань (население – 23,6 млн), Государство Палестина (население – 5,8 млн), Республика Косово (население – 1,8 млн) лишены возможности быть полноправными членами международного сообщества, не может быть признана логичной и справедливой. Представляется, что участие частично признанных государств в международных договорах способствовало бы укреплению единства современного мира и преодолению международной изоляции названных государств. Возможную проблему многочисленных оговорок со стороны государств, не желающих признавать отдельных участников договора, следует разрешать, с нашей точки зрения, с помощью формулировки в общих положениях преамбулы договора следующего содержания: «Участие в договоре государства, не признающего какого-либо государства-участника либо участников, не означает его или их признания». В результате использования такой формулировки окажутся излишними оговорки в договоре о непризнании государством-участником какого-либо другого участника. По своему содержанию оговорка о непризнании одним участником многостороннего договора другого участника договора в качестве субъекта правоотношений таковой не является, поскольку она не касается исключения какой-либо нормы договора. Данное положение давно уже напрашивается для закрепления в качестве специального принципа права международных договоров.

Заключение. Таким образом, институт оговорки к многостороннему договору в современном международном праве получил широкое применение при оформлении участия государств в договорах. В то же время само применение оговорок в многосторонних договорах носит про-

тиворечивый характер. Главным побудительным мотивом допущения оговорок в многостороннем договоре – это стремление расширить количества его участников. В Руководстве по международным договорам, подготовленным Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций, отмечается: «Оговорка может позволить государству стать стороной в многостороннем договоре, участвовать в котором в противном случае оно либо не пожелало бы, либо не смогло» [10].

Однако наряду с названным позитивным фактором, оговорка к договору таит в себе и существенную негативную сторону, что проявляется в нарушении государствами правил формулирования и внесения оговорок, в результате чего государства оговаривают для себя особые условия участия в договоре. Наиболее часто встречающимся нарушением правил оформления оговорки является ссылка государств-участников на национальное законодательство как условие выполнения всего договора. Противодействовать подобному поведению государств следует запретом, на наш взгляд, включаемым в текст договора: «Государство, выразившее готовность стать участником договора, не может обуславливать участие в договоре нормами национального права или какими-либо иными причинами».

Типичной оговоркой стала оговорка об отсутствии факта международного признания в случае участия в договоре государств, не признающих друг друга. Эту проблему, в нашем понимании, следует разрешать с помощью формулировки в общих положениях преамбулы договора следующего содержания: «Участие в договоре государства, не признающего какого-либо государства-участника либо участников, не означает его или их признания».

Представляется, что включение в общие положения многосторонних договоров приведенных формулировок позволит значительно сократить количество оговорок, вносимых государствами при оформлении своего участия в многосторонних договорах, что повысит действенность и результативность многосторонних договоров в целом.

Литература

1. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 19.12.2024).

2. Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него. Консультативное заключение Международного Суда ООН от 28 мая 1951 года // Краткое изложение решений, консультационных заключений и постановлений Международного Суда (1948–1991). Организация Объединенных Наций. – URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serfl.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

3. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 19.12.2024).

4. Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии. – URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/addendum.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

5. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З; в ред. от 8 июля 2024 г. № 28-З // *ilex*: информ. правовая система (дата обращения: 20.12.2024).

6. Рекомендации Министерства иностранных дел по применению Закона о международных договорах Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/GDPU/2020_recommendation_MP.pdf (дата обращения: 20.12.2024).

7. О присоединении Республики Беларусь к Венской конвенции о праве международных договоров: Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 10 апр. 1986 г. № 754-XI. СЗ БССР. – 1986. – № 11. – Ст. 140.

8. О ратификации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи: Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2017 г. № 83-З. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11700083> (дата обращения: 20.12.2024).

9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Полный текст с оговорками и возражениями. Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 19.12.2024).

10. Руководство по международным договорам. Подготовлено Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/treaty_handbook.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

Поступила в редакцию 16.07.2024

Особенности причинного комплекса преступности в Республике Беларусь (социально-психологический, правовой и криминологический аспекты)

Андреасян М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

С момента распада СССР, бывшие советские республики, обретая независимость и возможность самостоятельно определять вектор своего внешнеполитического и внутреннего развития, вместе с тем столкнулись с серьезным социально-экономическим кризисом, приведшим к существенному росту преступных показателей. Подобная тенденция не обошла стороной и Республику Беларусь.

Цель данной работы – выявить на основе всестороннего анализа состояние и тенденции развития преступности, а также трансформацию ее детерминант в Республике Беларусь с момента обретения ею статуса суверенного государства и до настоящего времени, в том числе разработать предложения по ее минимизации.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы ведущих отечественных ученых-криминологов, в которых рассмотрены состояние и тенденции развития преступности в Республике Беларусь.

Эмпирическую основу составили аналитические материалы и статистические данные МВД Республики Беларусь, Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь.

Методологической основой является совокупность научных приемов и методов исследования социальных явлений и процессов, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, логический и системно-структурный. В работе сочетаются историко-правовой и проблемно-теоретический приемы исследования, индукция, дедукция, синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение. В статье автором предлагается один из наиболее применимых концептуальных подходов к пониманию причинного комплекса преступности. Также осуществляется комплексный анализ состояния и тенденций развития преступности в Республике Беларусь. Проводится причинно-следственная связь между статистическими показателями, внешними и внутренними детерминантами преступности в государстве. Анализируются положения Концепции национальной безопасности, касающиеся рассматриваемой проблемы. На основе проведенного анализа причинного комплекса преступности в Республике Беларусь предлагаются меры по ее превенции.

Заключение. В современном контексте анализ состояния и тенденций развития причинного комплекса преступности в Республике Беларусь сохраняет свою актуальность, определяя необходимость более глубокого и комплексного понимания факторов, лежащих в основе преступных явлений в стране. Проведенный в работе анализ экономических, социальных, нравственно-психологических и правовых детерминант преступности позволяет проследить их тесную взаимосвязь со статистическими данными Республики Беларусь в исследуемой области.

Автор пришел к выводу, что выявление взаимосвязи между показателями преступности и ее детерминантами становится ключевым условием разработки эффективной стратегии превентивных мер и формирования политики, направленной на снижение уровня преступности в белорусском обществе.

Ключевые слова: причинность преступности, детерминанты преступности, Республика Беларусь, киберпреступность, женская преступность, подростковая преступность, рецидивная преступность, виктимизация, профилактика преступности, Концепция национальной безопасности.

Features of the Causal Complex of Crime in the Republic of Belarus (Social and Psychological, Legal and Criminological Aspects)

Andreasyan M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Since the collapse of the USSR, most of the former Soviet republics, having gained independence and the ability to independently determine the vector of their foreign policy and internal development, at the same time faced a serious social and economic crisis, which led to a sharp jump in criminal indicators. This trend has not spared the Republic of Belarus.

The purpose of the work is to identify, on the basis of a comprehensive analysis, the state and trends of crime development in the Republic of Belarus and to develop proposals for its minimization.

Materials and methods. *The theoretical basis of the research was the work of leading domestic criminologists, who examined the state and trends of crime in the Republic of Belarus.*

The empirical basis of the study was made up of analytical materials and statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, and the Supreme Court of the Republic of Belarus.

The methodological basis of the research is a set of scientific techniques and methods for studying social phenomena and processes, including formal legal, comparative legal, statistical, logical and system-structural methods. The work combines historical-legal and problem-theoretical research techniques, induction, deduction, synthesis, generalization.

Findings and their discussion. *In the paper, the author proposes one of the most applicable conceptual approaches to understanding the causal complex of crime.*

The work also provides a comprehensive analysis of the state and trends of crime development in the Republic of Belarus. A causal relationship is established between statistical indicators, external and internal determinants of crime in the state. The provisions of the National Security Concept concerning the problem under consideration are analyzed.

Based on the analysis of the causal complex of crime in the Republic of Belarus, the author proposes measures to prevent it.

Conclusion. *In the modern context, the analysis of the state and development trends of the causal complex of crime in the Republic of Belarus remains relevant, determining the need for a deeper and more comprehensive understanding of the factors underlying criminal phenomena in the country.*

The analysis of the economic, social, moral, psychological and legal determinants of crime carried out in the work allows us to trace their close relationship with the statistical data of the Republic of Belarus in the field under study.

The author came to the conclusion that identifying the relationship between crime rates and its determinants is becoming a key condition for developing an effective strategy for preventive measures and shaping policies aimed at reducing crime in Belarusian society.

Key words: *causality of crime, determinants of crime, Republic of Belarus, cybercrime, female crime, juvenile delinquency, recidivism, victimization, crime prevention, National Security Concept.*

Зарождение преступности как деструктивного социально-психологического и правового (а по мнению представителей биологической школы в криминологии, и биологического по своему происхождению) явления обусловлено рядом условий, причин и факторов, детерминирующих ее возникновение и развитие в конкретном обществе и временном промежутке.

Как отмечается в криминологической литературе, «наряду с общими для всех времен и государств детерминантами преступности как явления, порождаемого с неизбежностью биосоциальной человеческой природой, преступность в Республике Беларусь обусловлена также своеобразным причинным комплексом, включающим в себя ряд внешних и внутренних условий» [1, с. 91].

Цель данной работы – выявить на основе всестороннего анализа состояние и тенденции развития преступности, а также трансформацию ее детерминант в Республике Беларусь с момента обретения ею статуса суверенного государства и до настоящего времени, в том числе разработать предложения по ее минимизации.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы ведущих отечественных ученых-криминологов, в которых рассмотрены состояние и тенденции развития преступности в Республике Беларусь.

Эмпирическую основу составили аналитические материалы и статистические данные МВД Республики Беларусь, Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь, Национального статисти-

ческого комитета Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь.

Методологической основой исследования является совокупность научных приемов и методов является формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, логический и системно-структурный.

В работе сочетаются историко-правовой и проблемно-теоретический приемы исследования, индукция, дедукция, синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Под причинностью преступности следует понимать криминогенный комплекс, имеющий сложную социо-биопсихологическую природу и включенный в систему общества в целом.

Как свидетельствуют статистические данные и научные исследования, причинный комплекс современной преступности в Республике Беларусь уходит с корнями в 90-е годы минувшего столетия. Распад Советского Союза послужил толчком для возникновения состояния аномии, породившей в белорусском обществе существенные противоречия в различных сферах жизни.

В общем, в современных реалиях преступность в Республике Беларусь обусловлена рядом внешних и внутренних условий.

В качестве внешнего условия, в первую очередь, выступает геополитическое положение страны, ее «транзитный» характер, создающий почву для развития незаконной миграции, транспортировки оружия и наркотиков.

Возможность свободного въезда и выезда через восточную границу республики также весьма способствует развитию контрабандной деятельности.

Уязвимость государственных границ от внешних факторов подтверждают статистические данные по государствам – участникам СНГ за 2023 год, фиксирующие рост (на протяжении последних 3-х лет) количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (850 в 2023 г.; +7,2% к 2022 г.). По данному показателю Республика Беларусь уступает лишь Республике Армения, Республике Узбекистан и Российской Федерации [2, с. 37].

Большинство фиксируемых в стране киберпреступлений, имеющих тенденцию постоянного увеличения, не обходятся без наличия «иностранного элемента», что также можно отнести к внешним факторам.

Обострение геополитических противоречий способствует дестабилизации в сфере международной безопасности.

Внешние негативные факторы закономерно влияют на различные внутригосударственные и общественные процессы, приобретающие впоследствии криминогенный характер.

Так, к экономическим детерминантам преступности можно отнести:

- определенные противоречия и сложности экономического развития страны в современных геополитических условиях;
- невысокую, но безработицу (в течение последних десятилетий в составе преступных лиц доля неработающих стабильно составляла свыше 60%);
- поляризацию населения по уровню доходов. Хотя по индексу Джинни, отражающему дифференциацию населения по уровню доходов, Республика Беларусь характеризуется более положительно, чем, например, Российская Федерация и ряд других стран, но этот фактор также выступает в качестве криминогенного;
- более высокий уровень доходности от преступной экономической деятельности, нежели легальной.

К социальным детерминантам преступности можно отнести недостатки в:

- условиях жизни, организации социального обслуживания, медицинского обеспечения и образования населения;
- семейно-бытовой, трудовой и культурно-досуговой неустроенности, приводящей к распаду семей, обострению психофизиологических

проблем в молодежной среде и ее вхождению в криминальную субкультуру, рецидивным преступлением, алкогольной, наркотической и иной девиации.

Особую роль играет нравственно-психологический причинный комплекс преступности, в частности: моральная дезорганизация определенных групп населения, пренебрежительное отношение к устоявшимся ценностям и традициям, распространение «двойных стандартов».

Криминогенным фактором также выступает правовой нигилизм, выражающийся в недостаточно высоком уровне доверия к правоохранительным органам и распространении криминальной субкультуры.

Сопутствующим условием криминогенности выступают пробелы и противоречия правовой политики в целом и уголовной политики и правоприменения в частности, недостаточная обоснованность криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации, создающие противоречия в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Особое криминогенное значение имеет и недостаточная эффективность профилактической работы правоохранительных органов. Проблема состоит в том, что эта деятельность требует серьезного ресурсного обеспечения, в первую очередь высокопрофессиональными кадрами, материальными и финансовыми средствами, специальной технической оснащенности и социально-правовой защиты. В последнее время в этом направлении предприняты значительные меры, но коренные изменения пока не наступили.

В положениях Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [3] определен перечень ключевых угроз, влияющих на рост качественных и количественных криминогенных показателей в стране, которые во многом отражают рассматриваемые внешние и внутренние детерминанты преступности. В частности, в них упоминается:

- рост безработицы, в том числе и латентной;
- нерегулируемая иммиграция;
- утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, разрушение национальных культурных и духовных традиций;
- рост преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту – ИКТ) [3, с. 11–12].

В ст. 13 Концепции в качестве немаловажного с точки зрения предупреждения преступности национального интереса предусмотрено «укрепле-

ние социального института семьи, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности» [3, с. 7].

В условиях кризисного периода начала 90-х годов XX столетия, объем преступности в Республике Беларусь ежегодно возрастал вплоть до 2005 года, когда был зарегистрирован рекордный показатель – 192 506 преступлений. Для последующих двух десятилетий характерна тенденция существенного – более чем двухкратного – снижения объема и уровня преступности в стране, при определенной стабилизации этих показателей за последние 5 лет (за исключением последних двух лет) [4, с. 252; 5].

Так, если в 2006 году было зарегистрировано 191 468 тыс. преступлений, то уже в 2024 году – 73 270 тыс. Отмечается, что в сравнении с 2023 годом число преступлений в 2024 году сократилось на 14% и достигло своего исторического минимума [5].

Вместе с тем за пять лет увеличилось на 7,7% число тяжких и особо тяжких преступлений – данный рост произошел в основном за счет участвовавших случаев мошенничества (+58,7%) и вымогательства (+61,9%) [6].

В 2023 г. в стране зарегистрировано 11 715 случаев мошенничества, что на 58,7% больше по сравнению с уровнем 2022 года. Количество потерпевших от мошенничества увеличилось на 34% – до 15 437 [7].

За 2023 г. правоохранители раскрыли всего лишь чуть более 16% преступлений, связанных с мошенничеством, при том, что эта категория нарушений закона характеризуется высокой латентностью. Причиной тому служит не обращение в правоохранительные органы пострадавших, не всегда осознающих, что стали жертвой злоумышленников, либо недостаточно уверенных в получении реальной помощи, а также не столь существенного, с точки зрения пострадавших, материального ущерба [8].

Преступления против собственности и экономические преступления составляют порядка 60% всего массива преступлений.

Значительная часть преступлений в 2023 году (54% от зарегистрированных лиц) была совершена представителями маргинальных слоев населения, т.е. лицами, которые нигде не работают и не учатся [6; 9, с. 142].

Тенденция существенного роста количества киберпреступности в мире характерна и для

Республики Беларусь, о чем свидетельствует статистика последних лет.

Так, если в 2006 году было зарегистрировано 334 таких преступлений, то в 2023 году – 13 130, т.е. почти в 50 раз больше [10, с. 80; 9, с. 140]. Всего в 2023 году доля киберпреступлений составила 21,5% от общего числа зарегистрированных преступлений [11].

За 2024 год зафиксирован рост тяжких и особо тяжких преступлений (11 251), четверть из которых составляют киберпреступления [12].

В структуре киберпреступлений преобладают, составляя свыше 90%, преступления, относящиеся к «хищениям путем модификации компьютерной информации» (ст. 212 УК Республики Беларусь), в которых компьютерная техника выступает не предметом хищения, а орудием его совершения [13, с. 557].

Несмотря на фиксацию устойчивой динамики уменьшения числа преступлений, совершенных ранее судимыми лицами (15 521; –11,9% к 2022 г.) [2, с. 49], данной категорией совершается каждое третье преступление из числа расследованных [8].

По данным Генеральной прокуратуры, «почти 70% лиц, совершивших преступления повторно, нигде не работают, и фактически каждый четвертый освободившийся из мест лишения свободы в 2023 г. уклонился от трудоустройства» [14].

Генеральный прокурор республики обратил внимание на то, что одной из причин роста рецидива преступности является недостаточность мер по контролю за ранее судимыми лицами и привлечением их к труду. В силу этого Министерству труда и социальной защиты было предложено принять меры по финансированию нанимателей, предоставляющих рабочие места ранее судимым лицам, а также определить порядок взаимодействия с данной категорией [14].

Женщины от общей численности преступников составили 18%. В последние десятилетия данный показатель весьма устойчив, а среди стран СНГ по этому показателю Республика Беларусь находится на первом месте [15, с. 274].

Наибольший удельный вес в структуре корыстных преступлений, совершаемых женщинами, составляют кражи (около 30%). В структуре женских преступлений значительное место занимают преступления в сфере экономической деятельности, поскольку данная категория характеризуется занятостью в области торговли и на тех должностях, которые имеют тесную связь с материальной ответственностью [15, с. 272–273].

Женщины в качестве жертв преступлений наиболее всего подвержены: истязаниям (до 90%); насильственным действиям сексуального характера (более 80%); угрозам убийством, причинением телесных повреждений и уничтожением имущества (более 70%) [4, с. 254].

Анализ данных свидетельствует о том, что насильственным преступлениям, преобладающим в последние годы в семейно-бытовой сфере (где почти 80% жертв составляют женщины) [4, с. 255], всегда предшествуют антисоциальные проявления среди совместно проживающих лиц (к примеру, совместное распитие спиртных напитков, к которому часто может склонять и сама жертва) [4, с. 256].

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к росту (почти в два раза) числа пострадавших женщин от деяний, связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК). Посредством социальных сетей злоумышленники анонимно отправляют интимные изображения либо пытаются всяческими способами дискредитировать жертву [4, с. 254–255].

Проблема состоит в том, что, в силу своей специфики, подобные формы насилия применяются в разных юрисдикциях, в последствии чего многие злоумышленники так и остаются безнаказанными (ввиду отсутствия санкции статьи за преступление), а жертвы в процессе виктимизации оказываются в беспомощном состоянии [4, с. 254–255].

Хотя и за последние 10 лет подростковая преступность снизилась почти вдвое: с более 2,6 тыс. случаев в 2014 году до почти 1,4 тыс. в 2023 [16], в том же 2023 году с 15,4% до 17,3% увеличился удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных подростками [6].

В 2024 году зафиксирован рост преступности среди несовершеннолетних [5], при том, что осуждено было на 14,3% меньше несовершеннолетних, чем в 2023 году [17].

В наибольшей степени подростки склонны к совершению преступлений против собственности: кражи, грабежи (предметом которых зачастую являются различные системы курения) и мошенничества [16]. Наблюдается тенденция внедрения подростков в организованные группы, преступная деятельность которых связана с наркомаркетами, выполнением роли курьеров телефонных мошенников, различных операций с платежными банковскими карточками [18].

Сотрудники правоохранительных органов отмечают, что если ранее малолетние правонарушители в подавляющем большинстве были выходцами из неблагополучных семей, то теперь наблюдается тенденция внедрения в преступную деятельность несовершеннолетних из полных и обеспеченных семей [16].

Объясняется подобный факт нехваткой родительского внимания. Совершая преступления, подростки стремятся самоутвердиться, стать независимыми и заработать легкие деньги, вовлекаясь в наркобизнес или становясь участниками киберпреступлений [16].

В ст. 29 Концепции национальной безопасности среди перечня основных криминогенных угроз упоминается также «деструктивное информационное воздействие на личность, общество, в первую очередь на молодых граждан страны и государственные институты, наносящее вред национальным интересам Республики Беларусь» [3, с. 11–12].

С развитием цифрового общества облегчается доступ подростков к информации, детерминирующей их девиантное поведение: употребление наркотических и психотропных веществ с использованием ИКТ, формирование суицидальных наклонностей и экстремистских настроений.

Высок удельный вес пострадавших несовершеннолетних от насильственных действий сексуального характера – до 90% (при этом более 80% из них – дети до 14 лет)) [4, с. 256].

В 2024 году сократилось число убийств (с 224 до 175, или на 21,9%), изнасилований и насильственных действий сексуального характера (с 449 до 385, или на 14,3%), краж (с 20 708 до 14 654, или на 29,2%), грабежей (с 988 до 713, или на 27,8%) [5]. При этом по всем фактам убийств, причинения тяжких телесных повреждений, грабежей и разбоев были установлены лица, их совершившие [12].

Уменьшилось на 13,5% (с 13 661 до 11 813) количество зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также группой лиц – на 10,9% (с 3 424 до 3 050) [5].

Проведенный в работе анализ состояния, особенностей и тенденций развития причинного комплекса преступности в Республике Беларусь позволяет сформулировать некоторые предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

«По-прежнему требуют своей практической реализации положения Концепции защиты жертв

преступной деятельности Республики Беларусь 2006 года, включая имплементацию ряда международных правовых актов, определяющих правовой статус жертв преступлений и их права на возмещение причиненного имущественного вреда» [4, с. 257].

Назрел вопрос принятия комплекса мер, направленных на законодательное закрепление методики оценки и механизма возмещения вреда жертвам преступлений, законодательного закрепления правового статуса жертв преступной деятельности [4, с. 257].

Принятие Закона «О правовом статусе жертв преступной деятельности» обеспечило бы, наряду с иным специальным виктимологическим законодательством, эффективную защиту жертв преступлений [19, с. 168].

В области виктимологической профилактики видится необходимым уделить особое внимание вопросам своевременного и качественного разрешения заявлений по фактам семейно-бытового насилия (среди супругов либо родителей и детей).

Для повышения эффективности системы мер по общей профилактике преступности существенное значение имеет развитие криминологических исследований, а также совершенствование практической деятельности субъектов профилактики преступлений. Особую роль в этом может сыграть:

- анализ условий и причин, детерминирующих преступное поведение на макро- и микроуровнях, с внесением на основе проведенного анализа предложений по совершенствованию законодательства в указанной сфере;
- анализ условий и причин, детерминирующих преступное поведение среди женщин и несовершеннолетних, а также причинности их повышенной виктимизации, с внесением на основе проведенного анализа предложений о повышении эффективности профилактической работы с данными категориями населения и повышения уровня их безопасности;
- проведение обследования условий проживания неполных и неблагополучных семей, одиноких пожилых граждан и инвалидов в целях выявления и устранения причин, способствующих совершению семейно-бытовых преступлений, а также принятия мер по повышению уровня их безопасности;
- ужесточение антикоррупционного контроля за государственными органами, их руководителями и служащими, а также обеспечение профилактики коррупции;

– освещение в средствах массовой информации деятельности правоохранительных и контролирующих органов по борьбе с преступностью в целях создания атмосферы общественного неприятия преступности во всех ее проявлениях.

Предлагаемые мероприятия по профилактике отдельных видов преступлений и в отношении определенных категорий лиц:

- совершенствование методик дорожно-транспортного контроля с целью выявления «пьяных» водителей и обеспечения своевременного привлечения данных лиц к ответственности;
- совершенствование психологических, психиатрических и наркологических методик по комплексному лечению лиц, страдающих хроническим алкоголизмом либо наркологическими расстройствами;
- проведение социальной и психологической работы в области профилактики пьянства и наркомании с работниками и учащимися учреждений образования;
- проведение сотрудниками правоохранительной системы публичных выступлений в различных организациях и учреждениях, направленных на повышение правовой грамотности населения в целях предупреждения «пьяной» преступности;
- приобщение к культурным и оздоровительным мероприятиям несовершеннолетних, имеющих алкогольную либо наркотическую зависимость, а также отбывших наказание за преступления, связанные с подобными девиантными отклонениями;
- выявление и принятие мер в отношении родителей, подверженных пьянству и наркомании и негативно влияющих на благополучное развитие своих несовершеннолетних детей, нуждающихся в правовой защите;
- совершенствование комплекса психологических и материальных мер, обеспечивающих подготовку осужденных к жизни в социуме после отбытия ими наказания в виде лишения свободы;
- совершенствование координационной работы по содействию ранее судимым лицам в получении образования, трудовой занятости с достаточным для жизни уровнем заработка, а также деятельности по формированию у данной категории законопослушного поведения;
- усиление ответственности родителей путем эффективного применения к ним административных и гражданско-правовых мер, связанных с девиантным поведением детей;

- совершенствование профилактической работы с подростками, включающую в себя проведение индивидуальных бесед и организацию качественных форм досуга;

- развитие программ, способствующих приобщению несовершеннолетних, имеющих криминогенный потенциал, к социально-культурным мероприятиям и обеспечивающих надежную реабилитацию отбывших наказание молодых правонарушителей;

- совершенствование программ родительского контроля, позволяющих законным представителям вовремя реагировать на факт пребывания своего ребенка в интернет-ресурсах и приложениях сомнительного для его благополучного развития характера, а также пресечь потенциальную угрозу совершаемого в отношении него кибернасилия;

- проведение тщательного мониторинга и принятие мер по своевременному ограничению доступа к интернет-ресурсам, в которых размещена информация о способах оплаты («Яндекс. Деньги», «WebMoney» и др.), связи («WhatsApp», «Viber», «Telegram» и др.) и получения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов;

- дополнение квалифицированными составами ст.ст. 328 и 331 УК, предусматривающих повышенную ответственность за незаконный оборот наркотических средств либо склонение к их употреблению с использованием ИКТ и сети Интернет.

Как отмечалось выше, особое значение в последние годы приобретает противодействие киберпреступности, которая в прогнозируемом будущем будет существенно определять криминальные тенденции по мере развития цифровых технологий и внедрения их во все сферы жизни общества.

Заключение. В современном контексте анализ состояния и тенденций развития причинного комплекса преступности в Республике Беларусь сохраняет свою актуальность, подчеркивая необходимость более глубокого и комплексного понимания факторов, лежащих в основе преступных явлений в стране.

Проведенный в работе анализ экономических, социальных, нравственно-психологических и правовых детерминант преступности позволяет проследить их тесную взаимосвязь с динамикой показателей преступности в стране.

Так, экономические детерминанты преступности, проявляющиеся, в частности, в незанятости

определенного числа лиц, в имущественной дифференциации населения, находят свое отражение в статистических показателях, свидетельствующих о совершении значительной части преступлений представителями маргинальных слоев населения.

К социальным детерминантам преступности в стране можно отнести проблемы с получением образования и трудоустройством ранее судимых лиц, в связи с чем каждое третье преступление совершается данной категорией.

Семейно-бытовое насилие, культурно-досуговая неустроенность, утрата духовных ориентиров и попытка ухода от реальности в виртуальный мир детерминируют различные формы преступных проявлений в подростковой среде. Стоит отметить, что рецидивисты свое первое преступное деяние совершают обычно в молодом возрасте.

Такой фактор, как активная цифровизация современного общества, ежегодно приводит к росту киберпреступности, которая детерминирует как новые формы мошенничеств, сексуальных и иных преступных посягательств, так и повышенную виктимность женщин и подростков в цифровой сфере.

Итак, выявление взаимосвязи между показателями преступности и ее детерминантами становится ключевым условием разработки эффективной стратегии превентивных мер и формирования политики, направленной на снижение уровня преступности в белорусском обществе.

Литература

1. Стаценко, В.Г. Криминология: учебник / В.Г. Стаценко. – Минск: Выш. шк., 2018. – 279 с.
2. Гребнева, А.С. Состояние и тенденции преступности на территории государств – участников содружества независимых государств в 2023 году / А.С. Гребнева, Д.Ю. Гребнев, В.Г. Смирнов // Право и управление. XXI век. – 2023. – Т. 72, № 3. – 56 с. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/578-1278-1-SM.pdf (дата обращения: 02.03.2025).
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.03.2025).
4. Стаценко, В.Г. Криминальная виктимность в Республике Беларусь: особенности и тенденции / В.Г. Стаценко. – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/39882> (дата обращения: 02.03.2025). Электрон. версия ст. из: Право: теория и практика-2023: сб. науч. ст.: текстовое электронное издание. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 251–257.
5. Генпрокурор: уровень преступности в Беларуси достиг своего исторического минимума. – URL: <https://grodnolen.gov.by/genprokuror-uroven-prestupnosti-v-belarusi-dostig-svoego-istoricheskogo-minimuma/> (дата обращения: 02.03.2025).

6. Уровень преступности в 2023 году в Беларуси стал минимальным за последние 5 лет. – Генпрокуратура. – URL: <https://www.sb.by/articles/uroven-prestupnosti-v-2023-godu-v-belarusi-stal-minimalnym-za-poslednie-5-let-genprokuratura.html> (дата обращения: 03.03.2025).

7. В Беларуси раскрывается 16% мошеннических преступлений. – URL: <https://volkovsknews.by/zakon-i-poriadok/39393-v-belarusi-raskryvaetsya-16-moshennicheskikh-prestuplenij> (дата обращения: 03.03.2025).

8. Преступность снижается, но взяточничество растет. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/prestupnost-snizhaetsya-no-vzyatochnichestvo-rastet/> (дата обращения: 03.03.2025).

9. Статистический ежегодник 2024. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. – 317 с.

10. Стаценко, В.Г. К вопросу о состоянии и динамике преступности в Республике Беларусь / В.Г. Стаценко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2018. – № 11. – С. 77–83.

11. Число насильственных преступлений в Беларуси за 20 лет сократилось почти в четыре раза. – URL: <https://www.belta.by/society/view/chislo-nasilstvennyh-prestuplenij-v-belarusi-za-20-let-sokratilos-pochti-v-chetyre-raza-615246-2024/> (дата обращения: 03.03.2025).

12. СК: в Беларуси в 2024 году количество преступлений снизилось более чем на 14%. – URL: <https://www.sb.by/articles/sk-v-belarusi-v-2024-godu-kolichestvo-prestupleniy-snizilos-bolee-chem-na-14.html> (дата обращения: 03.03.2025).

13. Стаценко, В.Г. Проблема определения и латентности преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий / В.Г. Стаценко. – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/36994> (дата обращения: 02.03.2025). Электрон. версия ст. из: Наука – образованию,

производству, экономике. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 556–558.

14. Швед: почти 70% повторно совершивших преступления нигде не работали. – URL: <https://belta.by/society/view/shved-pochti-70-povtorno-sovershivshih-prestuplenija-nigde-ne-rabotali-616334-2024/> (дата обращения: 03.03.2025).

15. Стаценко, В.Г. Состояние, динамика и особенности мужской и женской преступности в Республике Беларусь: сравнительный анализ / В.Г. Стаценко // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2024. – С. 270–275. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/44039> (дата обращения: 03.03.2025).

16. Генпрокурор рассказал, сколько в Беларуси малолетних преступников. – URL: https://tochka.by/articles/life/genprokuror_rasskazal_skolko_v_belarusi_maloletnikh-prestupnikov/ (дата обращения: 03.03.2025).

17. Верховный суд Республики Беларусь. Судимость несовершеннолетних. Статистика. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/0ae49a042ed04b7f.html (дата обращения: 03.03.2025).

18. Генпрокуратура: уровень подростковой преступности в 2023-м был минимальным за последние годы. – URL: <https://www.belta.by/society/view/genprokuratura-uroven-podrostkovej-prestupnosti-v-2023-m-byi-minimalnym-za-poslednie-gody-638354-2024/> (дата обращения: 03.03.2025).

19. Стаценко, В.Г. О некоторых тенденциях криминальной виктимности несовершеннолетних в Республике Беларусь и в Российской Федерации: компаративистский анализ / В.Г. Стаценко // Виктимология. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 164–169. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/43028> (дата обращения: 17.01.2025).

Поступила в редакцию 05.03.2025

УДК 338.48(476)

Инфраструктурный потенциал средств размещения социо-экономической системы туристическо-рекреационного комплекса

Янкевич Е.М., Глёкова В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Средства размещения являются частью социо-экономической системы туристическо-рекреационного комплекса и играют важную роль в туристической сфере и экспорте туристических услуг, являются индикатором потенциала международного взаимодействия.

Цель исследования – изучение уровня инфраструктурного потенциала средств размещения в системе туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь.

Материал и методы. *В качестве теоретической и методологической основы данного исследования применялись научные труды отечественных и зарубежных ученых в области оценки деятельности средств размещения, а также существующие в мировой практике подходы к оценке деятельности туристическо-рекреационного комплекса. В качестве эмпирической базы использовались статистические показатели Национального статистического комитета деятельности коллективных и индивидуальных средств размещения. Методическую базу определили общенаучные методы познания: синтез, группировка, сравнение, дедукция, обобщение, ранговая оценка, принципы и методы системного подхода, статистические.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассмотрены особенности состояния и динамики инфраструктуры средств размещения, сделан акцент на деятельности гостиниц, санаторно-курортных организаций, проанализирована структура и динамика изменения показателей, характеризующие деятельность субъектов размещения. Дан анализ востребованности средств размещения гражданами других стран. Результатом исследования является анализ экономического и социального влияния системы средств размещения. Выявлена динамика спроса на рекреационные услуги. Рассчитан коэффициент локализации посетителей по регионам. Обосновано, что развитие средств размещения туристическо-рекреационного комплекса обусловлено высокой степенью адаптации к внешним условиям в сочетании с государственной поддержкой.*

Заключение. *Республика Беларусь имеет достаточную инфраструктуру для размещения туристических потоков, базу для оказания санаторно-курортных услуг. Установлена региональная неравномерность средств размещения, предложены направления цифровизации в деятельности учреждений, оказывающих туристические услуги, рекомендованы направления развития.*

Ключевые слова: *средства размещения, санаторно-курортные учреждения, социо-экономическая система, туристическо-рекреационный комплекс, уровень локализации, экспортный потенциал, региональное развитие.*

Infrastructure Potential of Accommodation Facilities of the Social and Economic System of the Tourism and Recreation Complex

Yankevich E.M., Glekova, V.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Accommodation facilities are part of the social and economic system of the tourism and recreation complex and play an important role in the tourism sector and the export of tourism services; they are an indicator of the potential for international interaction.

The research purpose is to study the level of infrastructure potential of accommodation facilities in the system of the tourism and recreation complex of the Republic of Belarus

Materials and methods. *The theoretical and methodological basis of this study was scientific works of domestic and foreign scientists in the field of assessing the activities of accommodation facilities, as well as existing approaches to assessing the activities of the tourism and recreational complex in the world practice. The statistical indicators of the National Statistical Committee on the activities of collective and individual accommodation facilities were used as an empirical base. The methodological basis of the study was determined by general scientific methods of cognition: synthesis, grouping, comparison, deduction, generalization, ranking, principles and methods of the systems approach, statistics.*

Findings and their discussion. *The article considers the features of the state and dynamics of the infrastructure of accommodation facilities, focuses on the activities of hotels, health resort organizations, analyzes the structure and dynamics of changes in indicators characterizing the activities of accommodation entities. An analysis of the demand for accommodation facilities by citizens of other countries is given. The result of the study is an analysis of the economic and social impact of the accommodation system. The dynamics of demand for recreational services is revealed. The coefficient of localization of visitors by region is calculated. It is substantiated that the development of accommodation facilities of the tourism and recreation complex is due to a high degree of adaptation to external conditions in combination with state support.*

Conclusion. *The Republic of Belarus has sufficient infrastructure to accommodate tourist flows, a base for the provision of health resort services, Regional unevenness of accommodation facilities is revealed, directions for digitalization in the activities of institutions providing tourism services are proposed, as well as development directions.*

Key words: *accommodation facilities, health resort institutions, social and economic system, tourism and recreation complex, localization level, export potential, regional development.*

Туристическо-рекреационный комплекс (ТРК) как экономическая система оказывает синергические эффекты, обладает мультипликативным действием для экономики. Благодаря увеличению спроса на туристические и сопутствующие услуги прогрессивно развиваются многие удовлетворяющие этот спрос производства на сопредельных территориях, местах туристического интереса – дестинациях. Социо-экономическая система ТРК объединяет в процессе обслуживания туристов такие комплексы, как агропромышленный, торговлю, транспортную и энергетическую инфраструктуру, жилищно-коммунальное хозяйство, учреждения образования, информационно-коммуникационные системы, туристические организации. Ключевым импульсом мультипликации является изменение объема услуг, сервиса, производства товаров и соответственно расходов. В свою очередь рост расходов способствует увеличению объема экспорта, налоговых поступлений и показателей прибыли в смежных отраслях, что подтверждает косвенный эффект. Увеличение потребительских расходов согласно балансовому принципу влечет за собой рост

доходов других субъектов, что подтверждают скрытые эффекты. В общую стоимость туристического путешествия включаются в первую очередь расходы на: средства размещения, посещение мест общественного питания, продукты питания в магазинах, бензин, местный транспорт, развлечения и сувениры. Причем расходы на средства размещения занимают наибольший удельный вес в общих тратах и формируют мнение об уровне развитости туристической инфраструктуры, что обуславливает актуальность исследования.

Средства размещения являются частью социо-экономической системы туристическо-рекреационного комплекса, ключевым элементом туристического продукта и играют важную роль в экспорте туристических услуг, служат индикатором потенциала страны для международного взаимодействия.

Цель исследования – изучение уровня инфраструктурного потенциала средств размещения в системе туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь.

Материал и методы. В качестве теоретической и методологической основы данного исследова-

дования применялись научные труды отечественных и зарубежных ученых в области развития средств размещения, а также существующие в мировой практике подходы к оценке эффективности деятельности туристическо-рекреационного комплекса. В качестве эмпирической базы использовались статистические показатели деятельности коллективных и индивидуальных средств размещения Национального статистического комитета Республики Беларусь. Методическую базу определили общенаучные методы познания: анализ, синтез, группировка, сравнение, дедукция, обобщение, ранговая оценка, принципы и методы системного подхода.

Результаты и их обсуждение. Основой формирования туристического продукта и последующего его продвижения является наличие туристическо-рекреационных ресурсов. На сегодняшний момент становится очевидным, что любая туристическая поездка организованного или неорганизованного вида туризма не обходится без средств размещения.

Туристическо-рекреационный комплекс как экономическая система включает ряд субъектов, которые участвуют в оказании туристических услуг. В Республике Беларусь элементами комплекса являются и средства размещения. К коллективным средствам размещения относятся объекты для краткосрочного проживания лиц, прибывшими с различными деловыми, коммерческими, оздоровительными целями и подразделяются на гостиницы и аналогичные средства размещения, специализированные средства размещения (санаторно-курортные, оздоровительные организации и другие специализированные средства размещения).

Более того, средства размещения являются опорной точкой отсчета при оценке вклада туристической сферы в экономику страны. Причем в средствах размещения останавливаются как организованные, так и не организованные туристы. Субъекты туристической инфраструктуры представляют площадки для деловых встреч и переговоров, оказывают дополнительные услуги в виде экскурсий с учетом ресурсов территории пребывания.

Предложенная нами система сбалансированных показателей социально-экономических эффектов функционирования туристической дестинации позволила выделить прямые, косвенные и скрытые эффекты, показатели которых упорядочены по блокам: социально-экономическое развитие, туристическо-рекреационный комплекс, человеческий капитал. В разработанной матри-

це оценки показатели результатов деятельности средств размещения относятся к прямому эффекту и включают: выручку от размещения в гостиницах и аналогичных средствах (санаториях, индивидуальных предпринимателей), численность размещенных по всем видам средств размещения, число койко-суток и численность работников средств размещения [1, с. 63]. Выявлено непосредственное влияние уровня туристических потоков на экономический рост территории пребывания.

Исследование структуры туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь с 2019 года показало неравномерность распределения туристических объектов с учетом избирательности туристической деятельности, недостаточной степени загрузки гостиниц и аналогичных средств размещения, по числу специализированных и оздоровительных санаторно-курортных учреждений лидирует Минская и Витебская области [2, с. 67].

Акцентируется внимание на детализации всех элементов и их составляющих ТРК белорусским ученым А.И. Тарасенком и обозначен как «вид межотраслевого хозяйственного комплекса...», его составным элементом – являются средства размещения [3]. Состояние и перспективы развития средств размещения всесторонне исследуются Dziadok, V. M. (2017a, 2017b). М.В. Козловской проведен анализ состояния услуг по временному проживанию и питанию по регионам Беларуси посредством расчета обобщенного индекса гостеприимства и установлены перспективы развития услуг по временному проживанию, предложены сдерживающие факторы для размещения в регионах. При планировании строительства объектов средств размещения рекомендовано учитывать социально-экономические эффекты региона [4]. Перспективными регионами, по мнению автора, являются Минск, Минская и Гродненская области. Несколько ниже коэффициент гостеприимства у Могилевской и Гомельской областей.

Развитие гибридного формата гостиниц в рамках стратегического планирования индустрии гостеприимства предлагается учеными С.М. Дмитришиным, Е.В. Черновой, учитывалась технологическая интеграция, персонализация в обслуживании, в минимизации отходов, дистанционной работе, цифровому маркетингу e-commerce, здоровью и безопасности, клиентоориентированных инновациях [5]. Ю.В. Дмитриева делает акцент на показателях средств размещения, которые влияют на развитие гостиничного бизнеса, таких как число

коллективных средств размещения, номерной фонд, численность размещенных лиц [6]. Ф.К. Гадимовой рекомендовано для сохранения положительных тенденций гостиничной сферы расширять дополнительный спектр услуг с учетом целей посещения [7]. И.Г. Лукмановой, А.А. Судакова предложен комплексный подход к решению проблемы дефицита средств размещения в региональных туристических кластерах, рекомендован методический подход, основанный на трехэтапном формировании комплексной эффективности строительства и модернизации, приведен расчет ожидаемого экономического эффекта на основе метода «доход-затраты» [8]. Российские ученые Ю.И. Карпова, Т.А. Волкова, Д.А. Комаров утверждают, что с каждым годом будет возрастать число неорганизованных туристических потоков. Данная тенденция началась уже с 2020 года, в связи с чем необходимо достаточное количество мест размещения с учетом различного уровня доходов и сегмента путешествующих. В России на внутренний поток приходится 80% самостоятельных туристов, чаще всего такой отдых организуют люди в возрасте 18–44 лет и планируют размещаться в индивидуальных средствах размещения [9]. В этом контексте необходимо изучение сегмента рынка и спроса на уровень средств размещения, в приоритете остаются межрегиональные поездки в связи с низкой стоимостью услуг.

Необходим разработанный механизм продвижения туристических услуг с учетом высокого и низкого сезона. Следует акцентировать внимание на постоянной разработке маркетинговой стратегии. По своей структуре различают средства размещения по видам комфорта и количеству мест, в инфраструктуре и спросе уровень удельного веса каждой категории не постоянен. Д.Д. Буркальцевой на примере Республики Крым высказано мнение в результате анализа численности, доходов и затрат санаторно-курортных объектов рекреационного комплекса о необходимости государственной поддержки финансирования в условиях адаптации к внешним воздействиям [10]. Автором поднимается вопрос о трудностях учета индивидуальных средств размещения как с точки зрения неорганизованного туризма, так и уплаты налоговых платежей.

В связи с развитием цифровых технологий, позволяющих бронировать средства размещения через интернет, востребованы различные ценовые категории комфорта. По мнению Л.Л. Духовой, бюджетные средства размещения, к которым

относятся hostels, гостевые дома, апартаменты, предпочитают 22% туристов в Российской Федерации отдыхающих, что составляет пятую часть туристического потока. Причем популярность бюджетного сегмента в 2019 году выросла на 6% по сравнению с 2018 г., что соответствует трехзвездочным гостиницам [11]. Это особая бизнес-модель, новое направление в туристической индустрии, как утверждают авторы, в структуре гостей hostels преобладают женщины, и путешествующие по одному граждане. Однако для эффективной деятельности hostels требуется ряд законодательных инициатив, затрагивающих интересы как гостиничного бизнеса, так и жителей многоквартирных домов. В Республике Беларусь отсутствуют статистические данные таких типов размещения. Тем не менее достаточным является сегмент населения с высоким уровнем доходов, которые предпочитают номера высокой комфортности. Номера «высшей категории» иницируются гостиницами как реакция на повышение спроса со стороны туристов с высокими доходами. О.А. Суранова приходит к выводу, что в структуре номерного фонда средств размещения должны быть и такого уровня номера, причем необходимы разработка требований и стандартов обслуживания в номерах и соответствующая подготовка персонала [12].

Актуальным остается вопрос качества. Исследование качества санаторно-курортных услуг проводилось по программе «Тайный покупатель», проанализированы разные точки коммуникации «санаторий-потенциальный клиент». В результате выявлены упущенные возможности, в 49% случаев менеджеры здравниц прерывают начатый диалог по переписке с потенциальными посетителями санаториев. Выявлено, что 31% санаториев игнорируют запросы потенциальных покупателей услуг. Есть и положительные моменты деятельности объектов оздоровления – менеджеры здравниц обрабатывают телефонные заявки в три раза лучше, чем текстовые [13].

Исследование показывает: по мере расширения глобальной напряженности, распространение и углубление геополитических конфликтов, укрепляются взаимосвязи между дружественными государствами, склонными к многополярному миру. Для стимулирования экономического развития и повышения конкурентоспособности своей экономики в Беларуси действует государственная программа «Беларусь гостеприимная», целью которой является формирование и развитие современного конкурентоспособного туристического

комплекса, увеличение вклада туризма в рост национальной экономики. Республика Беларусь открыта для посещений, действует безвизовый режим. Более того, по мнению Главы нашего государства, туризм является национальным проектом страны.

Несмотря на увеличение в стране количества объектов коллективных средств размещения, расширение номерного фонда санаторно-курортных и оздоровительных организаций, числа субъектов агроэкотуризма, индивидуальных средств размещения, проблемным вопросом остается нехватка в регионах средств размещения эконом-класса. В то же время отсутствие достаточного количества средств размещения, позволяющих принимать большие организованные группы туристов, приводит к преобладанию транзитных поездок и частных визитов, без использования средств размещения, формирующих основную часть доходов туристической индустрии. Ожидается, что в результате реализации государственной программы увеличится численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения в 2025 году в 2 раза по сравнению с 2020 годом.

Прогнозные показатели туристического потенциала могут быть рассчитаны на основе комплекса показателей, предложенных российскими учеными, как туристических ресурсов, так и макроэкономических на примере региона до 2027 года [14]. К тому же большую долю из числа путешествующих занимает молодежный сегмент. Туристы с не крупными бюджетами предпочитают хостелы, которые способствуют социальному взаимодействию, обеспечивают безопасное проживание [15]. В Беларуси в этих целях могут быть использованы и индивидуальные средства размещения.

Магистральной точкой повышения конкурентоспособности специализированных средств размещения, по мнению И.И. Дерен, является возможность объединения с агломерациями. Дополнительным преимуществом может стать создание и развитие бренда, расширение спектра оздоровительных услуг, создание регионального туристического сувенира, который будет предоставляться при выезде из средств размещения, применение политики по диверсификации льгот, турпродукт должен быть комплексным [16].

Обзор подходов к оценке потенциала, развития инфраструктуры, роли средств размещения в туристической сфере и в экономике страны предопределяет изучение данного вопроса в условиях нашего государства. В связи с этим

актуальным представляется исследование потенциала средств размещения как инфраструктурного элемента для привлечения въездных туристических потоков и стимулирования внутреннего спроса функционирования туристическо-рекреационного комплекса.

Инфраструктура средств размещения за 2024 год в Республике Беларусь, согласно статистическим данным, представлена коллективными средствами размещения, специализированными средствами размещения (санаторно-курортные, оздоровительные и другие аналогичные), индивидуальными средствами размещения организаций, индивидуальных предпринимателей и субъектов агроэкотуризма. Число коллективных средств размещения в стране – 1096 ед., в т.ч.: гостиниц и аналогичных средств размещения 618 ед.; санаторно-курортных оздоровительных и других специализированных 478 ед.; 905 ед. индивидуальных средств размещения, предоставленных индивидуальными предпринимателями – 2299 ед. на конец года; у субъектов агроэкотуризма 1408 ед. Единовременная вместимость гостиниц и аналогичных средств размещения 39044 мест с коэффициентом загрузки по стране 37,3%, индивидуальных средств размещения организаций – 3126 мест, в средствах размещения индивидуальных предпринимателей (индивидуальные – 12232 мест и 1037 мест составили коллективные) [17].

По-прежнему в республике существуют проблемы сертификации средств размещения. По состоянию на 2024 г. из 618 ед. гостиниц и туристических комплексов 554 ед. не имеют категории, что может являться одной из причин низкой загрузки. Используя ранговый метод, проведем анализ показателей средств размещения в Республике Беларусь по состоянию на 2024 год (таблица 1).

Данные расчетов таблицы 1 позволяют утверждать о наибольшей сосредоточенности гостиниц и аналогичных средств размещения в Минской и Брестской областях за 2024 год. Санаторно-курортные организации Беларуси сконцентрированы в Минской и Витебской областях. Однако численность размещенных в санаториях преобладает в Минской, Брестской и Витебской областях, как и число размещенных (42% в г. Минске) в гостиницах и аналогичных средствах размещения. Пользуются спросом гостиницы Брестской, Витебской и Гомельской областей.

В то же время выявлены региональные показатели в динамике с учетом обслуженных размещенных граждан в Республике Беларусь

Таблица 1 – Ранговая структура гостиниц и аналогичных средств размещения для организованного туризма по регионам и г. Минску в Республике Беларусь за 2024 г.

Регионы	Гостиницы и аналогичные средства			Санаторно-курортные, оздоровит. и др. спец. организации			Размещено в сан.-кур., оздор. и аналогичных средствах		Размещено в гостиницах и аналогичных средствах		
	ед.	уд. вес	ранг	ед.	уд. вес	ранг	чел.	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	114	18,45	2	66	13,8	3	176951	2	384476	15,6	2
Витебская	95	15,37	3	104	21,8	2	162568	3	212874	8,6	3
Гомельская	76	12,30	4	46	9,6	6	125067	5	211721	8,6	3
Гродненская	66	10,68	5	54	11,3	4	131050	4	194326	7,9	4
г. Минск	76	12,30	4	5	1,0	7	5784	7	1023418	41,5	1
Минская	130	21,04	1	153	32,0	1	444083	1	191090	7,7	5
Могилевская	61	9,87	6	50	10,5	5	54509	6	138664	5,7	6
Всего	618	100		478	100		1100012		2468483	100	

Примечание. Составлено авторами на основе данных Белстата [17].

Таблица 2 – Динамика размещенных граждан в гостиницах и аналогичных средствах размещения по странам постоянного места жительства по регионам и г. Минску Республики Беларусь за 2023–2024 гг., чел.

Регионы	2023			2024			Темп роста, %		
	Всего	Граждан Республики Беларусь	Граждан других государств	Всего	Граждан Республики Беларусь	Граждан других государств	Всего	Граждан Республики Беларусь	Граждан других государств
Брестская	329852	228277	101575	384476	243876	140609	116,6	106,8	138,4
Витебская	213436	136473	76963	212874	131870	81004	99,7	96,6	105,3
Гомельская	181541	144423	37118	211721	167353	44368	116,6	115,9	119,5
Гродненская	179998	131562	48436	194326	129783	64543	108,0	98,6	133,3
г. Минск	873642	261201	612401	1023418	273489	749929	117,1	104,7	122,5
Минская	227511	179000	48511	258567	191090	67477	113,7	106,8	139,1
Могилевская	175601	138295	37306	183101	138664	44437	104,3	100,3	119,1
Всего по стране	2181541	1219231	962310	2468483	1276116	1192367	113,2	104,7	123,9

Примечание. Собственная разработка на основе [17; 18].

по странам постоянного места жительства за период 2023–2024 г. и отражены в таблице 2.

Темпы роста размещенных граждан по странам постоянного пребывания (таблица 2) в 2024 г. по отношению к 2023 г. в целом по стране возрастают. По Республике Беларусь численность размещенных увеличилась на 13,2%. Значительными темпами увеличилось количество размещенных граждан других государств на 23,9%. Высок спрос на размещение иностранными гражданами в гостиницах и аналогичных средствах размещения в Минской,

Гродненской и Брестской областях. Граждане Беларуси предпочтения гостиницам отдают в Гомельской области (15,9%). Снижение количества размещенных граждан Беларуси в гостиницах Витебской (96,6%) и Гродненской (98,6%) областей может свидетельствовать об использовании альтернативных средств размещения.

В состав инфраструктуры туристическо-рекреационного комплекса входят также специализированные средства размещения, такие как санаторно-курортные, оздоровительные учреждения.

Таблица 3 – Ранговая структура показателей численности размещенных в индивидуальных средствах размещения для организованного туризма по регионам Беларуси за 2024 г.

Регионы	Число индивидуальных средств размещения, ед.			Размещено санаторно-курортными и оздор. учреждениями			Предоставленные индивидуальными предпринимателями *			Размещено в средствах размещения, предоставленных ИП		
	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	30	3,3	6	176951	16,1	2	345	15,0	3	68154	20,8	1
Витебская	30	3,3	6	162568	14,8	3	226	9,8	7	30380	9,3	7
Гомельская	86	9,5	3	125067	11,4	5	324	14,1	4	37565	11,5	5
Гродненская	136	15,0	2	131050	11,9	4	253	11,0	5	39202	12,0	4
г. Минск	552	61,0	1	5784	0,5	7	496	21,6	1	66975	20,5	2
Минская	33	3,6	5	444083	40,4	1	408	17,7	2	52735	16,1	3
Могилевская	38	4,2	4	54509	5,0	6	247	10,7	6	31953	9,8	6
Всего	905	100		1100012	100		2299	100		326964	100	

*средства размещения, предоставленные ИП (индивидуальные и коллективные)

Примечание. Собственная разработка на основе статистических данных [17].

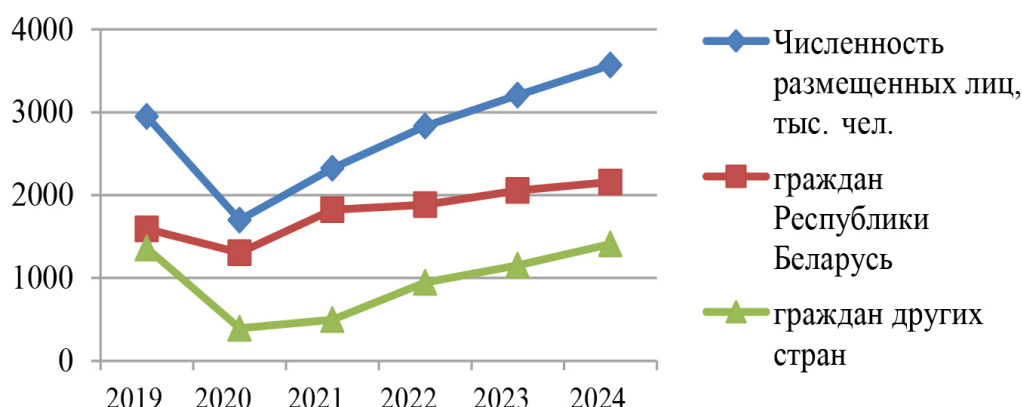

Рисунок 1 – Динамика размещенных в коллективных средствах размещения за период 2019–2024 гг. в Республике Беларусь по странам постоянного места жительства, тыс. чел.
Примечание. Собственная разработка на основе данных Белстата [17; 18].

За последние годы в статистических формах отчетности появилась численность размещенных в средствах, предоставленных индивидуальными предпринимателями. Покажем региональную составляющую этих средств размещения за 2024 г. в таблице 3.

Данные таблицы 3 указывают на достаточное количество индивидуальных средств размещения в г. Минске и Гродненской области. Численность размещенных преобладает в санаторно-курортных учреждениях Минской области (40,4%). Широкий спектр средств размещения у индивидуальных предпринимателей в г. Минске (21,6%) и

Минской области, размещено в средствах размещения, в Брестской области и г. Минске. Невысокие позиции занимает Могилевская область по показателю размещения в санаторных учреждениях и у индивидуальных предпринимателей, что говорит о низком спросе на данный вид размещения или наоборот, создана другая комфортная инфраструктура.

Более наглядно состояние динамики численности лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения по странам постоянного места жительства в Республике Беларусь за период 2019–2024 гг., покажем на рисунке 1.

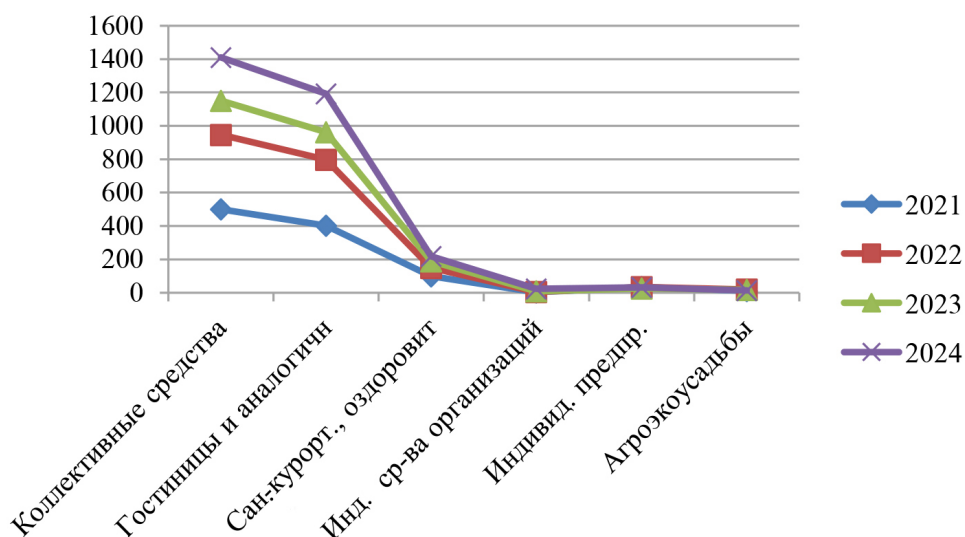

Рисунок 2 – Численность размещенных граждан других государств в коллективных средствах размещения Беларуси за 2021–2024 гг.

Рисунок 3 – Показатели агроэкотуризма Беларуси за 2019–2024 гг.

Примечание. Собственная разработка на основе данных Белстата [17; 18].

Данные рисунка 1 указывают на положительную динамику размещенных граждан Республики Беларусь и зарубежных граждан после 2020 года. С 2021 г. численность как граждан страны, так и других стран в коллективных средствах размещения увеличивается, что говорит о предпочтении белорусами для размещения гостиниц, хотя коэффициент загрузки гостиниц 33,0 (загружены на 1/3), увеличившись в 2024 г. до 37,3%. Потенциал гостиниц для туристических посещений достаточен.

Средства размещения, представленные для оздоровления и отдыха, увеличили показатели численности за последние годы. В сторону

увеличения изменилась их единовременная вместимость, однако снизился на 0,4% показатель предоставленности койко-суток в 2024 г. по отношению к 2023 г.

Численность размещенных в индивидуальных средствах размещения организаций в Беларуси за тот же период увеличилась в 2,2 раза, что повлекло за собой рост выручки от размещения в 2,1 раза. Напротив, в средствах размещения, предоставленных индивидуальными предпринимателями, снижение численности составило 0,1%, а выручка от размещения увеличилась на 7,2%.

Анализ размещения граждан других государств по видам средств размещения (рисунок 2)

Таблица 4 – Ранговая структура субъектов агроэкотуризма и численность обслуженных туристов по областям Республике Беларусь за 2024 г.

Регионы	Число субъектов			Численность туристов, обслуженных					
	Всего:			Всего:			из них граждан Беларуси		
	ед.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг	чел.	уд. вес	ранг
Брестская	282	20,0	2	92189	21,6	2	89639	21,7	2
Витебская	186	13,2	4	42701	10,0	6	40709	9,8	6
Гомельская	122	8,7	6	43511	10,2	5	42820	10,4	5
Гродненская	274	19,5	3	79875	18,7	3	77471	18,7	3
Минская	410	29,1	1	122787	28,7	1	117347	28,4	1
Могилевская	134	9,5	5	46518	10,9	4	45654	11,0	4
Всего	1408	100		427581	100		413640	100,0	

Примечание. Собственная разработка на основе данных Белстата [19].

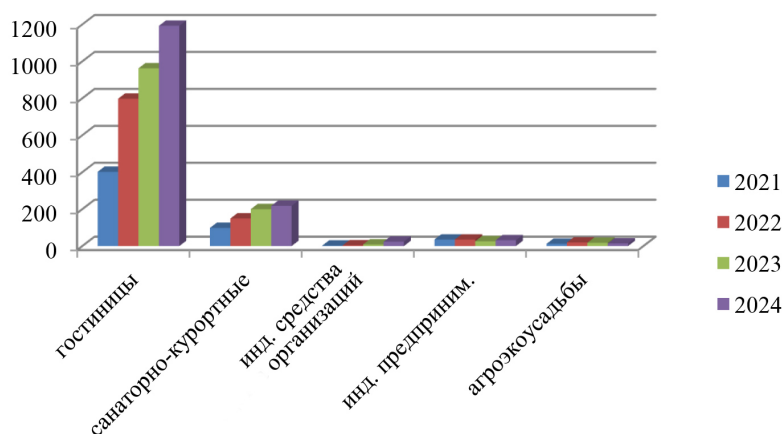

Рисунок 4 – Численность размещенных иностранных граждан в различных видах средств размещения в Республике Беларусь за 2021–2024 гг.

Примечание. Составлено на основе данных Белстата [19; 20].

продемонстрирует предпочтение коллективных средств размещения, гостиниц и аналогичных средств, санаторно-курортных и оздоровительных учреждений за период 2021–2024 гг.

Поскольку коллективные средства размещения активно использовались туристами, снижено как количество субъектов, так и численность размещенных в агроэкоусадьбах (рисунок 3).

Данные рисунка 3 демонстрируют, что востребованными среди туристов оказались другие виды средств размещения, что создает возможности формирования региональной дестинации и точки роста социально-экономических эффектов на местах. Численность обслуженных субъектами агроэкотуризма в силу уменьшения их количества по причине изменения подходов к налогообложению снизилась на 5,1% за 2024 г. по отношению к 2023 году.

Анализ структуры востребованности средств размещения, предоставленных субъектами агро-

экотуризма по регионам за 2024 год, покажем в таблице 4. Она демонстрирует лидирующие позиции Минской области по числу субъектов агроэкотуризма и численности обслуженных туристов. Второй ранг по показателям агроэкотуризма в 2024 г. занимает Брестская область. Стабильное третье место у Гродненской области. По причине несоответствия изменившимся условиям в законодательстве субъекты агроэкотуризма Витебской области показали низкие результаты, как по числу субъектов, так и по численности размещенных. Следует отметить тот факт, что из численности всех обслуженных туристов в агроэкоусадьбах граждане Беларуси составляют 96,7%, и этот факт явно выражен в Минской и Брестской областях.

Иностранные граждане предпочитают останавливаться в гостиницах и аналогичных средствах размещения, санаторно-курортных и оздоровительных учреждениях (рисунок 4).

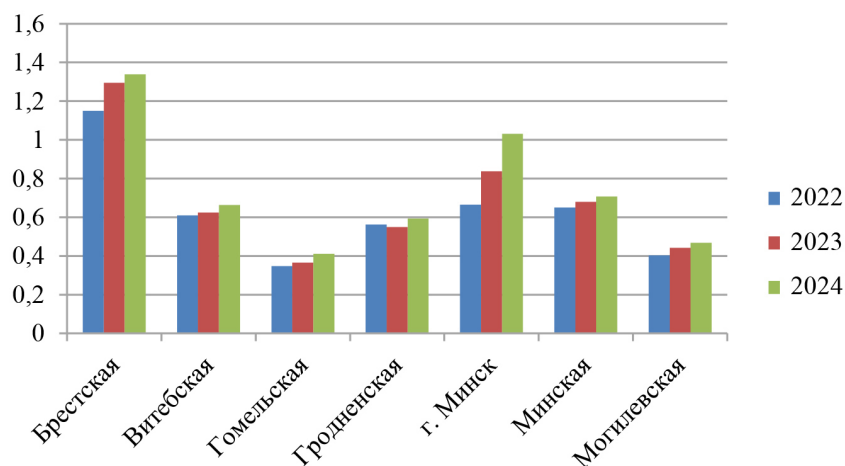

Рисунок 5 – Уровень локализации туристических прибытий в Республике Беларусь по регионам за 2022–2024 гг.

Примечание. Составлено на основе данных Белстата [17–19].

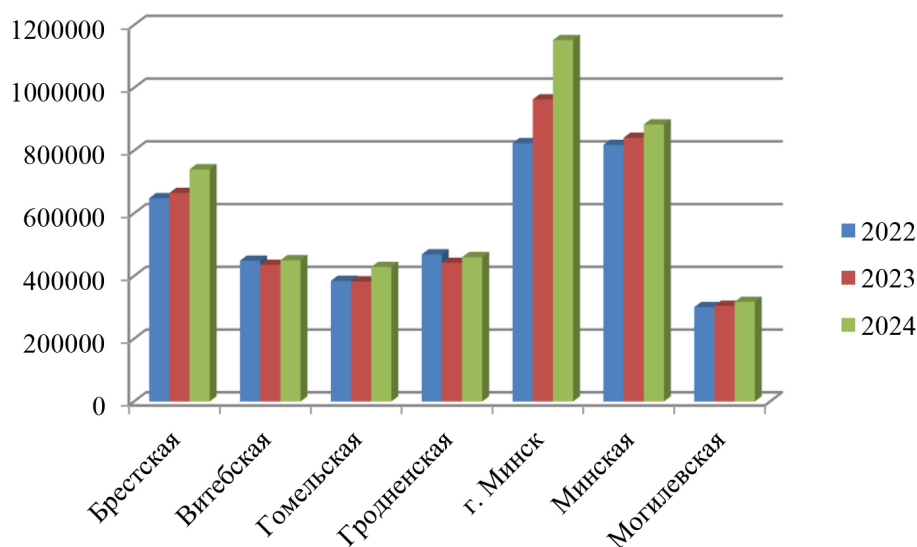

Рисунок 6 – Динамика численности размещенных организованных туристов в Республике Беларусь по регионам и г. Минску за 2022–2024 гг.

Примечание. Составлено на основе данных Белстата [17; 18].

Высокие темпы роста размещенных граждан из других государств в 2024 г. по отношению к 2023 г. Спрос на размещение в гостиницах увеличился на 23,9%, размещение в санаторно-курортных организациях иностранных граждан возрос на 9,1%. Из стран СНГ белорусские здравницы активно посещают туристы Российской Федерации, Азербайджана и Узбекистана, из других стран: Латвии, Литвы, Китая.

Исследование показывает, что по численности размещенных в гостиницах и аналогичных

средств размещения по странам постоянного места жительства можно судить о деловой активности и интересу к нашей стране в направлении экономического сотрудничества в условиях интеграционных геоэкономических и геополитических интересов. За 2024 год из числа размещенных в гостиницах преобладают туристы Российской Федерации, Латвии, Китая, Турции, Израиля, Бразилии, Объединенных Арабских Эмиратов, Сербии, США, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Тем не менее о степени развитости инфраструктуры средств размещения можем судить по уровню концентрации численности размещенных в регионах Республики Беларусь. С этой целью рассчитаем размер локализации туристических потоков организованного туризма (въездного и внутреннего потока согласно данных туристических организаций). Коэффициент локализации получим как численность всех размещенных во всех средствах размещения (гостиницы, санаторно-курортные и оздоровительные учреждения, индивидуальные средства организаций, индивидуальных предпринимателей, агроэкоусады) в регионах страны соотнесем к численности местного населения на начало года за период 2022–2024 гг.

Очевиден факт, что центром притяжения туристов в Республике Беларусь является г. Минск – столица и крупнейший город со сформированной инфраструктурой, всемирно известным брендом, историко-культурным наследием, политический и экономический центр страны.

Степень локализации туристических прибытий в Республике Беларусь по регионам и г. Минску за 2022–2024 гг. покажем на рисунке 5.

В контексте анализа данных рисунка 5 следует утверждать, о постоянно растущем уровне локализации в Брестской области. Минск уступает по показателю локализации из-за высокой численности местного населения, однако в 2024 году в г. Минске число туристов было выше, чем местных жителей (коэффициент больше 1).

Нами выявлена численность всех размещенных туристов по регионам и г. Минску, что отражено на рисунке 6.

Рисунок 6 отражает показатель интенсивности туристических посещений и размещения в гостиницах, санаториях, индивидуальных средствах, агроэкоусадах на территории страны. Лидерами по востребованности инфраструктуры средств размещения являются г. Минск, Минская и Брестская области. Спрос на средства размещения Могилевской области динамично возрастает. Снижен спрос на средства размещения в 2023 г. в Витебской и Гомельской областях.

Органам управления туристической сферой и средствами размещения необходимо учесть тот факт, что средняя продолжительность пребывания за границей гражданина Беларуси в 2024 г. составила 8 дней, иностранного туриста в Республике Беларусь – 4 дня. В частности, необходимо расширить спектр туристических и дополнительных услуг, разрабатывать и стимулировать тури-

стический интерес для увеличения сроков пребывания и повторных посещений.

Все же организованных туристов, граждан Беларуси, выехало за границу с целью отдыха в 2024 году в два раза больше (618 тыс. организованных туристов и экскурсантов), чем посещающих нашу страну – 366,7 тыс. чел. Внутренние туристические потоки составили 1,7 млн чел., в однодневных туристических поездках (экскурсии) побывало 1,6 млн чел.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Инфраструктура для развития туристической сферы, привлечения и размещения туристических потоков в стране достаточно развита. Как элемент социо-экономической системы она позволяет взаимоувязывать экономические, социальные, культурные аспекты, формирующие положительный имидж страны. Принимая во внимание всю специфику проанализированных ресурсов по регионам, по контингенту размещенных Республика Беларусь имеет достаточную инфраструктуру средств размещения как гостиниц и аналогичных средств размещения, так и для оказания санаторно-курортных и оздоровительных услуг, индивидуальных и коллективных средств размещения. Выявлена региональная неравномерность загрузки средств размещения и их востребованность по видам и высокий уровень локализации туристических прибытий в Брестской области. Согласно рассчитанному коэффициенту локализации туристы концентрируются в средствах размещения Брестской области, Минской области и г. Минске. Активная маркетинговая стратегия с использованием информационных технологий позволит вывести туристическую привлекательность нашей страны на более высокий уровень, что будет способствовать более высокому проценту загрузки. Поскольку преобладают неорганизованные туристические потоки, то для устойчивого роста необходимо корректировать стратегии и тактики управленческих действий санаторно-курортных объектов, изыскивать возможности для государственного финансирования, инвестиций, учитывая социальную значимость оздоровления населения. Подчеркивая свои уникальные конкурентные преимущества, туристические дестинации, располагая развитой инфраструктурой с учетом потенциальных возможностей, способны привлечь достаточный сегмент туристического рынка и генерировать на основе этого экономические и социальные эффекты.

Литература

1. Янкевич, Е.М. Оценка социально-экономических эффектов формирования региональной туристической дестинации / Е.М. Янкевич // *Право. Экономика. Психология.* – 2021. – № 4(24). – С. 59–68.
2. Янкевич, Е.М. Региональная структура туристическо-рекреационного комплекса Республики Беларусь / Е.М. Янкевич // *Право. Экономика. Психология.* – 2020. – № 4(20). – С. 61–68.
3. Тарасенок, А.И. Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь / А.И. Тарасенок // *Белорусский экономический журнал.* – 2018. – № 2. – С. 139–151.
4. Козловская, М.В. Услуги по временному проживанию и питанию: состояние и перспективы развития / М.В. Козловская // *Наука и студенчество: путь к экономической модернизации и инновационному развитию: сб. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Елец, 31 марта 2023 г. / ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2023. – С. 456–460. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54308172_48221108.pdf (дата обращения: 10.02.2025).*
5. Дмитришин, С.М. Стратегическое планирование в индустрии гостеприимства: тренды и прогнозы / С.М. Дмитришин, Е.В. Чернова // *Вестник индустрии гостеприимства: междунар. науч. сб. – Вып. 19. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. – 93 с. – С. 16–21. – EDN : BUVMXR. URL: https://unecon.ru/wp-content/uploads/2025/02/maketitog-vestnik-19__13_01_2025-szhatyj.pdf (дата обращения: 01.02.2025).*
6. Дмитриева, Ю.В. Анализ основных показателей развития гостиничного бизнеса на территории МО «город Псков» Псковской области / Ю.В. Дмитриева // *Познавательный туризм: теория, практика, бизнес: междунар. науч.-практ. семинар: сб. ст., Псков, 20–21 нояб. 2015 г. / Псков. гос. ун-т. – Псков: Псков. гос. ун-т, 2018. – С. 69–85. – EDN YVLTVR. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36869533_12687203.pdf (дата обращения: 12.01.2025).*
7. Гадимова, Ф.К. Динамика основных показателей и перспективы развития гостиничной сферы в России / Ф.К. Гадимова // *XXXIII Международные Плехановские чтения: сб. ст. аспирантов и молодых ученых, Москва, 20 марта 2020 г. – Москва: Рос. эконом. ун-т имени Г.В. Плеханова, 2020. – С. 141–147. – EDN CJJXXW. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42851838> (дата обращения: 15.02.2025).*
8. Lukmanova, I.G. Efficiency of construction and modernization of hotel and accommodation facilities in tourist clusters / I.G. Lukmanova, A.A. Sudakova // *Real Estate: Economics, Management.* – 2023. – № 3. – P. 26–31. – EDN ZJFPOS.
9. Карпова, Ю.И. Перспективы развития неорганизованного туризма в Краснодарском крае / Ю.И. Карпова, Т.А. Волкова, Д.А. Комаров // *Успехи современного естествознания.* – 2024. – № 6. – С. 12–20. – DOI 10.17513/use.38277. – EDN GUDBIO. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67918108_58454873.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
10. Буркальцева, Д.Д. Проблемы функционирования и развития санаторно-курортных объектов в рекреационном комплексе Республики Крым / Д.Д. Буркальцева, С.И. Польская // *Повышение конкурентоспособности социально-экономических систем в условиях трансграничного сотрудничества регионов: сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 5–8 апр. 2022 г. / отв. ред. А.В. Олифинов. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография “Ариал”», 2022. – С. 88–91. – EDN WZLWYY. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48398540_91021096.pdf (дата обращения: 15.02.2025).*
11. Духовная, Л.Л. Проблемы бюджетных средств размещения Российской Федерации в рамках законодательных решений / Л.Л. Духовная, А.Л. Фролов // *Сервис в России и за рубежом.* – 2020. – Т. 14, № 1(88). – С. 62–71. – DOI 10.24411/1995-042X-2020-10106. – EDN ZKVATV. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43138453_28654458.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
12. Суранова, О.А. О номерах «высшей категории» в структуре номерного фонда гостиниц и аналогичных средств размещения в Российской Федерации / О.А. Суранова // *Экономико-управленческий конгресс: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. мероприятия НИУ «БелГУ», Белгород, 10–11 нояб. 2022 г. / отв. ред.: В.М. Захаров. – Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2022. – С. 543–548. – EDN IAYCYU. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_53931833_31179940.pdf (дата обращения: 15.02.2025).*
13. Треть российских санаториев пропускают лиды и другие исследования «Тайный покупатель–2024» Туризм и гостеприимство: новости, интервью, мнения экспертов. – URL: <https://welcometimes.ru/news/tret-rossiyskih-sanatoriev-propuskayet-lidy-i-drugie-itogi-issledovaniya-taynyy-pokupatel-2024> (дата обращения: 10.02.2025).
14. Khusainov, J.B. Forecasting indicators of effective use of the tourism potential of the region / J.B. Khusainov // *Экономика и предпринимательство.* – 2023. – № 6(155). – P. 569–572. – DOI: 10.34925/EIP.2023.155.6.099. – EDN WGNUIW. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54246558> (дата обращения: 15.02.2025).
15. Афонина, С.А. Система молодежных хостелов как инструмент социальной коммуникации / С.А. Афонина // *Тенденции развития науки и образования.* – 2019. – № 51. – С. 59–61. DOI: 10.18411/lj-06-2019-42
16. Дерен, И.И. Повышение конкурентоспособности специализированных средств размещения во Владимирской области в контексте туристских ресурсов региона / И.И. Дерен, А.Д. Земляникина // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика.* – 2024. – № 3. – С. 49–60. – DOI: 10.18384/2949-5024-2024-3-49-60. – EDN ACWUOT. – (дата обращения: 15.02.2025).
17. Развитие туризма, деятельность туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2024 год: стат. бюл. // *Национальный статистический комитет.* – Минск, 2025. – 46 с. – URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 15.02.2025).
18. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2024: буклет / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред.) и др.]. – Минск, 2024. – URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 05.02.2025).
19. Регионы Республики Беларусь, 2024: стат. сб.: [в 2 т.] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред.) и др.]. – Минск, 2024. – Т. 1: Социально-экономические показатели – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/bbb/n8x0ogexl0yf511cgmew6om3bv0wgr6g.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

Поступила в редакцию 26.02.2025

Совершенствование экспортной деятельности организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области на основе создания кластера

Задорожная Н.А.¹, Квасникова В.В.²

¹Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины»

²Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Статья посвящена проблеме совершенствования экспортной деятельности организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области за счет организации кластера, что позволит его членам нарастить объемы производства и экспорта, в том числе путем реализации совместного проекта по формированию товаропроводящей сети на ключевых зарубежных рынках. Так как в условиях ограниченности финансовых ресурсов отдельной организации самостоятельно решить данную проблему не представляется возможным. Актуальность совершенствования экспортной деятельности организаций птицеводческого подкомплекса обусловлена тем, что в 2025 г. в Беларуси экспортные поставки продовольствия планируется увеличить на 1–2 млрд долл. США.

Цель статьи – на основе изучения организации сбытовой деятельности субъектов хозяйствования птицеводческого подкомплекса Витебской области обосновать целесообразность создания кластера, обеспечивающего повышение эффективности экспортной деятельности.

Материал и методы. Материалом для исследования являются отчетность организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области, теоретико-методологические разработки зарубежных и отечественных ученых по созданию кластеров.

Научная работа базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах.

Результаты и их обсуждение. Формирование собственной товаропроводящей сети на рынке Китая для отдельной организации – сложная задача. Для ее реализации предложено создать агропродовольственный кластер «Птицеводство Витебской области» в форме ассоциации, в который войдут не только производители птицепродуктов, но и производители комбикормов, организации транспортной и рыночной инфраструктуры, научно-исследовательские и образовательные учреждения и др.

Функции ассоциации будут реализовываться путем организации таких подразделений, как научно-образовательный отдел, отдел маркетинга и внешнеэкономических связей, отдел координации и кредитования.

Создание кластера окажет положительное влияние на экономические показатели деятельности его субъектов, а именно приведет к увеличению: количества рабочих мест; объемов реализованной продукции; объемов экспорта продукции; количества совместных проектов; новых видов продукции.

Наиболее важным аспектом функционирования кластера «Птицеводство Витебской области» с точки зрения совершенствования экспортной деятельности его субъектов является построение товаропроводящей сети на внешних рынках, в частности открытие торгового дома ООО «ТД «Витебский бройлер – Китай».

Создание торгового дома привлечет не только новых китайских покупателей, но и будет способствовать нахождению контрагентов из близлежащих азиатских и арабских стран.

Заключение. Проведенное исследование показало, что у организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области товаропроводящая сеть на внешних рынках не развита, либо отсутствует. Формирование собственной товаропроводящей сети на зарубежных рынках для отдельной организации является сложной задачей, вследствие ограниченности финансовых ресурсов. Решение данной проблемы возможно посредством создания кластера, что позволит снизить транзакционные издержки, вовлечь в экспортную деятельность всех его участников путем формирования единой товаропроводящей сети на рынке Китая, обеспечив увеличение объемов производства и экспорта продукции.

Ключевые слова: агропродовольственный кластер, производство и экспорт продукции, транспортная и рыночная инфраструктура.

Improvement of Poultry Subcomplex Companies Export Activities in Vitebsk Region on the Basis of a Cluster

Zadorozhnaya N.A.¹, Kvasnikova V.V.²

¹ Education Establishment “Vitebsk Order «of Badge of Honor» State Academy of Veterinary Medicine”

² Education Establishment “Belarusian State Economic University”

The article is devoted to the problem of improving the export activities of organizations of the poultry subcomplex of Vitebsk Region by organizing a cluster. The creation of the cluster will make it possible for its members to increase production and export volumes,

including the increase through the implementation of a joint project to form a distribution network in the most important foreign markets. Since in the conditions of limited financial resources of an individual company, it is not possible to solve this problem singly. The relevance of improving the export activities of the poultry subcomplex companies is due to the fact that in 2025 in Belarus, export deliveries of food are planned to increase by 1–2 billion US dollars.

The purpose of the article is to justify the feasibility of creating a cluster that will increase the efficiency of export activities based on a study of the organization of sales activities of business entities of Vitebsk Region poultry subcomplex.

Material and methods. The initial data for the study is the reporting of the poultry subcomplex companies of Vitebsk Region, theoretical and methodological papers of foreign and domestic scientists on the creation of clusters.

The study is based on system analysis and an integrated approach, special and general scientific methods.

Findings and their discussion. The creation of its own distribution network in the Chinese market is a difficult task for an individual organization. To implement it, it is proposed to create an agro-food cluster “Poultry Farming of Vitebsk Region” in the form of an association, which will include not only poultry product producers, but also feed producers, transport and market infrastructure organizations, research and education establishments, etc.

The functions of the association will be implemented by organizing such departments as the research and education, the marketing and international economic relations, the coordination and the credit ones.

The creation of the cluster will have a positive impact on the economic performance of its entities. Namely, it will lead to an increase in: the number of jobs in the cluster organizations; the volume of products sold by the cluster entities; the volume of exports of products manufactured by the cluster entities; the number of joint projects of the cluster entities; new types of products manufactured by the cluster entities.

The most important aspect of the functioning of the cluster “Poultry Farming of Vitebsk Region” from the point of view of improving the export activities of its entities is the creation of a distribution network, in particular the trading house OOO “TD «Vitebsk Broiler – China»”. This will not only attract new Chinese customers but also facilitate finding counter agents from nearest Asian and Arab countries.

Conclusion. The conducted research showed that the companies of the poultry subcomplex of Vitebsk Region have an undeveloped or distribution network in foreign markets. Formation of own distribution network in foreign markets for a separate organization is a difficult task due to limited financial resources. The solution to this problem is possible by creating a cluster which will reduce transaction costs, involve all its participants in export activities by forming a single distribution network in the Chinese market, and ensure an increase in production volumes and export of products.

Key words: poultry products, integration, cluster, export activities, distribution network, trading house, foreign market.

Актуальность совершенствования экспортной деятельности организаций птицеводческого подкомплекса обусловлена необходимостью постоянного наращивания объемов производства и сбыта продукции в условиях усиления конкуренции на внешних рынках. Республика Беларусь в 2024 г. на экспорт поставила продовольствия на 8 млрд долл. США, а в 2025 г. экспортные поставки планируется увеличить до 9–10 млрд долл. США.

Птицеводство – крупный сегмент животноводства в Республике Беларусь, который включает в себя птицефабрики, комбикормовые заводы, инкубаторы, племенные фермы и фирменную торговлю. Отрасль динамично развивается, однако институционально-рыночное строение и интеграция в ней не отвечают современным требованиям и ограничивает возможности ее развития, в том числе экспортной деятельности.

Перспективным направлением совершенствования экспортной деятельности птицеводческого подкомплекса Витебской области является создание на внешних рынках единой товаропроводящей сети организациями региона, объединенными в кластер. Опыт большинства развитых и развива-

ющихся стран показывает, что кластеры являются одной из эффективных форм организации бизнеса, позволяющей обеспечить увеличение экспорта продукции, входящих в него организаций.

Создание кластера «Птицеводство Витебской области» позволит его членам нарастить объемы производства и экспорта, в том числе путем реализации совместного проекта по формированию товаропроводящей сети на ключевых зарубежных рынках. Так как в условиях ограниченности финансовых ресурсов отдельной организации самостоятельно решить данную проблему не представляется возможным.

Цель статьи – на основе изучения организации сбытовой деятельности субъектов хозяйствования птицеводческого подкомплекса Витебской области обосновать целесообразность создания кластера, обеспечивающего повышение эффективности экспортной деятельности.

Материал и методы. Материалом для исследования являются отчетность организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области, теоретико-методологические разработки зарубежных и отечественных ученых по созданию кластеров.

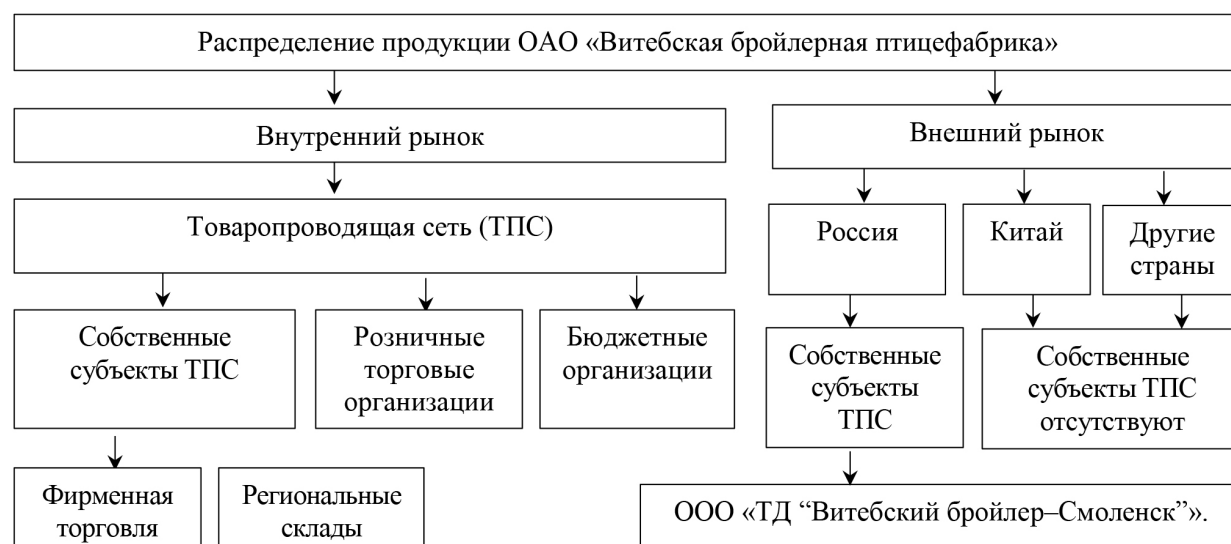

Рисунок 1 – Товаропроводящая сеть ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика»

Примечание. Собственная разработка на основе данных организации.

Исследование базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах.

Результаты и их обсуждение. В Витебской области функционирует развитый птицеводческий подкомплекс, центральным ядром которого выступают 4 птицефабрики: ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика», УП «Оршанская птицефабрика», ОАО «Птицефабрика Городок» и УПП «Полоцкая птицефабрика».

Самой крупной птицефабрикой в регионе и одной из крупнейших в Республике Беларусь является ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» (входит в пятерку валообразующих организаций мясного направления страны). В настоящее время ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» представляет собой огромный холдинг, в составе которого находятся 14 сельскохозяйственных организаций, расположенных на земельном участке площадью 40 тыс. га. Виды деятельности холдинга: птицеводство, животноводство, растениеводство, комбикормовое производство, производство мяса и мясопродуктов, оптовая и розничная торговля, общественное питание.

В настоящее время экспортную деятельность осуществляют только две организации: ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» и УП «Оршанская птицефабрика». Основным экспортером является ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика», у которого доля экспорта составляет 20% в общем объеме реализованной продукции. Небольшие объемы экспорта продукции у ОАО

«Витебская бройлерная птицефабрика», несмотря на ее востребованность на многих зарубежных рынках, обусловлены отсутствием на них собственной товаропроводящей сети, за исключением рынка Российской Федерации (рисунок 1).

Как видно из рисунка 1, на российском рынке организация экспортную деятельность осуществляет посредством торгового дома ООО «ТД «Витебский бройлер – Смоленск»». Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что создание собственной товаропроводящей сети на внешних рынках, имеющих высокий потенциал, даст возможность организации существенно нарастить объемы экспорта продукции.

На сегодняшний день наиболее значимыми внешними рынками для ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» являются рынки Российской Федерации и Китая (рисунок 2).

Данные рисунка 2 свидетельствуют о том, что на рынки Российской Федерации и Китая поставляется 10% и 6% от общего объема реализованной продукции соответственно.

Отсутствие собственной товаропроводящей сети на внешних рынках характерно и для других птицефабрик Витебского региона, что безусловно затрудняет поиск иностранных контрагентов и в целом сдерживает осуществление экспортной деятельности, особенно на рынке Китайской Народной Республики, где данная продукция весьма востребована.

Так как рынок Китая является одним из наиболее емких, производители продовольственных

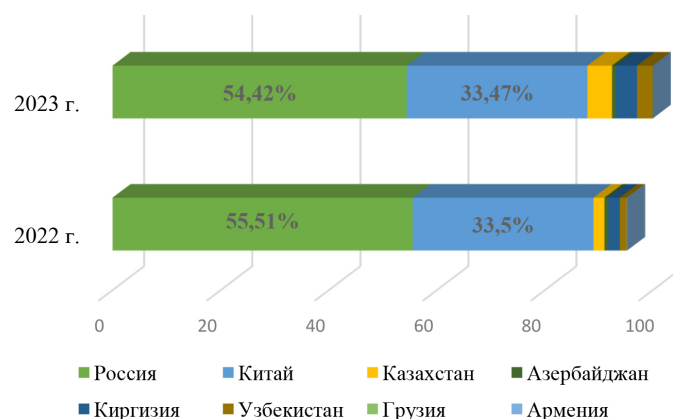

Рисунок 2 – Структура экспорта продукции ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» за 2022–2023 гг.

Примечание. Собственная разработка на основе данных организации.

товаров всех стран пытаются проникнуть на него, что обуславливает значительный уровень конкуренции и высокие требования потребителей к качеству и цене товаров. Создание собственной товаропроводящей сети на рынке Китая – это весьма сложная задача для отдельной организации, ввиду ограниченности финансовых ресурсов, территориальной удаленности страны и др. Создание товаропроводящей сети на рынке Китая требует объединения усилий организаций птицеводческого подкомплекса Витебской области в рамках создания агропродовольственного кластера «Птицеводство Витебской области».

Анализ показал, что в Республике Беларусь на сегодняшний день в агропромышленном комплексе кластеров нет. Примером зарождающегося кластера в Витебской области является «Сельскохозяйственный кластер Оршанского района», в состав которого вошли пять крестьянских фермерских хозяйств (КФХ В.М. Полякова, КФХ П.А. Гайшуна, КФХ «Артемовщина», КФХ А.К. Борисенка, КФХ «Степково»), ИП М.Н. Гурбанова, Оршанский бизнес-инкубатор «Закон и Порядок», некоммерческая организация «Центр инновационного развития». Целью создания кластера является повышение конкурентоспособности входящих организаций счет эффективного взаимодействия в производстве, переработке, транспортировке, продвижении, реализации продукции. Благодаря кластеру организации имеют возможность совместной покупки дорогостоящего оборудования (например, сельскохозяйственных дронов); выхода на оптовые рынки со своей продукцией и соответственно расширения рынков сбыта; снижение издержек, так как объедине-

ние помогает производителям удешевить доставку продукции к потребителям. «В марте 2021 г. инициатива стала одним из победителей конкурса проекта ПРООН и получила грант в размере 60 тыс. долл. США» [1].

В Витебской области существуют следующие условия, благоприятствующие созданию кластера «Птицеводство Витебской области»: природно-климатические, налаженные связи между комбикормовыми заводами, птицефабриками, торговыми организациями, высокая степень концентрации производителей мяса птицы и яиц, наличие специализированной транспортной и рыночной инфраструктуры, отраслевых исследовательских и образовательных учреждений.

Теоретико-методологические основы создания кластеров подробно представлены в работах зарубежных и отечественных ученых. Большое внимание данному вопросу уделено в монографии Г.А. Яшевой «Кластерная концепция повышения конкурентоспособности предприятий в контексте сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства» [2]. С использованием предложенной методологии создания кластеров в работе сделана попытка обосновать структуру и организацию функционирования кластера «Птицеводство Витебской области».

В качестве организационно-правовой формы создаваемого кластера предлагается выбрать ассоциацию. Согласно ст. 121 Гражданского кодекса Республики Беларусь, коммерческие организации и (или) индивидуальные предприниматели, а также коммерческие и (или) некоммерческие организации в целях координации их деятельности, представления и защиты общих интересов

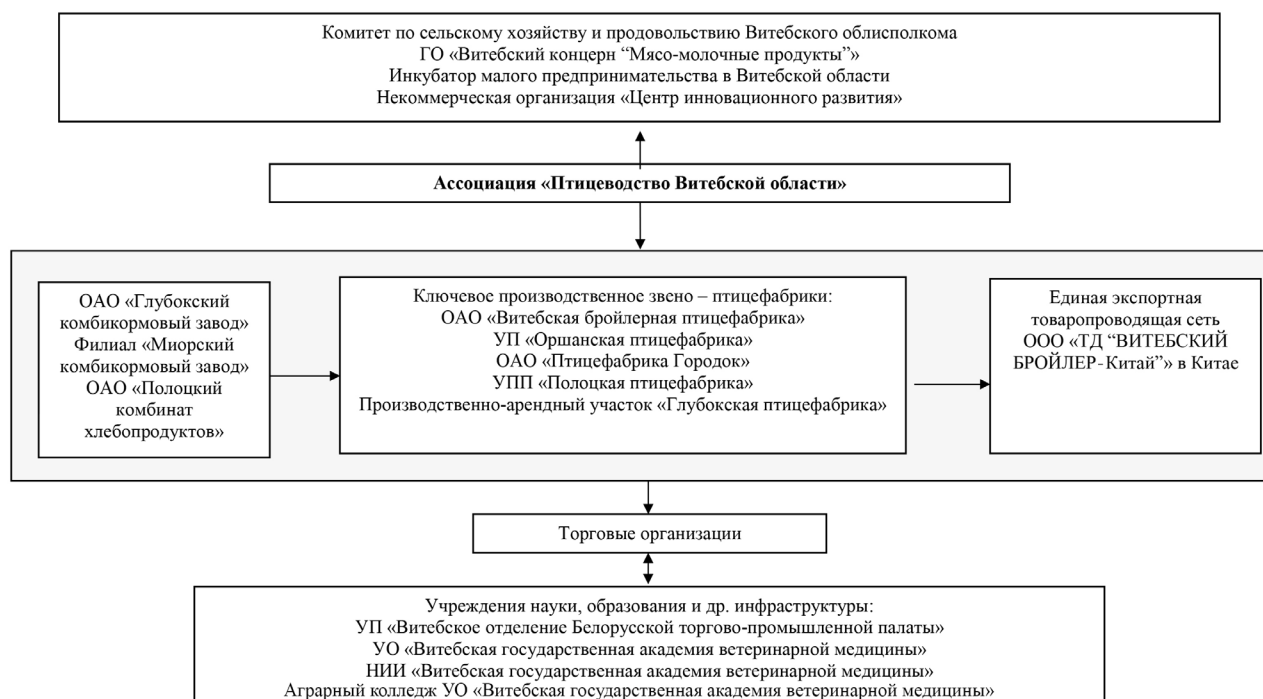

Рисунок 3 – Предлагаемая структура кластера «Птицеводство Витебской области»

Примечание. Собственная разработка.

могут создавать объединения в форме ассоциаций или союзов, являющихся некоммерческими организациями [3].

Деятельность ассоциации основана на взаимодействии организаций посредством формальных и неформальных отношений, позволяющая решать общие задачи. Отношения членов кластера оформляются договорами, где обозначаются условия их сотрудничества. Субъекты кластера вносят соответствующие взносы для осуществления деятельности ассоциации «Птицеводство Витебской области». При этом сотрудничество организаций не исключает конкуренцию между ними за покупателей. Любой участник кластера может входить в другие договорные объединения, не пересекающиеся с экономическими интересами кластера.

Структура предлагаемого кластера «Птицеводство Витебской области» представлена на рисунке 3.

Как видно из рисунка 3, в кластер «Птицеводство Витебской области» войдет 5 птицефабрик (ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика», УП «Оршанская птицефабрика», ОАО «Птицефабрика Городок», УПП «Полоцкая птицефабрика», производственно-арендный участок «Глубокская птицефабрика»), 3 организации комбикормовой промышленности (ОАО «Глубокский комбикормовый завод», филиал «Миорский комбикормо-

вый завод», ОАО «Полоцкий комбинат хлебопродуктов»), торговые организации Витебской области, УП «Витебское отделение Белорусской торгово-промышленной палаты; УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины», Аграрный колледж УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины», некоммерческая организация «Центр инновационного развития».

Зарубежный опыт и отечественные разработки в области создания кластеров свидетельствуют о необходимости взаимодействия данных структур с органами государственного управления. Специфика деятельности создаваемого кластера предполагает его взаимоотношения с такими органами государственного управления, как Комитет по сельскому хозяйству и продовольствию Витебского облисполкома и ГО «Витебский концерн «Мясо-молочные продукты»». Основными задачами этих структур в работе кластера будут являться оказание содействия участникам региональных объединений при получении ресурсов господдержки, предоставление консалтинговых услуг, проведение маркетинговых исследований рынка птицепродуктов и рекламных кампаний в интересах членов кластера.

«Инкубатор малого предпринимательства в Витебской области» и некоммерческая

организация «Центр инновационного развития» будут оказывать различные услуги коммерческим субъектам кластера, такие как информационную, консультационную и организационную помощь по вопросам эффективного развития их деятельности; мониторинг и проведение исследований в различных сферах деятельности, в том числе проведение социологических исследований; проведение семинаров, тренингов, конференций и круглых столов, иных образовательных и информационных мероприятий; сбор, обобщение и распространение информации о достижениях научно-технического прогресса и передового опыта работы по внедрению современных технологий для бизнеса; сотрудничество с коммерческими и некоммерческими организациями, в том числе иностранными.

Для реализации функций кластера в структуре ассоциации «Птицеводство Витебской области» предлагается создать следующие подразделения: научно-образовательный отдел, отдел маркетинга и внешнеэкономических связей, отдел координации и кредитования.

Основными функциями научно-образовательного отдела будут являться: подготовка и переподготовка специалистов для организаций кластера за счет бесплатных семинаров; организация обмена опытом наиболее эффективно работающих организаций кластера; организация обучения специалистов организаций кластера за рубежом; приглашение иностранных специалистов, в том числе технологов, для проведения обучения специалистов организаций кластера; разработка новых технологий и новых видов продукции.

На отдел маркетинга и внешнеэкономических связей возлагаются следующие функции: проведение маркетинговых исследований на внутреннем и внешних рынках; поиск новых рынков сбыта; поиск иностранных посредников; создание совместных web-сайтов; участие в международных выставках-ярмарках; создание товаропроводящей сети на внешних рынках.

Отдел координации и кредитования будет выполнять следующие функции: осуществление контроля за деятельностью организаций кластера; помощь в решении текущих вопросов; организация финансирования поставщиков ресурсов; оказание лизинговых услуг организациям кластера.

Принимая во внимание зарубежный опыт, создание кластера «Птицеводство Витебской области» позитивно повлияет на экономические показатели деятельности его субъектов, а именно приведет к:

- увеличению количества рабочих мест организациями кластера;

- увеличению объемов реализованной продукции субъектами кластера;
- снижению себестоимости продукции, произведенной организациями-субъектами кластера;
- повышению рентабельности продукции, реализованной на внутреннем и внешних рынках организаций-субъектов кластера;
- увеличению объема экспорта продукции, произведенной организациями-субъектами кластера;
- диверсификации экспорта (количество стран, в которые была реализована продукция организаций-субъектов кластера);
- увеличению количества совместных проектов организаций-субъектов кластера;
- увеличению количества новых видов продукции, произведенных организациями-субъектами кластера.

Наиболее важным аспектом функционирования кластера «Птицеводство Витебской области» с точки зрения совершенствования экспортной деятельности его субъектов является создание товаропроводящей сети, в частности торгового дома ООО «ТД «Витебский бройлер – Китай»», на наиболее перспективным рынке Китайской Народной Республики.

Для эффективного осуществления экспортной деятельности субъектами кластера в качестве основных функций торгового дома ООО «ТД «Витебский бройлер – Китай»» необходимо предусмотреть следующие:

- проведение рекламных кампаний продукции субъектов кластера;
- участие в тематических китайских выставках, ярмарках, семинарах с целью нахождения потенциальных импортеров продукции птицефабрик, соучредителей торгового дома;
- сбор маркетинговой информации для субъектов кластера;
- прием заказов на поставку продукции;
- помощь в разработке логистики продукции птицефабрик и других организаций кластера в КНР.

Деятельность торгового дома будет осуществляться в соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2012 года № 183 «Об утверждении Положения о товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом, классификатора видов поставок товаров, подлежащих учету при осуществлении экспортных операций, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» [4].

Важным обстоятельством, значительно снижающим расходы на содержание торгового дома и соответственно повышающим эффективность его создания в Китае, является то, что согласно Указу Президента Республики Беларусь от 14 ноября 2019 г. № 412 «О поддержке экспорта», отечественным экспортерам компенсируется до 50% понесенных расходов по участию в международных выставках и проведению оценки соответствия продукции при условии, что они проходят на территории иностранных государств [5]. Также способствуют продвижению белорусской продукции, в том числе и птицеводческой отрасли, на внешние рынки Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 5 мая 2021 г. № 262 «О поддержке экспорта и страховании» и Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)», в соответствии с которыми предоставляются экспортные кредиты, осуществляются постфинансирование и дисконтирование аккредитивов [6; 7]. Обязательным условием предоставления таких кредитов (в рамках данных нормативных документов) является их страхование в УП «Белэксимгарант».

Исследование рынка Китая позволило определить наиболее благоприятное местоположение торгового дома – г. Шанхай. Это крупнейший торговый и промышленный центр Китая, в котором ежегодно проводятся сельскохозяйственные выставки мирового значения («Китайская выставка пищевых ингредиентов» (март); «Международная Шанхайская выставка гостиниц, продуктов питания и напитков» (март); «Продуктовая выставка “SIAL China”» (май); «Международная выставка общественного питания и пищевых продуктов» (август), «Китайская международная импортная выставка СПЕ» (ноябрь)).

Создание торгового дома ООО «ТД “Витебский бройлер”» в Шанхае привлечет не только новых китайских покупателей, но и будет способствовать нахождению контрагентов из близлежащих азиатских и арабских стран, таких как Индия, Индонезия, Иран, Пакистан, Турция, Саудовская Аравия. Освоению рынков этих стран способствует то обстоятельство, что ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» имеет сертификацию на право маркировки знаком «Халяль». Таким образом, открытие торгового дома в Китае позволит значительно нарастить объемы производства и экспорта продукции субъектами кластера.

Заключение. Проведенное исследование показало, что у организаций птицеводческого под-

комплекса Витебской области товаропроводящая сеть на внешних рынках не развита, либо отсутствует. Формирование собственной товаропроводящей сети на зарубежных рынках для отдельной организации является сложной задачей, вследствие ограниченности финансовых ресурсов. Решение данной проблемы возможно посредством создания кластера, в который войдут производители птицепродуктов, производители комбикормов, организации транспортной и рыночной инфраструктуры, научно-исследовательские и образовательные учреждения и др.

Создание кластера в птицеводческом подкомплексе позволит снизить транзакционные издержки, вовлечь в экспортную деятельность всех его участников путем формирования единой товаропроводящей сети на рынке Китая, что обеспечит увеличение объемов производства и экспорта продукции.

Литература

1. Светлова, А. Первый в Беларуси кластер фермеров создают в Оршанском районе / А. Светлова // Экономическая газета. – 2022. – № 63(2560). – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/pervyy-v-belarusi-klaster-fermerov-sozdayut-v-orshanskom-rayone/> (дата обращения: 10.05.2024).
2. Яшева, Г.А. Кластерная концепция повышения конкурентоспособности предприятий в контексте сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства: монография / Г.А. Яшева. – Витебск: УО «ВГТУ», 2010. – 373 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 25.08.2024).
4. Об утверждении Положения о товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом, классификатора видов поставок товаров, подлежащих учету при осуществлении экспортных операций, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 февр. 2012 г. № 183 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21200183> (дата обращения: 25.08.2024).
5. О поддержке экспорта и страховании: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 5 мая 2021 г. № 262 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100262> (дата обращения: 20.08.2024).
6. О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг): Указ Президента Респ. Беларусь от 25 авг. 2006 г. № 534 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30600534> (дата обращения: 20.08.2024).
7. О поддержке экспорта: Указ Президента Респ. Беларусь от 14 ноябр. 2019 г. № 412 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31900412> (дата обращения: 20.08.2024).

Поступила в редакцию 03.03.2025

Развитие распределительной логистики РУПТП «Оршанский льнокомбинат»

Гришанова С.С., Побяржина Т.П.

УО ФПБ Витебский филиал «Международный университет "МИТСО"»

Современная экономическая ситуация белорусских промышленных предприятий является достаточно сложной в результате действия внешних факторов. Из-за внешнеэкономических ограничений существенно усложнились процессы продажи и закупки товарно-материальных ценностей на западных рынках, транспортно-торговые пути для реализации товаров, многие международные финансовые операции стали невозможными.

Несмотря на указанные негативные факторы, в экономике страны имеет место экономический рост, в том числе и за счет экспортной ориентации многих белорусских предприятий с учетом диверсификации рынков сбыта.

Республиканское унитарное производственно-торговое предприятие «Оршанский льнокомбинат» (РУПТП «Оршанский льнокомбинат») – единственное предприятие в стране, самое крупное на территории СНГ, Европы, которое производит изделия из льна и льняные ткани. И, вопреки непростым современным условиям хозяйственной деятельности, экспортирует около 80% производимой продукции в 43 страны мира.

Цель статьи – провести анализ развития сбытовой деятельности РУПТП «Оршанский льнокомбинат» в современных условиях хозяйствования.

Материал и методы. Материалом для анализа являются данные нормативно-технической, распорядительной, бухгалтерской и статистической документации РУПТП «Оршанский льнокомбинат». Методология исследования строилась на общенаучных методах экономического и статистического анализа, обобщения, сравнительного и графического анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается роль сбытовой политики в хозяйственной деятельности предприятия, а также распределительная логистика готовой продукции применительно к конкретному предприятию – РУПТП «Оршанский льнокомбинат», его каналы и рынки сбыта, новые формы продвижения продукции, структура отдела сбыта, инструменты повышения эффективности сбытовой политики.

Заключение. Проведенный анализ развития распределительной логистики РУПТП «Оршанский льнокомбинат» показал, что предприятие достаточно успешно справляется с санкционным давлением Запада, около 80% продукции составляет на экспорт, ведет активную сбытовую деятельность, выходит на новые рынки сбыта, использует новые инструменты продвижения продукции и укрепляет позиции в части узнаваемости своих торговых марок.

Ключевые слова: экономическая неопределенность, товародвижение, сбыт, управление сбытом, диверсификация, логистика, распределительная логистика, конкуренция, эффективность, рентабельность.

Development of Orsha Flax Mill Distribution Logistics

Grishanova S.S., Pobyarzina T.P.

Vitebsk Branch of International University MITSO

The current economic situation of Belarusian industrial enterprises is quite complicated as a result of external factors. Due to external economic restrictions, the processes of selling and purchasing goods and materials in Western markets, transport and trade routes for the sale of goods, many international financial transactions have become impossible.

Despite these negative factors, the country's economy is experiencing economic growth, including due to the export orientation of many Belarusian enterprises, taking into account the diversification of sales markets.

Republican Unitary Production and Trade Enterprise "Orsha Flax Mill" (RUPTE "Orsha Flax Mill") is the only enterprise in the country, the largest in the CIS and Europe, which produces linen products and linen fabrics. And, despite the difficult modern conditions of economic activity, it exports about 80% of its products to 43 countries of the world.

The article aims to analyze the development of sales activities of RUPTE "Orsha Flax Mill" in modern economic conditions.

Material and methods. The material for the analysis is the data of regulatory and technical, administrative, accounting and statistical documentation of RUPTE "Orsha Flax Mill". The research methodology was based on general scientific methods of economic and statistical analysis, generalization, comparative and graphical analysis.

Findings and their discussion. The article examines the role of sales policy in the economic activity of the enterprise, as well as distribution logistics of finished products in relation to a specific enterprise – RUPTE “Orsha Flax Mill”, its sales channels and markets, new forms of product promotion, structure of the sales department, tools for increasing the efficiency of sales policy.

Conclusion. The conducted analysis of the development of distribution logistics of RUPTE “Orsha Flax Mill” showed that the enterprise copes quite successfully with the sanctions pressure of the West, exports about 80% of its products, conducts active sales activities, enters new markets, uses new tools for product promotion and strengthens its positions in terms of brand recognition.

Key words: economic uncertainty, product distribution, sales, sales management, diversification, logistics, distribution logistics, competition, efficiency, profitability.

В деятельности любого производственного предприятия большое значение имеет правильная организация товародвижения или сбытовая политика. Именно система сбыта или преумножает результат всех предыдущих усилий предприятия или может свести их даже к нулю.

Объем сбыта определяет основные экономические показатели предприятия (величину доходов, прибыль, уровень рентабельности). Кроме того, от сбыта зависит развитие производства, материально-техническое обеспечение предприятия, уровень заработной платы работающих.

Таким образом, в процессе сбыта окончательно определяется результат работы предприятия, направленный на расширение объемов деятельности и получение максимальной прибыли.

Управление сбытом – это планирование, организация, мотивация и контроль за всеми процессами в сфере сбытовой деятельности.

Распределительная (сбытовая) логистика еще более широкое понятие, так как оно представляет собой не только планирование, контроль и управление всеми процессами, которые относятся к доставке товара от производителя (продавца) до потребителя, но и деятельность, связанная с вопросами приема и оформлением заказов, складированием и хранением товара, и грузоперевозками.

Более того, распределительная (сбытовая) логистика предусматривает и обязательную обратную связь с потребителем: прием рекламаций, замечаний, пожеланий, реакция, разработка рекомендаций для производства с целью повышения качества продукции и расширения функционала, предпродажное и послепродажное обслуживание.

В настоящее время в мире наблюдается перепроизводство и в результате перенасыщение абсолютно всех рынков товарами в такой мере, что производителю приходится не просто производить высококачественный продукт в соответ-

ствии с международными стандартами, но надевать его новейшими свойствами и сопровождать послепродажным сервисом на протяжении всего жизненного цикла. В такой ситуации никому не надо доказывать огромное значение сбыта и распределительной логистики в деятельности любого производственного предприятия.

Мало уметь произвести продукцию – ее надо еще выгодно и быстро продать. Но и стабильные продажи сегодня не гарантируют предприятию конкурентоспособность продукции завтра.

В современных условиях нельзя просто произвести товар и реализовать его – это путь, который рано или поздно приведет в тупик.

В условиях жесткой конкуренции необходимо не только заинтересовать потребителя и один раз продать ему товар, надо предвосхитить его ожидания, удержать его в своей клиентской базе как можно дольше и даже пополнить ее за счет положительного опыта старых клиентов, которые с большой долей вероятности приведут новых.

Ни снижение цен, ни повышение качества не может дать стабильного конкурентного преимущества производителю.

Как средство борьбы за потребителя на первый план выходит неценовая конкуренция, основными компонентами, которой, как правило, являются: инновационная продукция, обратная связь со своими потребителями, гибкая политика продаж, предпродажный и послепродажный сервис.

Белорусские предприятия в условиях высокой экономической неопределенности и беспрецедентного санкционного давления недружественных стран пытаются эффективно организовать свою сбытовую деятельность и расширить ее географию.

На сегодняшний день основные проблемы в организации сбытовой деятельности белорусских предприятий заключаются в следующем:

Таблица 1 – Структура отгрузки по основным каналам продаж за 2021–2022 гг.

Каналы продаж	2021 г.		Темп роста 2021 г. к 2020 г., %	2022 г.		Темп роста 2022 г. к 2021 г., %
	отгрузка, тыс. руб.	уд. вес, %		отгрузка, тыс. руб.	уд. вес, %	
Отгрузка всего, в т.ч.	140 487	100,0	100,3	202 700	100,0	144,3
Собственная товаропроводящая сеть	38 440	27,4	111,9	68 820	34,0	179,0
Крупнооптовые клиенты	81 330	57,9	96,3	107 770	53,1	132,5
Среднеоптовые клиенты	15 590	11,1	98,0	20 730	10,2	133,0
Мелкооптовые клиенты	5 127	3,6	96,2	5 380	2,7	104,9

– снижение конкурентной позиции в связи с увеличением более дешевой продукции Китая и других стран;

– увеличение длины логистических цепочек в связи с наличием санкций со стороны Европейского союза;

– потеря рынков сбыта в Европе.

В связи с установленными проблемами возникает необходимость диверсификации системы сбыта и сбытовой политики предприятий.

Цель статьи – проведение анализа развития сбытовой деятельности РУПТП «Оршанский льнокомбинат».

Материал и методы. Материалом для анализа являются данные нормативно-технической, распорядительной, бухгалтерской и статистической документации РУПТП «Оршанский льнокомбинат». В исследованиях использованы: методы экономического и статистического анализа, аналитический метод, анализ рынков сбыта и каналов распределения готовой продукции.

Результаты и их обсуждение. РУПТП «Оршанский льнокомбинат» – вертикально интегрированная структура, объединяющая весь производственный цикл – от переработки длинного и короткого льноволокна до производства и реализации готовой продукции.

В состав предприятия входят пять фабрик. На первой производят котонин из короткого льноволокна, пряжу большой линейной плотности, пряжу пневмомеханического способа прядения из котонина, мешочно-упаковочные ткани и продукцию производственно-технического назначения из короткого льноволокна. Вторая и третья фабрики специализируются на производстве пряжи и тканей из длинного льноволокна. На четвертой фабрике (отделочной) производят заключительную отделку тканей. Пятая фабрика (швейная) выпускает готовые швейные изделия.

Основные виды деятельности РУПТП «Оршанский льнокомбинат»: подготовка и прядение льняного волокна, производство льняных тканей, производство канатов, веревок, шпагата, оптовая и розничная торговля.

Основные товарные группы предприятия: ткани льняные (бытовые, тарные); готовые швейные изделия; котонизированное волокно (котонин); пряжа из короткого волокна; продукция производственно-технического назначения.

В настоящее время РУПТП «Оршанский льнокомбинат» является крупнейшим в Европе производителем изделий из льна. Значительная часть продукции РУПТП «Оршанский льнокомбинат» идет на экспорт и приносит прибыль нашей стране в валюте. Предприятие реализует льнопродукцию более чем в 40 странах мира, имеет 15 представительств (в странах ближнего и дальнего зарубежья). Более 40 фирменных магазинов находятся в Республике Беларусь и в Российской Федерации. Освоена интернет-торговля со всеми видами доставки и оплаты.

Представим каналы продаж РУПТП «Оршанский льнокомбинат» в разрезе потребителей: собственная товаропроводящая сеть, крупнооптовые покупатели, среднеоптовые и мелкооптовые покупатели (таблица 1). Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что наибольший удельный вес в структуре каналов сбыта занимают крупнооптовые клиенты с долей 57,9% в 2021 г. и 53,1% в 2022 г., наименьшую долю занимают мелкооптовые клиенты с долей 3,6% и 2,7% в 2021–2022 гг. В целом в 2022 г. отгрузка увеличилась на 62 213 тыс. руб. или на 44,3%. Рост сбыта готовой продукции наблюдается по всем каналам распределения.

Отгрузка бытовых тканей и швейных изделий по региональным рынкам сбыта за 2020–2022 гг. в натуральном выражении выглядит следующим образом (таблица 2).

Таблица 2 – Отгрузка бытовых тканей и швейных изделий РУПТП «Оршанский льнокомбинат» в т.м.п по региональным рынкам сбыта за 2020–2022 гг.

Рынки сбыта	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Темп роста 2022 г. к 2020 г., %
Республика Беларусь	2 404	2 240	2 660	110,6
Страны ближнего зарубежья	2 751	2 904	3 225	117,2
в т.ч. Российская Федерация	1 563	1 537	2 200	143,1
Страны дальнего зарубежья	11 416	8 129	12 640	140,8
Всего:	16 571	13 273	18 525	111,8

Таблица 3 – Объем экспорта по основным рынкам сбыта за 2020–2022 гг. (тыс. долл. США)

Рынки сбыта	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Темп роста 2022 г. к 2020 г., %	Удельный вес в общем объеме экспорта за 2022 г., %
Дальнее зарубежье	42 035	36 252,3	50 310	119,7	74,7
Российская Федерация	10 214,4	9 466,3	12 475	122,1	18,5
Страны ближнего зарубежья	3 289,9	3 223,8	4 745	144,3	6,8
Всего:	55 539,3	48 942,4	67 530	121,6	100,0

Фактическая отгрузка по бытовым тканям и швейным изделиям за 2022 г. составила 18 525 т.п.м., что на 5 252 т.п.м больше, чем в 2021 г. Увеличение объемов отгрузки в разрезе стран ближнего и дальнего зарубежья наблюдается по всем направлениям.

Объем экспорта по основным рынкам сбыта за 2020–2022 гг. в тыс. долл. США выглядит следующим образом (таблица 3).

В 2022 г. льняная продукция экспортировалась в 46 стран мира (в 2020 – 44). В 2023 и 2024 гг. география экспорта еще больше была расширена. Если в 2021 г. основными партнерами РУПТП «Оршанский льнокомбинат» среди стран дальнего зарубежья были страны Европейского союза, США, Турция. В 2022 г. были освоены новые рынки сбыта – Чили, Израиль, Румыния, Швейцария, Франция, Таиланд. В 2023 г. взято новое направление – страны Ближнего Востока, Индия и Африка.

Основную долю (около 85%) в общем объеме реализации готовой продукции составляют бытовые ткани и швейные изделия. В таблице 4 представлена структура продаж по бытовым тканям и швейным изделиям по региональным рынкам сбыта в 2022 г.

Таблица 4 – Структура продаж по рынкам сбыта в 2022 г., %

Рынки сбыта	Вид продукции	
	бытовые ткани	швейные изделия
Дальнее зарубежье	73	5
Республика Беларусь	10	67
Российская Федерация	11	24
Страны СНГ	6	4

Отгрузка бытовых тканей на рынки стран дальнего зарубежья составляет 73% от общей отгрузки бытовых тканей, а на рынок Республики Беларусь и страны СНГ приходится 21% (10% и 11% соответственно), а по швейным изделиям отгрузка выглядит наоборот – на рынок Республики Беларусь приходится 67% от общей отгрузки швейных изделий, на рынок стран СНГ – 28%, на рынок дальнего зарубежья – 5%.

Основной вид продукции, отгружаемый на рынки стран Европейского Союза, Турции и США, – это льняные ткани, подготовленные

под крашение и в дальнейшем используемые для пошива одежды, а также изделия для домашнего текстиля. Данные региональные рынки имеют значительный потенциал для увеличения объемов экспорта предприятия. Лняные ткани производства РУПТП «Оршанский льнокомбинат» востребованы во многих модных домах мира и у знаменитых кутюрье, что само по себе говорит о качестве продукции и создает положительный имидж белорусскому производителю. Коллаборации с крупными производителями одежды и домашнего текстиля, имеющими собственную широкую сеть розничных и интернет-магазинов, тоже способствуют продвижению продукции и развитию брендов РУПТП «Оршанский льнокомбинат». Планируется расширить ассортимент поставляемой продукции на рынки дальнего зарубежья за счет выпуска новых видов продукции – тканей с новыми дополнительными видами отделки, одежды и готовых изделий.

Одним из важных направлений расширения экспорта РУПТП «Оршанский льнокомбинат» является реализация продукции из короткого льноволокна. Короткое лняное волокно является низкосортным сырьем, и производимая из него продукция не отличается высокой ценой. В то же время в Республике Беларусь объемы этого сырья составляют до 75% от объемов льноволокна в целом [1; 2]. И в недавнем прошлом проблемы расширения ассортимента, повышение качества продукции из данного вида сырья и ее сбыта стояли достаточно остро [3; 4]. На сегодняшний день в Республике Беларусь эти проблемы решаются достаточно успешно, и продукция из короткого лняного волокна также заняла свою нишу среди экспорто ориентированных товаров.

В 2022 г. 0,6% экспорта (3800 тонн на сумму 6400 тыс. долл. США) на рынке стран дальнего зарубежья обеспечивает продукция технического назначения из короткого лняного волокна. Большую часть экспортируемой технической продукции составляет котонизированное льноволокно, а также пряжа, шпагат и переработанные отходы производства (гребенной очес, регенерированное волокно). Главными потребителями данной продукции являются Бельгия, Китай, Индия, Литва, Франция, Сербия и Румыния, среди которых необходимо отметить китайский рынок, который готов поглощать большие объемы продукции из короткого лняного волокна. Ввиду стремительного развития экономики Китая, открытия в этой стране новых производств, быстро растущего рынка сырьевых ресурсов РУПТП «Оршанский

льнокомбинат» должен занять место бессменного поставщика льнопродукции с безупречной репутацией на китайском рынке.

Для реализации политики продаж РУПТП «Оршанский льнокомбинат» использует следующие инструменты:

- регулярные скидки (применяются в основном при сотрудничестве с базами ОАО «Текстильторг»);
- отсрочки платежей, регулируемые договорными отношениями и иными обстоятельствами;
- отработанная логистическая система для оперативной доставки продукции потребителям;
- предоставление сопроводительной документации и информации по продукции;
- информирование об особенностях продукции по каждой товарной группе;
- трейд-маркетинговая поддержка посредством онлайн (возможность выбора посредством сайта предприятия, онлайн-резервирование заказа, маркетинговое сопровождение выполнения заказа, предпродажная подготовка, постпродажное обслуживание);
- предоставление возможности корпоративного заказа по дизайнам, размерам и моделям заказчика.

Онлайн-торговля является одним из перспективных каналов продаж – маркетплейсы стали важнейшим драйвером всего рынка e-commerce в период 2021–2022 гг. Учитывая ассортимент комбината – домашний текстиль, основными площадками для продаж являются интернет-магазины Wildberries и Ozon. В таблице 5 представлена динамика реализации продукции РУПТП «Оршанский льнокомбинат» на маркетплейсах за 2021–2022 гг.

Таблица 5 – Реализация швейных изделий в тыс. бел. руб. на маркетплейсах Российской Федерации

Продажи на маркетплейсах РУПТП «Оршанский льнокомбинат»		Темп роста 2022 г. к 2021 г., %
2021 г.	2022 г.	
1 125,21	2 100,3	186,7

В 2022 г. РУПТП «Оршанский льнокомбинат» значительно увеличил объемы продаж швейных изделий за счет размещения на маркетплейсах в сравнении с общим объемом продаж, тем самым увеличил аудиторию и масштабирование продажи, экспансию в регионы, ранее не охваченные, повысил узнаваемость торговой марки «Беларускі лён».

Таблица 6 – Динамика продаж по бытовым тканям и швейным изделиям (в т.п.м.) за 2020–2022 гг. по Республике Беларусь

Регион	2020 г.	Темп 2020 г. к 2019 г., %	2021 г.	Темп 2021 г. к 2020 г., %	2022 г.	Темп 2022 г. к 2021 г., %
Республика Беларусь	2 404	98,2	2 240	103	2 660	119
в т.ч.						
Брестская область	189	100,0	185	98	210	113
Витебская область	405	93,5	418	103	470	112
Гомельская область	120	83,9	119	99	150	126
Гродненская область	172	99,4	150	87	160	106
Минская область	193	78,8	262	136	310	118
Минск	673	114,8	673	100	760	113
Могилевская область	150	89,8	150	100	210	140

Свою стратегию продаж на рынке Республики Беларусь РУПТП «Оршанский льнокомбинат» строит по территориальному принципу, исходя из конъюнктуры рынка и потребностей участников каналов продаж в разных регионах.

Динамика продаж в разрезе областей Республики Беларусь представлена в таблице 6.

В 2022 г. наблюдается увеличение объемов отгрузки по бытовым тканям и швейным изделиям по всем регионам, в целом темп роста составил 119%.

На РУПТП «Оршанский льнокомбинат» распределением продукции занимается коммерческая служба, которой руководит заместитель генерального директора по коммерческим вопросам. С целью повышения экономической, маркетинговой и логистической эффективности, осуществления стратегии и системы представления интересов предприятия на определенных секторах рынка утверждена структура и штатное расписание коммерческой службы. В структуру коммерческой службы входят следующие подразделения:

- управление продаж, которое занимается непосредственно сбытом продукции;
- отдел маркетинга, который изучает конъюнктуру рынка, занимается размещением в производство заказов от покупателей и формирует план производства на фабриках, составляет стратегию маркетинга для бизнес-плана предприятия;
- отдел рекламы, к обязанностям которого относится: размещение рекламной информации с использованием интернет-ресурсов и, в частности, на собственном сайте льнокомбината, выпуск специализированных каталогов, буклетов, справочников, проведение рекламных акций;

– отдел разработки нового ассортимента продукции отслеживает рыночные тенденции и занимается обновлением ассортимента с учетом покупательского спроса;

– отдел фирменной торговли продвигает продукцию льнокомбината через собственную товаропроводящую сеть.

РУПТП «Оршанский льнокомбинат» строит свою распределительную логику и маркетинговую политику по региональному принципу, дифференцируя мировой рынок на региональные рынки по емкости, степени развития промышленности по переработке текстильной продукции и производительных сил. Также учитываются социальные аспекты, степень культуры и традиций местного населения в использовании льняных тканей, готовой льняной одежды и изделий домашнего текстиля из льна.

В связи с созданием и развитием фирменной торговой сети во всех регионах республики в структуру и штатное расписание коммерческой службы введен отдел фирменной торговли, которому подчинены специализированные магазины «Беларускі лён» в городах Минск, Брест, Могилев, специализированные магазины «Витебский лён» в г. Витебске, два промтоварных магазина в г. Орше и др.

С целью анализа эффективности сбытовой деятельности РУПТП «Оршанский льнокомбинат» представим анализ договорной работы. Отгрузка продукции производится по согласованной сторонами заявке от покупателя на определенный объем и ассортимент. Представим анализ договорной работы РУПТП «Оршанский льнокомбинат» за 2021–2022 гг. в таблице 7.

Таблица 7 – Анализ договорной работы РУПТП «Оршанский льнокомбинат»

Наименование показателей	2021 г.	2022 г.	Абсолютное изменение	Темп роста, %
1. Количество заключенных договоров всего, ед.	170	177	7	104,1
из них:				
1.1) пролонгированных:				
– единиц	134	139	5	103,7
– удельный вес в общем количестве заявок, %	78,8	78,5	–0,3	–
1.2) вновь заключенных				
– единиц	36	38	2	105,6
– удельный вес в общем количестве заявок, %	21,2	21,5	0,3	–
2. Процент выполнения заявок, %	98,2	99,3	1,1	101,1

Таблица 8 – Анализ возвратов и качества продукции

Наименование показателя	2021 г.	2022 г.	Темп роста, %
Произведено продукции всего, т.м.п.	14 358	19 663	136,9
Объем отгрузки продукции, т.м.п.	13 273	18 525	139,6
Возврат продукции в:			
– натуральном выражении, т.м.п.	0,146	0,185	126,7
– стоимостном выражении, тыс. руб.	0,50	0,48	96,0
– % от объема отгрузки (т.м.п.)	0,0011	0,0010	–0,0001

Как следует из данных таблицы 7, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. количество заключенных договоров увеличилось на 4,1%. Процент заявок выполнен в 2022 г. на 99,3%, в 2021 г. этот показатель увеличился на 1,1 п.п. Основная часть договоров является пролонгированными: их удельный вес в общем количестве договоров уменьшился на 0,3 п.п., тем роста составил 103,7%. Удельный вес вновь заключенных договоров в 2021 г. составил 21,2% от общего количества, в 2022 г. – 21,5%.

Положительным моментом является уменьшение в общем количестве удельного веса договоров, по которым не осуществлялась отгрузка продукции. При реализации продукции комбинат принимает от покупателей возвраты в случаях несоответствия качеству. Анализ возвратов представлен в таблице 8.

Наблюдается тенденция улучшения качества продукции и снижения возвратов на предприятие. В 2022 г. возвращено продукции больше на 26,7%, чем в 2021 г., в то же время объем произ-

водства в 2022 г. вырос на 36,9%. Стоимость возвращенной продукции составила 0,48 тыс. руб., что на 4,0% меньше, чем в 2021 г., при этом объем производства в стоимостном выражении вырос на 28,7%. Чтобы продукция составляла конкуренцию на рынке, ее качество должно не только отвечать требованиям международных стандартов и удовлетворять потребителей в настоящее время, но и превосходить требования потребителей, выделяться на фоне подобной продукции. Учитывая, что спрос на льняную продукцию имеет высокий риск к изменению, задача повышения конкурентоспособности (улучшение качества, усовершенствование рисунков дизайна согласно мировым тенденциям моды, придание продукции новых свойств и др.) и объемов сбыта в условиях ужесточения конкуренции на мировых рынках приобретает первостепенное значение.

Существенным фактором, влияющим на размер рыночной доли предприятия и объем сбыта, является его деятельность в сфере коммуника-

ции. Основная цель коммуникационной политики предприятия – информирование целевой аудитории (потребителей и оптовых покупателей) о существовании продукции предприятия, ее потребительских характеристиках и стимулировании реализации по приоритетным для предприятия регионам. Деятельность в сфере коммуникации зависит от размера рекламного бюджета и поведения в этой сфере конкурентов.

Современные средства маркетинговых коммуникаций, которые используются для повышения лояльности потребителя и объема продаж на РУПТП «Оршанский льнокомбинат»:

- реклама в средствах массовой информации (радио, телевидение, газеты и журналы), наружная реклама, реклама на транспортных средствах, прямая почтовая рассылка;

- паблик рилейшнз;
- стимулирование сбыта;
- прямой маркетинг;
- личная продажа;
- спонсорство;
- брэндинг;
- продактплейсмент.

Маркетинговая деятельность предприятия в условиях конкуренции направлена на сохранение и дальнейшее укрепление позиций торговых марок «Беларускі лён», «VILINI», «Orsha LinenMill» на рынке Республики Беларусь и за его пределами. Благодаря рекламе, участию в ярмарках и выставках, современным средствам маркетинговых коммуникаций узнаваемость торговых марок возросла, все больше покупателей являются приверженцами белорусских льняных изделий. Совершенствование рекламной деятельности с целью продвижения торговых марок «Беларускі лён», «VILINI», «OrshaLinenMill» на рынки ближнего и дальнего зарубежья идет с использованием имеющихся для этого каналов – печатные СМИ, интернет-ресурсы, телевидение и радио, наружная реклама и социальные сети.

Заключение. Проведенный анализ развития распределительной логистики РУПТП «Оршанский льнокомбинат» показал, что предприятию успешно справляться с санкционным давлением Запада и вести успешную сбытовую деятельность помогает следующее:

- правильно выбранная экспортно ориентированная стратегия продаж по территориально-региональному принципу деления рынков;

- совершенствование деятельности товаропроводящей сети за счет расширения присутствия на региональных рынках, развития собственной интернет-торговли и открытия фирменных магазинов;

- разработка удобных для покупателей логистических схем поставки продукции в страны ближнего и дальнего зарубежья;

- развитие кооперации с крупными производителями одежды и домашнего текстиля, имеющими собственную широкую сеть розничных и интернет-магазинов;

- увеличение объемов реализации продукции посредством электронной интернет-торговли;

- наличие обратной связи со своими потребителями.

Положительным в организации сбытовой деятельности РУПТП «Оршанский льнокомбинат» является также то, что:

- 80% продукции поставляется на экспорт, география и ассортимент которого расширяется;
- узнаваемость торговых марок возрастает;
- растут объемы продаж на рынке Республики Беларусь и зарубежных рынках за счет:
- повышения качества продукции;
- развития сегмента интернет-торговли;
- расширения выпускаемого ассортимента;
- проведения рекламных мероприятий;
- расширения товаропроводящей сети.

Литература

1. Гришанова, С.С. Исследование качественных и количественных показателей льнотресты и льноволокна, полученных из разных селекционных сортов льна-долгунца / С.С. Гришанова, В.П. Жидкевич, С.С. Медвецкий // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности / Санкт-Петербург, 2017. – Т. 38, № 4. – С. 65–70.
2. Гришанова, С.С. Анализ свойств отечественного льноволокна, используемого для производства пряжи средних линейных плотностей / С.С. Гришанова // Вестник Витебского государственного технологического университета. – Витебск, 2011. – № 1(20). – С. 29–33.
3. Прохоренко, О.В. Анализ качества льняной пряжи и возможности его повышения / О.В. Прохоренко, С.С. Гришанова, А.Г. Коган, Ю.С. Бакова // Вестник Витебского государственного технологического университета. – Витебск, 2019. – № 1(36). – С. 81–90.
4. Гришанова, С.С. Технология пряжи из короткого льняного волокна с использованием процесса гребнечесания: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 05.19.02 / Гришанова Светлана Сергеевна; УО «ВГТУ». – Витебск, 2007. – 16 с.

Поступила в редакцию 17.02.2025

Belarus in the Context of Global Nanotechnology Market

Demidova M.A.

Educational Establishment "Vitebsk State Technological University"

Nanotechnology is an influential tool for solving global problems and a key component of sustainable development strategies for countries. Scientists consider nanotechnology to be the technology of the future, noting its limitless possibilities and the uniqueness of the created nanocoatings, materials and structures. Nanotechnology is widely represented in all industries, including biotechnology, drug delivery, wound healing, tissue engineering, microelectronics, environmental protection, energy harvesting and storage and others.

Currently, the development of the nanoindustry is recognized as a key factor in increasing the country's competitiveness in the international arena. In this regard, it is relevant to analyze the global nanotechnology market, areas of their commercialization, as well as to determine the place and role of the Republic of Belarus in the nanoindustry.

The purpose of the study is to analyze and evaluate the development of the nanotechnology sphere in the Republic of Belarus, identify its main problems and features, development trends, and create recommendations for its improvement.

Material and methods. *For the article a comprehensive strategy of searching for statistical data and literature on the research topic was used through various online resources including Google Scholar, Web of Science, Springer, websites of foreign and national nanotechnology organizations. The author used general scientific and special methods: comparison, analysis and synthesis and graphical models.*

Findings and their discussion. *The study showed that global investments in nanotechnology market in 2020 was \$1.76 billion and is projected to reach \$33.63 billion by 2030, registering a compound annual growth rate of 36.4% from 2021 to 2030. It's expected that The Europe Nanotechnology Market would grow for 32.0% CAGR from 2023 to 2030.*

An analysis of the largest players in the global nanotechnology market showed that on average, investment in developments ranges from \$250,000 to \$30 billion, depending on the size of the company and the number of developments. The largest number of nanosector companies are concentrated in the United States, United Kingdom, France, Japan and India, with the main areas of investment in nanotechnology being the production of carbon and graphene nanotubes.

The Belarusian nanotechnology market is currently at the initial stage of its development and has a number of problems. It is characterized by a small number of nanotechnology developments, the prevalence of technologies, product ideas and prototypes over ready-made versions of serial production, predominantly state financing, closed information on the size, directions and participants in the financing of nanoprojects, underdeveloped communication between the main agents of commercialization of nanotechnology.

Conclusion. *Based on the conducted research, the main problems and features of the development of the nanotechnology sphere in the Republic of Belarus were identified. A number of recommendations were proposed to strengthen the ties between the main agents of the nanotechnology market, as well as to create a favorable information, investment and production climate for the further development of nanotechnology in the country.*

Key words: *nanoindustry, nanotechnology, nanoproducts, nanosector, nanotechnology market, commercialization of nanotechnology.*

Беларусь в контексте глобального рынка нанотехнологий

Демидова М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Нанотехнологии являются влиятельным инструментом решения глобальных проблем и ключевым компонентом стратегий устойчивого развития стран. Ученые считают нанотехнологии технологией будущего, отмечая ее безграничные возможности и уникальность создаваемых нанопокровов, материалов и структур. Нанотехнологии широко представлены во всех отраслях промышленности, включая биотехнологии, доставку лекарств, лечения ран, тканевую инженерию, микроэлектронику, защиту окружающей среды, сбор и хранение энергии и другие.

В настоящее время развитие сферы наноиндустрии признано ключевым фактором повышения конкурентоспособности страны на международной арене, в связи с чем актуальным является анализ глобального рынка нанотехнологий, направлений их коммерциализации, а также определение места и роли Республики Беларусь на мировой арене в контексте индустриализации нанотехнологий.

Цель исследования – анализ и оценка развития сферы нанотехнологий в Республике Беларусь, выявление ее основных проблем и особенностей, тенденций развития, разработка рекомендаций по ее улучшению.

Материал и методы. *При написании статьи использовалась комплексная стратегия поиска статистических данных и литературы по вопросам исследования через различные онлайн-источники, включая Google Scholar, Web of Science, Springer, сайты зарубежных и национальных нанотехнологических организаций. Автором применялись общенаучные и специальные методы: сравнение, анализ и синтез, статистический и графический.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование показало, что мировые инвестиции в рынок нанотехнологий в 2020 году составили 1,76 млрд долларов США и, по прогнозам, достигнут 33,63 млрд долларов США к 2030 году, что соответствует*

совокупному годовому темпу роста в 36,4% в период с 2021 по 2030 год. Ожидается, что европейский рынок нанотехнологий будет расти на 32,0% в год в период с 2023 по 2030 год.

Проведенный анализ наиболее крупных игроков на глобальном рынке нанотехнологий показал, что в среднем размеры инвестиций в разработки варьируются от 250 тыс. долл. до 30 билл. долл. в зависимости от размера компании и числа направлений разработок. Наибольшее число компаний наносектора сосредоточено в США, Великобритании, Франции, Японии и Индии, при этом основными сферами инвестирования в нанотехнологии являются производство углеродных и графеновых нановолокон, производство водных и воздушных фильтров и сепараторов, нанополупроводников, создание фармацевтических наноматериалов и нанолекарств, производство медицинских и биомедицинских наноматериалов, нановолокон и нанопокровов, создание энергоэффективных наноматериалов. Установлено, что белорусский рынок нанотехнологий в настоящий момент находится на начальном этапе своего развития и имеет ряд особенностей и проблем. Для него характерно небольшое количество нанотехнологических разработок, превалирование технологий, идей продукта и опытных образцов над готовыми вариантами серийного производства, преимущественно государственное финансирование, закрытость информации о размерах, направлениях и участниках финансирования нанопроектов, малоразвитость связи между основными агентами коммерциализации нанотехнологий.

Заключение. На основании проведенного исследования выявлены основные проблемы и особенности развития сферы нанотехнологий в Республике Беларусь, предложен ряд рекомендаций для укрепления связей между основными агентами рынка нанотехнологий, а также создания благоприятного информационного, инвестиционного и производственного климата для дальнейшего развития нанотехнологий в стране.

Ключевые слова: наноиндустрия, нанотехнологии, нанопродукты, наносектор, рынок нанотехнологий, коммерциализация нанотехнологий.

A high level of economic development is possible with sustainable scientific and technological progress, which is related to such industries as agriculture, healthcare, food production, energy, etc. Differences in technological capabilities underlie differences in economic development across regions and countries. Governments around the world spend vast sums to support research and development to create technological competitiveness. The conventional view of technological change is of long-term technological cycles, each arising from a revolutionary new scientific advance. Nanotechnology has now become an influential tool for solving global problems and a component of sustainable development strategies for countries.

By creating nanoscale objects, materials and structures, scientists have made it possible to find new opportunities for the development of various industries and fields of knowledge [1]. The nanoindustry is one of the priority areas of economic development in countries, which proves the relevance of research on this topic. Nowadays, scientists consider nanotechnology to be the technology of the future, noting its limitless possibilities and the uniqueness of the created nanocoatings, materials and structures [2; 3].

A new scientific field of science in the form of nanotechnology was created because it was observed that materials, products, and devices developed from nanoscale particles almost always exhibit properties different from those of large-scale bulk materials [2; 4; 5]. Nanofibrous materials are known to be of great significance for a variety of applications including biotechnology, drug

delivery, wound healing, tissue engineering, microelectronics, environmental protection, energy harvesting and storage and other applications [6].

An important aspect of the development of nanotechnology and its industrialization is the need for commercialization of technologies [7; 8]. The nanoindustry offers a wide range of advantages of the proposed products and technologies for improving various spheres of life of the population – economic, social, environmental, etc., but only if these developments are commercialized and deployed at a large scale, taking into consideration the intellectual property protection, finding target markets and financial resources.

The purpose of the article is to analyze and evaluate the development of the nanotechnology sphere in the Republic of Belarus, identify its main problems and features, development trends and develop recommendations for its improvement.

Material and methods. For the article a comprehensive strategy of searching for statistical data and literature on the research topic was used through various online resources including Google Scholar, Web of Science, Springer, websites of foreign and national nanotechnology organizations. The author used general scientific and special methods: comparison, analysis and synthesis and graphical models.

Findings and their discussion. The analysis of the Global Nanotechnology Market size [9] states that global investments in nanotechnology market in 2020 was \$1.76 billion and is projected to reach \$33.63 billion by 2030, registering a compound annual growth

rate (CAGR) of 36.4% from 2021 to 2030. It's expected that The Europe Nanotechnology Market would grow for 32.0% CAGR from 2023 to 2030 (figure 1).

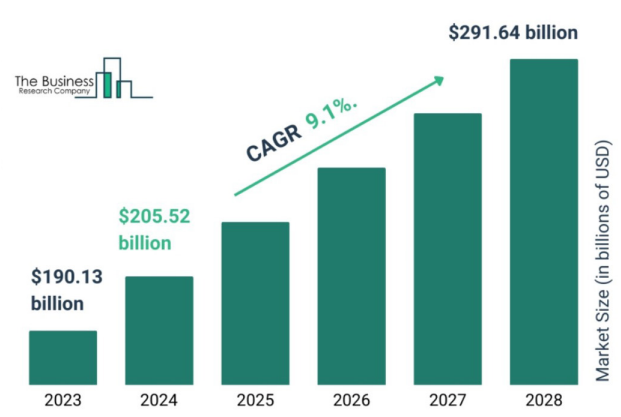

Figure 1 – Nanotechnology services global market report 2024

Footnote. [9].

Statistical data, collected by [9] shows the increasement of spendings on nanotechnology market, especially in the segment of healthcare. In the United Kingdom total current healthcare expenditures in the in 2020 amounted to £257.6 billion, or £3,840 per person. The increased

investment in healthcare has created opportunities to develop innovative nanotechnology-based solutions to improve patient care, diagnostics, and treatment. The Germany market dominated the Europe Nanotechnology Market, By Country in 2022, and would continue to be a dominant market till 2030; thereby, achieving a market value of \$2,014.4 million by 2030. The UK market is experiencing a CAGR of 30.9% from 2023 to 2030. The France market would exhibit a CAGR of 33% from 2023 to 2030 [9].

Developing countries are still lagging behind because they are unable to match the industrial progress of the previous decade, primarily due to the lack of accumulated financial, industrial and scientific-methodological assets. However, experts from the scientific communities of both developed and developing countries recognize the fact that nanotechnology will become the next step in the technological generation [10].

The Europe Nanotechnology Market Size, Share & Industry Trends Analysis Report 2023–2030 [9] presents the list of the main commercial global organizations involved in the development and commercialization of nanotechnology. We have collected information on the types of nanotechnology projects and innovations they invest, as well as the size of these investments (table 1).

Table 1 – Commercialized nanotechnology innovations by global companies, 2024

№	Company	Nanotechnology innovations	Money spent, 2024
1.	AdvanceTEC LLC (USA)	Carbon nanotube and graphene production. Smart glass with liquid nanocrystals. Innovative batteries with carbon nanotubes and graphene. Glass nanofibers (Kevlar) and carbon nanofibers. Unbreakable glass with graphene. Solar cell panels with carbon nanotubes and graphene. Bulletproof glass without lamination. Self-healing glass. Batteries that don't require recharging for five years	\$70 millions
2.	Abbie Gregg Inc. (USA)	Nanosemiconductor production. Nano- and microelectronics production. Airflow nanofilters	\$30 billions
3.	BREC Solutions Limited (UK, France, Poland)	Nano advisory sensors. Nanomaterials and supplier selection. Hydrogen Storage materials. Thermal analysis nanodevices. Green chemistry nanotechnologies. Natural nanomaterials for pharma and cosmetics. Nanobubbles	No open information
4.	Cambridge Innovation Consulting Limited (UK, USA)	Nanomaterials for seed treatments. Nano-cellulose-based synthetic leather	\$250 million

5.	Ike Scientific Corporation (USA)	Nanoherbicides and nanofertilizers. Temperature-responsive and enzyme-degradable nanoparticles for localization of diseased tissues. Hernia nanomeshes. Lensless imaging nanodevices	No open information
6.	Innovationsgesellschaft mbH (Switzerland)	Piezoelectric nanoparticles for polyfluorinated alkyl breakage. Nanostructures for bendable screen production. Cinnamon-based nanokiller antimicrobial technology	No open information
7.	Intelligent Enclosures Inc. (USA)	Micro- and nanoelectronic devices. Airflow nanofilters. Nanosemiconductors	\$250 thousands
8.	Kilopico LLC (Iran)	Energy saving nanodevices	\$8 million
9.	NanotechPlus LLC (USA)	Nanopharmaceuticals. Nanomaterials for energy storage. Nanomaterials for transportation. Nanomaterials for construction. Marine nanomaterials. Aerospace nanomaterials. Nanocoating. Nanosensors. Nanooptics	No open information
10.	Porter Wright Morris & Arthur LLP (USA)	Production of nanoscale materials: quantum dots, nanoscale silver, silver ions, nanoscale gold, carbon nanotubes, fullerenes, nanofibers, graphene, nanocomposites, nanoalloys, nanoscale titanium, nanoscale zinc, nanoscale aluminum, cerium oxide, iron oxide. Nanoscale electronic devices. Nanoemulsions for medicine. Nanodrugs. Medical devices with nanoscale features	No open information
11.	Research Facilities Design Inc. (USA)	Nanobiomedecine. Cleanroom nanoequipment. Nanotechnologies in agriculture	\$210 millions
12.	Yole Developpement SA (France)	Nanosemiconductors	\$25 millions
13.	Nanonics Imaging Ltd. (Israel)	Lensed and tapered nanofibers. Nanolithography. Carbon nanotubes. Graphene. Photonics. Nanosemiconductors	No open information
14.	DuPont de Nemours Inc. (USA, Australia, China, Hong Kong, India, Indonesia, Japan, South Korea, Malaysia, Phillipines, Taiwan, Thailand, Vietnam, Belgium, Czech Republic, France, Germany, Greece, Hungary, Ireland, Italy, Luxembourg, Pakistan, Poland, Saudi Arabia, Spain, Switzerland, Turkey, UK, Egypt, Kenya, Morocco, South Africa, Brazil, Costa rica)	Nanofilters. Nanosepatators. Nanotechnologies for advanced construction. Nanotechnologies for energy efficiency. Nano-multi-materials. Nanobiopharmaceuticals	\$12.1 billions

15.	Arkema S.A. (France, Algeria, Spain, Brazil, Mumbai, Saudi Arabia, Malaysia, South Korea, United Arab Emirates, India, Teheran, Turkey, Thailand, Greece, Bangalore, Jakarta, Egypt, Singapore, Indonesia)	Carbon nanotubes. Thermoplastic nanocomposites. Technical fluids. Specialty nanoscale polyamides. Specialty nanoscale acrylates & crosslinkers. Specialty nanoscale oleochemicals. Nanoscale thiochemicals. Nanoscale organic peroxides. Nanoscale electroactive polymers	12 billion euro
16.	Hummingbird Scientific Pvt Ltd., (USA, Japan, India)	Triangular indium nanoplates. Hydroxide-derived Cu nanoelectrocatalysts. Nano-manipulators. Metal-insulator-metal nanocapacitors. Nanocatalysts. Nanomotors. Nanoparticle films. Nanocrystals. Nanostructured matrixes. Nanorods	\$8.1 millions
17.	Actnano Inc. (USA, China, Germany, India, Japan, Mexico, Singapore, South Korea, Taiwan, Vietnam)	Waterproof nanocoatings. Nanomedical devices. Nanoinverters & Solar. Integrated Battery & Solar Charging Systems. Advanced nanocoating technologies. Advanced nanohydrophobic coatings. Anti-fog technology	\$40 millions

Footnote. Created by author.

According to the Europe Nanotechnology Market Size, Share & Industry Trends Analysis Report 2023 – 2030 [9], companies such as EMC Service Inc. (USA), Foley & Lardner LLP (USA, Mexico, Belgium, China, Japan), HDR Inc. (USA, Germany, Australia), M+W Group GmbH (Germany), Malsch TechnoValuation GmbH (Netherlands), NanoTEN LLC (USA), The Microscopy & Imaging Place Inc. (USA), DUST Identity Inc. (USA), Voyant Photonics Inc. (USA), It's Nanoed Inc. (USA), LakeHawk Technologies Inc. (USA), eLux Medical Inc. (USA), 4wave Inc. (USA) are also engaged in the commercialization of innovations in the field of nanotechnology. However, they do not publish open information about research areas or funding volumes, and therefore were excluded from the analysis of the commercialized nanotechnology market.

The size of investments in nanosector developments varies from \$250,000 to \$30 billion, depending on the size of the company and the number of development areas. The largest number of nanosector companies are concentrated in the USA (23), United Kingdom (4), France (4), Japan (4), and India (4).

The main areas of investment in nanotechnology are production of:

1. carbon nanotubes and nanofibers
2. graphene
3. water and air nanofilters and nanoseparators
4. nanosemiconductors
5. nanomaterials for pharma (nanodrugs, nanopharmaceuticals)
6. medical and biomedical nanomaterials
7. energy efficiency nanomaterials.

In the Republic of Belarus, the development of the nanotechnology sphere is one of the priority areas of the country's development. Developments are focused mainly in the public sector, in educational programs from leading universities and technology parks, as well as the Republican Association of Nanoindustry. The nanotechnology sphere is described in the Comprehensive Forecast of Scientific and Technological Development of the Republic of Belarus, the Strategy for Sustainable Socioeconomic Development and other state strategies and documents. There is no global analysis of the nanotechnology sphere and the number of commercialized projects in this area in the Republic of Belarus.

According to the results of the comprehensive forecast of scientific and technological progress (CFSP) of the Republic of Belarus for 2021–

Table 2 – Nanotechnology in the Republic of Belarus

№	Industry	Global total market capacity, trillion US dollars	Number of nanotechnology projects
1.	Organic agricultural and food products based on domestic raw materials	10,98	Total number: 1, where: – prototype – 1.
2.	Autonomous electric transport	48,38	Total number: 1, where: – prototype – 1.
3.	High-tech medical equipment	9,33	Total number: 3, where: – idea, concept – 1; – prototype – 1; – technology – 1.
4.	Industrial collaborative robots	10,43	Total number: 5, where: – idea, concept – 2; – technology – 1; – ready for serial production – 2.
5.	Innovative structural materials with specified properties	32,53	Total number: 5, where: – idea, concept – 2; – prototype – 4; – technology – 4; – ready for serial production – 4.

Footnote. Created by the author based on [11].

2025 and for the period up to 2040, a list of promising technologies, goods and services related to the nanoindustry was identified. Each technology, product and service was given a rating, determined by the degree of readiness for production in the Republic of Belarus and serving as a guideline for determining the priority of organizing their production or development.

Table 2 provides information on the areas of industry with nanotechnology projects and solutions in the Republic of Belarus.

The Belarusian nanotechnology market is at the stage of its development, its main trends are a small number of nanotechnology projects, the prevalence of promising technologies, product ideas and prototypes over ready-made versions of serial production, the share of which in the total volume of projects is 23% (figure 2).

The analysis showed that the investment areas of the Belarusian nanotechnology market correspond to the trends of the global market. However, unlike the global world nanotechnology market, collecting information on the nature and size of investments in the nanosector in the Republic of Belarus is difficult. The main reasons for these difficulties, in addition to the

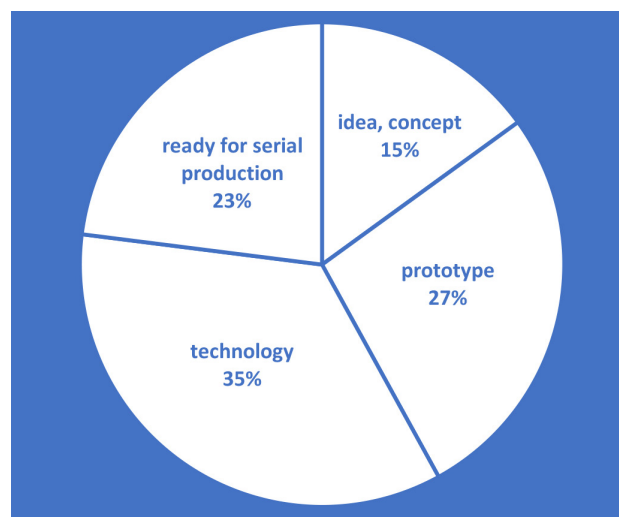

Figure 2 – Structure of nanotechnological developments in the Republic of Belarus

underdevelopment of the nanotechnology sector, are:

- most of the projects under state funding within the framework of state scientific research programs are at the stage of scientific development and are not commercialized;

– a number of completed projects are currently looking for investors and have not been commercialized;

– individual developments and nanotechnological innovations have been commercialized by private companies that do not publish open information on the size and areas of investment (JSC Integral, OJSC Optoelectronic Systems, RUP Belmikronaliz, LLC Essentoptiks and others).

The Belarusian nanotechnology market is currently facing typical problems of nanoindustry sector development, the most significant of which are:

- lack of material and technical base of enterprises;
- lack of opportunities or desire of enterprises to invest in risky or little-known technologies that have not yet established themselves in the market;
- lack of qualified personnel capable of mastering technologies and equipment;
- lack of effective developments in the field of activity of enterprises interested in innovations;
- lack of information among enterprises about innovative developments;
- lack of access to resources and technologies required for the production of innovative products, or difficult access to them.

All the above-described problems are insoluble without the creation of a comprehensive approach to recommendations for the development of the nanotechnology sector in the country and their successful commercialization.

The Belarusian nanotechnology market is at the initial stage of its development. It is characterized by a relatively small number of nanotechnology developments, prevalence of technologies, product ideas and prototypes over ready-made versions of serial production, and is also mainly financed by the state. Its distinctive features are the closed information on the size, directions and participants of nanoproject financing, underdeveloped communication between research centers and universities for conducting joint research, underdeveloped communication between the main agents of commercialization of nanotechnology (suppliers and consumers of nanotechnology). All these problems significantly hinder the development of the nanotechnology sector in the country, since they lead to the dispersion of scientific research and improper spending of state funding, low presence of private investment in innovative nanoprojects, and a decrease in the commercialization potential of the resulting developments. All this negatively affects the country's development potential, since nanotechnology is one of its key vectors, and slows down the formation of strong competitive advantages in the international arena.

In this regard, a list of recommendations was proposed to improve the development of the nanosector in the Republic of Belarus:

- expansion of the material, technical and scientific base of universities, laboratories and enterprises;
 - the formation of knowledge-intensive clusters “university-laboratory”, “laboratory-production”, which in the long term will be able to influence the acceleration of the introduction of theoretical and scientifically proven innovations into production;
 - creation of a system of information exchange and feedback “developer-manufacturer”, “manufacturer-consumer”;
 - targeted financing of the most relevant areas for the development of the country's economy, organization of joint developments and projects for research centers and universities to level out the dispersion of efforts and create a synergistic effect;
 - organization of nano-exhibitions to strengthen the connection between suppliers of nanotechnology (universities and research centers) and their consumers (enterprises of the country and the general public);
 - organization of centralized assistance in the creation and distribution of advertising documentation on developments carried out in universities and research centers;
 - creation of a common database of universities and research centers with the described areas of nanodevelopment they are conducting, a database of enterprises in the country interested in investment projects in the nanosector, as well as private investors;
 - strengthening the training of personnel for the nanosector – scientists, technologists and specialists in the production of specific nanomaterials and structures capable of mastering technologically complex equipment;
 - conducting active coverage of scientific developments and achievements in the media in order to inform the public about the features of nanoproducts and technologies and to form a favorable image of them.
- Also no less important is the factor of interaction with government agencies. It can become a key factor in the development of the nanoindustry by working in the following areas:
- simplification of the patenting procedure for innovative technologies, goods and services; acceleration of the procedure for reviewing applications for patenting nanotechnological products and technologies, reduction of patent fees;
 - creation of a preferential tax system for nanotechnological and innovative production;

– state support for scientific research in the field of nanotechnology by providing monetary funding through a system of grants and state programs for scientific research, holding competitions for scientific projects, creating a common database of science-intensive start-ups, etc.

The proposed set of measures will be able to significantly influence the development of the nanoindustry in the Republic of Belarus, strengthen its position in the international arena and ensure long-term competitive advantages.

Conclusion. There are more than 38 large commercial organizations on the global nanotechnology market, with investment in nanosector developments ranging from \$250,000 to \$30 billion depending on the size of the company and the number of nanoprojects. The largest number of nanotechnology companies are located in the United States, United Kingdom, France, Japan, and India. The main areas of investment in nanotechnology are the production of carbon nanotubes and nanofibers.

The Belarusian nanotechnology market is at the initial stage of its development. Its main features are a relatively small number of developments, prevalence of technologies, product ideas and prototypes over ready-made versions of serial production, mainly state financing. The main areas of financing correspond to global trends. Access to information on the size, directions and participants in the financing of nanoprojects in the country is practically closed. The connections between the main agents of the nanotechnology market – research centers, universities, enterprises and consumers of nanoproducts – are poorly developed. A list of recommendations has been developed based on the described problems. The proposed recommendations are focused on strengthening the connections between the main agents of the nanotechnology market, while the key role is played

by the creation of a favorable information, investment and production climate for the further development of nanotechnology in the country. In the future, this will improve not only the state of the nanotechnology sphere in the country, but will also contribute to strengthening its position in the international arena.

References

1. Elzein, B. Nano Revolution: “Tiny tech, big impact: How nanotechnology is driving SDGs progress” / B. Elzein // *Heliyon*. – 2024. – Vol. 10. – Art. e31393.
2. Malik, S. Emerging Applications of Nanotechnology in Healthcare and Medicine / S. Malik, K. Muhammad, Y. Waheed // *Molecules*. – 2023. – Vol. 28. – Art. 6624.
3. Trivedi, D. Advantages of using nanobiotechnology in enhancing the economic status of the country / D. Trivedi [et al.] // *Nanobiotechnology for the Livestock Industry Animal Health and Nutrition*. – 2023. – Pp. 369–392.
4. Hulla, J.E. Nanotechnology: History and Future / J.E. Hulla, S.C. Sahu, A.W. Hayes // *Hum. Exp. Toxicol.* – 2015. – Vol. 34. – Pp. 1318–1321.
5. Wong, I.Y. Nanotechnology: Emerging Tools for Biology and Medicine / I.Y. Wong, S.N. Bhatia, M. Toner // *Genes. Dev.* – 2015. – Vol. 27. – Pp. 2397–2408.
6. Wang, H.S. Functional polymeric nanofibers from electrospinning / H.S. Wang, G.D. Fu, X.S. Li // *Recent Patents on Nanotechnology*. – 2009. – Vol. 3. – Pp. 21–31.
7. Jeffcoat, P. (Re)imagining purpose: A framework for sustainable nanotechnology innovation / P. Jeffcoat [et. al.] // *NanoImpact*. – 2024. – Vol. 35. – Art. 100511.
8. Nanotechnology commercialization: manufacturing processes and products // *Focus Catalogue*. – 2017. – Vol. 7.
9. Tewari, D. Europe Nanotechnology Market Size, Share & Industry Trends Analysis Report By Type (Nanodevice, and Nanosensor), By Application, By Country and Growth Forecast, 2023–2030 / D. Tewari, S. Mutreja // *Emerging and next generation technologies*. – 2021. – 248 p.
10. Salamanca-Buentello, F. Nanotechnology and the developing world / F. Salamanca-Buentello [et. al.] // *PLoS Medicine*. – 2005. – Vol. 2. – Art. 97.
11. Results of a comprehensive forecast of scientific and technological progress of the Republic of Belarus for 2021–2025 and for the period up to 2040 / ed. A.G. Shumilina. – Minsk: State Institution “BelISA”, 2020. – 92 p.

Поступила в редакцию 23.04.2025

УДК 37.014.2:378.046-021.68:159.9:378.4(476.5-25+470.25)

**Сетевое взаимодействие:
опыт реализации совместной образовательной программы
по специальности магистратуры 1-23-80-03 Психология
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
(Республика Беларусь) и
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Псковский государственный университет»
(Российская Федерация)**

Богомаз С.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Сетевое взаимодействие – это система связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования; это способ деятельности по совместному использованию ресурсов.

Цель статьи: рефлексия опыта сетевого взаимодействия между вузами Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках реализации совместной образовательной программы по специальности магистратуры ВГУ имени П.М. Машерова Республики Беларусь и Псковского государственного университета Российской Федерации.

Материал и методы. *Целью проекта являлось совершенствование содержания образовательных программ высшего образования II ступени (магистратуры) и организация образовательного процесса для граждан Республики Беларусь и Российской Федерации как условие интеграции образовательных систем Беларуси и России на уровне высшего образования путем развития межуниверситетского взаимодействия. Методическую базу исследования определили методы обобщения и систематизации.*

Результаты и их обсуждение. *По итогам успешного освоения содержания совместной образовательной программы выпускникам были выданы два национальных диплома магистра с присвоением степени «Магистр» (ВГУ имени П.М. Машерова и ПсковГУ). Была разработана модель критериев и уровней оценивания компетенций магистрантов в рамках экспериментального проекта «Реализация совместной образовательной программы по специальности магистратуры 1-23 80 03 Психология».*

Анализ результатов проведенного анкетирования магистрантов и профессорско-преподавательского состава показали высокую степень удовлетворенности реализации совместной образовательной программы магистратуры.

Заключение. Реализация проекта обеспечивает интеграцию образовательного процесса на уровне высшего образования, повышение конкурентоспособности системы высшего образования на рынке образовательных услуг, а также совершенствование компетенций будущих магистров.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, вузы, образование, образовательная программа, магистратура.

Network Interaction: Experience of Implementing a Joint Master Degree 1-23-80-03 Psychology Education Program of Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University” (Republic of Belarus) and Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education “Pskov State University” (Russian Federation)

Bogomaz S.L.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Network interaction is a system of connections that allow developing, testing and offering innovative models of educational content and education system management to the professional pedagogical community; it is a method of activity on joint use of resources.

The paper objective is reflection of the experience of network interaction between universities of the Republic of Belarus and the Russian Federation within the framework of the implementation of a joint education program for Master degree of VSU of the Republic of Belarus and Pskov State University of the Russian Federation.

Material and methods. *The goal of the project was to improve the content of educational programs of higher education of the second level (Master degree) and the organization of the educational process for citizens of the Republic of Belarus and the Russian Federation as a condition for the integration of the educational systems of Belarus and Russia at the level of higher education through the development of inter-university interaction. The research methodological base was methods of generalization and systematization.*

Findings and their discussion. *Following the successful mastering of the content of the joint educational program, graduates were awarded two national Master's diplomas with the assignment of the degree “Master” (VSU and Pskov State University). A model of criteria and levels of assessment of Master's degree students' competencies was developed within the framework of the pilot project “Implementation of a joint Master degree (Psychology) education program”. Analysis of the results of the survey of Master degree students and faculty members showed a high degree of satisfaction with the implementation of the joint Master degree educational program.*

Conclusion. *The implementation of the project ensures the integration of the educational process at the level of higher education, increased competitiveness of the higher education system in the educational services market, as well as improvement of the competencies of would-be Masters.*

Key words: network interaction, universities, education, education program, Master degree.

Сетевое взаимодействие — это система связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования; это способ деятельности по совместному использованию ресурсов.

В широком смысле «сетевое взаимодействие» — это деятельностное пространство, создаваемое и поддерживаемое центрами активности и каналами связи. Участие в сетевом взаимодействии предполагает ряд договоренностей, которые предусматривают осуществление совместных

действий, совместное использование ресурсов и компетенций множества самостоятельных институциональных участников из разных территорий для совместного достижения целей каждого из участников» [1, с. 11]. Сетевое взаимодействие изучали такие ученые, как А.М. Лобок, А.И. Адамский, Е.В. Василевская, Л.М. Долгова, Д. Парселл, Е.Д. Патаракин, И.М. Реморенко и др. [2, с. 12].

Сетевым взаимодействием можно назвать взаимодействие, в котором образовательные учреждения осуществляют совместную деятельность, создают и реализуют совместные проекты, т.е. при котором между ними происходит не чисто

информационный, но деятельностный контакт, в результате чего формируется некое новое системное качество. Это такой «контакт, в котором каждый участник взаимодействия предъявляет некий индивидуальный субъектный ресурс, и из взаимодействия этих ресурсов рождается новое системное качество, которого в принципе не существовало ранее» [2].

Ключевыми понятиями сетевого взаимодействия являются доверие, кооперация, адаптация, обязательства, сетевая позиция. Это инфраструктура, обеспечивающая процесс самоорганизации взаимодействия. Координация действий между партнерами в сети достигается через взаимодействие. Используются «рыночные» механизмы (механизмы выбора), общие ресурсы всех участников сети. Образовательные учреждения, участвующие в сетевом взаимодействии, независимы, отношения между ними устанавливаются в рамках долгосрочных договорных обязательств. Важную роль играет доверие между организациями. Отношения внутри сети нацеливают каждого участника на достижение определенных, точно измеренных результатов, не диктуются одной стороной» [3, с. 36].

Материал и методы. Экспериментальный проект был направлен на совершенствование образовательных программ высшего образования II ступени (магистратуры) и организацию образовательного процесса с нормативным сроком обучения 1 год для граждан Республики Беларусь и Российской Федерации как условие повышения конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве и увеличения экспорта услуг учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Реализация экспериментального проекта позволила обеспечить интеграцию образовательного процесса на уровне высшего образования путем развития межвузовского взаимодействия для предоставления возможности освоения обучающимися образовательной программы II ступени высшего образования (магистратура) с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные, и выдать документы об образовании университетов-партнеров при условии успешно пройденных образовательных программ и сдачи итоговой аттестации.

Реализация проекта соответствовала целям развития системы высшего образования в Республике Беларусь, предусмотренных Концепцией развития системы образования Республики Бела-

русь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 ноября 2021 г. № 683.

Проект содействовал повышению конкурентоспособности системы высшего образования на мировом рынке образовательных услуг, а также совершенствованию компетенций будущих магистров, обучающихся в ВГУ имени П.М. Машерова.

Результаты и их обсуждение. Реализация совместной образовательной программы по специальности магистратуры 1-23 80 03 Психология повысила конкурентоспособность ВГУ имени П.М. Машерова в мировом образовательном пространстве и увеличила экспорт образовательных услуг, а также обеспечила формирование компетенций у выпускников ВГУ имени П.М. Машерова, востребованных на мировом рынке труда. Это позволило реализовать обновление содержания и технологий организации образовательного процесса в ВГУ имени П.М. Машерова.

Целью проекта являлось совершенствование содержания образовательных программ высшего образования II ступени (магистратуры) и организация образовательного процесса для граждан Республики Беларусь и Российской Федерации как условие интеграции образовательных систем Беларуси и России на уровне высшего образования путем развития межвузовского взаимодействия. Достижение указанной цели позволило решить следующие задачи:

1. Определить набор подлежащих разработке элементов содержания совместной образовательной программы, направленных на формирование компетенций, которые необходимы выпускникам для успешного осуществления профессиональной деятельности. Опыт реализации показал, что наиболее эффективным является совместные образовательные программы, осуществляемые двумя вузами в следующих формах:

- аккредитованные и валидированные программы (признание одним вузом эквивалентности программы другого вуза собственной образовательной программе с возможной выдачей собственного диплома выпускникам университета-партнера);
- франчайзинговые программы (передача одним университетом другому права реализации своей образовательной программы при сохранении за собой права контроля качества подготовки);
- программы двойных и совместных дипломов (согласование учебных планов и программ, методов обучения и оценки знаний студентов, взаимное признание результатов обучения

Таблица 1 – Изменения и дополнения в учебно-программной документации

ВГУ имени П.М. Машерова	ПсковГУ
Качественные и количественные методы исследований в психологии	Качественные и количественные методы исследований в психологии (разделы «Математические методы в психологии», «Качественные методы исследования»)
Методология современной психологической науки	Научно-исследовательский семинар. Методология современной психологической науки
Научно-исследовательский семинар	Учебная рассредоточенная практика «Научно-исследовательская работа»
Современные методы психодиагностики в социальной психологии	Качественные и количественные методы исследования в психологии (раздел «Психодиагностика»)

в вузах-партнерах, наличие общих структур управления программой, выдача совместного диплома).

2. Определить ресурсы учреждений образования-партнеров, которые были использованы для предоставления возможности освоения обучающимися содержания образовательной программы II ступени высшего образования (магистратура). Реализация данной задачи способствовала:

- обмену передовым опытом подготовки кадров между образовательными организациями (совместное заседание кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова и ПсковГУ);
- созданию условий для повышения уровня профессионально-педагогического мастерства преподавательских кадров (чтение бинарных лекций);
- использованию в процессе обучения современной материально-технической и методологической базы.

К работе приобщались: Студия развития личности кафедры психологии, Ресурсный центр инклюзивного образования, Центр социально-психологических и исторических исследований кафедры психологии ВВГУ имени П.М. Машерова.

3. Перепроектировать элементы содержания совместной образовательной программы магистратуры и внести соответствующие изменения и дополнения в учебно-программную документацию:

4. Провести апробацию и оценку разработанных элементов содержания совместной образовательной программы в образовательном процессе ВГУ имени П.М. Машерова. Опыт реализации программы показал, что магистранты продемонстрировали более высокий уровень сформированности компетенций, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности. Особо следует отметить сформированность следующих компетенций:

Профессиональные компетенции: применять на практике фундаментальные знания о психике, психической активности и социальном взаимодействии в норме и при различных заболеваниях, определить перспективные направления научных исследований с учетом истории и современных тенденций развития психологической науки.

Информационно-коммуникационные компетенции: владеть методологией поиска нового (информации, идей и т.п.), методикой анализа и адаптации знаний к своим профессиональным потребностям; уметь преобразовывать информацию в специальные знания; формировать информационную культуру обучающихся.

Проектные компетенции: осознанно и самостоятельно планировать профессиональную деятельность; осмысленно строить профессиональную карьеру; находить оптимальные решения инновационного характера.

5. Повысить привлекательность получения высшего образования в Республике Беларусь и конкурентоспособность национальной высшей школы на международном уровне.

Среди приоритетных направлений развития, указанных в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, отмечаются такие направления, как обновление содержания, структуры и организации образования, а также предоставление сетевых образовательных услуг, разработка и внедрение онлайн-моделей обучения, обеспечение свободного доступа к международным образовательным и интеллектуальным ресурсам, что и позволило реализовать проект.

В соответствии с основными механизмами реализации, предложенными в Концептуальных подходах к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года, развитие совместных образователь-

ных программ и сетевой формы взаимодействия учреждений высшего образования будет способствовать внедрению инновационных организационно-образовательных моделей и технологий, обеспечивающих повышение эффективности образовательной деятельности учреждений высшего образования.

В соответствии с Приоритетными направлениями и первоочередными задачами развития Союзного государства на 2018–2022 годы, утвержденными постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 19 июня 2018 г. № 3, первоочередными задачами укрепления межвузовского взаимодействия России и Беларуси, в том числе, являлись:

- повышение академической мобильности обучающихся, научных и педагогических работников;

- дальнейшее совершенствование и сближение систем образования государств – участников Договора о создании Союзного государства.

Вариантами решения обозначенных интеграционных мероприятий являются повышение академической мобильности обучающихся, научных и педагогических работников, обеспечение сопоставимости образовательных программ и сроков получения образования.

Научно-методическую основу экспериментального проекта составляли концептуальные и методические положения компетентностного и модульного подходов: 1) результаты образования представляются в системном и целостном виде как признаки готовности и способности студентов применять компетенции; 2) содержание обучения носит практико-ориентированный, прикладной характер и его важным компонентом становится компетентностная задача – ситуация, которая моделирует актуальные социально-личностные, научно-прикладные и профессиональные проблемы; 3) в учебном процессе преобладают стратегии проблемно-исследовательского, активного, коллективного обучения в сочетании с информационно-коммуникационными технологиями; 4) используются комплексные средства диагностики, позволяющие поэтапно оценивать промежуточные учебные результаты и их связь с востребованными компетенциями.

Основным документом, регулирующим вопросы разработки и реализации совместной образовательной программы, являлся Договор о сетевой форме реализации образовательной программы, заключенный учреждением образо-

вания «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (Республика Беларусь) и федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Псковский государственный университет» (Российская Федерация).

Экспериментальный проект был разработан с учетом Порядка организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ, утвержденного приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 № 882/391.

В Российской Федерации срок обучения в магистратуре по образовательной программе 37.04.01 Психология составляет 2 года, а в Республике Беларусь по образовательной программе 1-23 80 03 Психология – 1 год. Зачисление на совместную образовательную программу в ПсковГУ осуществлялось в 2022 году, а в ВГУ имени П.М. Машерова – в 2023 году.

Реализация совместной образовательной программы организовывалась в соответствии с законодательством Республики Беларусь, нормами международных договоров, локальными нормативными актами ВГУ имени П.М. Машерова, регулирующими образовательную и международную деятельность, образовательным стандартом высшего образования специальности 1-23 80 03 Психология, интегрированным учебным планом по специальности 1-23 80 03 Психология.

При организации приема на совместную образовательную программу ВГУ имени П.М. Машерова уведомлял студентов в университете-партнере о том, что образовательная программа реализуется совместно. Участие в данной образовательной программе является добровольным и не вело к изменению продолжительности нормативного срока обучения магистрантов.

Для освоения содержания совместной образовательной программы абитуриент поступал в ВГУ имени П.М. Машерова в соответствии с Правилами приема лиц для получения высшего образования II ступени, утвержденных Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2012 № 110 (в ред. Постановления Совмина от 07.08.2019 № 526).

Учебный процесс по совместной образовательной программе реализовывался в соответствии с интегрированным учебным планом, графиком учебного процесса, программами учебных

Таблица 2 – Результаты защиты магистерской диссертации

№ п/п	Тема магистерской диссертации	Оценка
1	Коммуникативная компетентность кондукторов общественного транспорта	10 (десять)
2	Взаимодействие экскурсоводов с разными группами посетителей музея-заповедника	10 (десять)
3	Гендерные стереотипы и их трансформация в современной молодежной среде	10 (десять)
4	Психологическая адаптация молодых специалистов в образовательных учреждениях	9 (девять)
5	Коммуникативная компетентность и стрессоустойчивость инспекторов таможенной службы с разной выслугой лет	9 (девять)

дисциплин, разработанными совместно ВГУ имени П.М. Машерова и ПсковГУ, и утвержденными ректором ВГУ имени П.М. Машерова и ректором ПсковГУ.

Текущий, промежуточный и итоговый контроль качества обучения по совместной образовательной программе осуществлялся ВГУ имени П.М. Машерова независимо, либо совместно с представителями ПсковГУ. По решению руководителей образовательной программы к процессу оценки качества результатов обучения могли привлекаться внешние эксперты.

По итогам успешного освоения содержания совместной образовательной программы выпускникам были выданы два национальных диплома магистра с присвоением степени «Магистр» (ВГУ имени П.М. Машерова и ПсковГУ).

Подготовительный этап предусматривал:

- формирование рабочей группы по реализации экспериментального проекта в ВГУ имени П.М. Машерова;
- проведение до реализации экспериментального проекта анкетирования преподавателей и магистрантов с целью оценки полученных образовательных результатов и качества образования;
- выявление на основе изучения мнений преподавателей, магистрантов и выпускников компетенций, востребованных на рынке труда и необходимых выпускникам для успешного осуществления научной и профессиональной деятельности;
- определение набора подлежащих разработке элементов содержания совместной образовательной программы и оценка ресурсов учреждений образования-партнеров, которые будут использоваться для предоставления возможности освоения обучающимися содержания совместной образовательной программы II ступени высшего образования (магистратура);
- разработка элементов содержания совместной образовательной программы магистратуры

и внесение соответствующих изменений и дополнений в содержание образовательной программы магистратуры по указанной специальности.

Первый этап предусматривал: проведение апробации и оценки разработанных элементов содержания совместной образовательной программы магистратуры в образовательном процессе Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Второй этап предусматривал проведение опроса выпускников Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, которые освоили содержание совместной образовательной программы магистратуры, осуществление оценки результатов обучения и диагностики уровней сформированности компетенций магистрантов, анализ результаты эксперимента.

В качестве критериев и показателей эффективности реализации экспериментального проекта выступили степень удовлетворенности субъектов образовательного процесса качеством образования в условиях эксперимента:

- результатами освоения содержания совместной образовательной программы по специальности (обучающиеся);
- результатами педагогической деятельности (профессорско-преподавательский состав, иные педагогические работники).

Проведенное анкетирование показало удовлетворенность:

- магистранты – 4,9;
- ППС – 4,8.

Уровень сформированности у обучающихся компетенций высокий, что и показали результаты защиты магистерских диссертаций.

По итогам реализации совместной программы была построена модель критериев и уровней оценивания компетенций магистрантов в рамках экспериментального проекта «Реализация совместной образовательной программы по специальности магистратуры 1-23 80 03 Психология».

Таблица 3 – Модель критериев и уровней оценивания компетенций магистрантов

Критерии	Критический уровень	Достаточный уровень	Продвинутый уровень
профессиональная мобильность; готовность к коммуникации в письменной форме на государственном языке (владение научным стилем, логика выстраивания и структурированность текста, доклада/автореферата; готовность к коммуникации в письменной форме на иностранном языке (оформление научной статьи – написание аннотации, ключевых слов, названия на английском языке); готовность к коммуникации в устной форме (стиль и логика доклада, профессиональная терминология, умение презентовать научный текст, ответы на вопросы, способность вести научную дискуссию, отстаивать и аргументировать свою точку зрения); адекватное применение методов исследования (определение критериев исследования, способность осуществлять выбор адекватных им методов среди существующих, обоснование сделанного выбора); способность выстроить менеджмент социализации результатов научного исследования – публично презентовать свои научные достижения; способность представить научному сообществу результаты проведенного исследования (способность создать и представить продукт, соответствующий принятым стандартам и форматам: научную статью, доклад, мультимедийную презентацию)	1 балл низкая профессиональная мобильность, особенно в нестандартных ситуациях, значительные затруднения в письменном изложении научного текста: отсутствие логики построения диссертации, разрозненность материала, некорректное описание эмпирических результатов; неумение переводить текстовую информацию в графическую форму; отсутствие необходимой критичности в оценивании адекватности используемых методов исследования, информационных технологий, интернет-ресурсов. Низкая публикационная активность, неспособность достойно презентовать результаты научного исследования по теме диссертации, низкое качество продуктов научно-исследовательской деятельности: текста диссертации, доклада, статьи, мультимедийной презентации; не способен к продуктивной научной дискуссии	2 балла профессионально мобилен в стандартных типичных ситуациях, владеет ограниченным набором действий в нестандартных ситуациях; испытывает небольшие затруднения в письменном изложении научного текста, выстраивании логики диссертации, разрешаемые с помощью руководителя; использует графическую форму обработки текстовой информации, владеет профессиональной терминологией в контексте изучаемой проблемы; достаточно критичен в оценивании адекватности используемых методов, информационных технологий, интернет-ресурсов; публикационная активность отвечает предъявляемым требованиям (не менее двух опубликованных статей); применяет активные методы в контексте реализуемой психолого-педагогической деятельности в своей предметной области; способен качественно публично представить результаты научного исследования по теме магистерской диссертации, создать и презентовать продукт, соответствующий принятым стандартам и форматам: научную статью, доклад, мультимедийную презентацию; демонстрирует готовность к ведению научной дискуссии, не всегда при этом убедителен в аргументировании своей точки зрения	3 балла высокая профессиональная мобильность как в стандартных типичных ситуациях, так и в нестандартных, новых условиях, ответственность за принимаемые решения; способен компетентно выстраивать коммуникацию в письменной и устной формах: соблюдает орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические нормы современного русского языка, выдерживает научный стиль изложения; свободно владеет профессиональной терминологией и компетентно ее использует в рамках темы магистерской диссертации; активно переводит текстовую информацию в графическую форму, создавая авторские таблицы и рисунки; критически подходит к выбору методов, информационных технологий, интернет-ресурсов применительно к решаемым исследовательским задачам; использует разнообразные активные методы обучения; высокая публикационная активность (более трех опубликованных статей по теме диссертации); профессионально публично презентует свои научные достижения, создает качественный научный продукт, соответствующий принятым стандартам и форматам: научный текст, научную статью, доклад, мультимедийную презентацию; активно включается в научную дискуссию, увлеченно ее поддерживает, убедительно и аргументированно отстаивает свою точку зрения и защищает исследовательские результаты

Реализацию экспериментального проекта осуществлял кадровый состав кафедры психологии (профессоры В.В. Богатырёва, В.А. Космач, И.Н. Андреева, доценты С.Л. Богомаз,

Т.Е. Косарева, С.В. Лауткина, А.А. Стреленко, М.Е. Шмуракова), научно-исследовательского сектора, учебно-методического отдела, отдела по воспитательной работе с молодежью, совета

молодых ученых, студенческого научного общества, редакционно-издательского отдела, научной библиотеки.

Выполнение экспериментального проекта проходило с использованием материально-технической базы учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (Студия развития личности, Ресурсный центр инклюзивного образования, консультационный кабинет студии развития личности, тренинговый кабинет студии развития личности) и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Псковский государственный университет».

Заключение. В центре сетевого взаимодействия, по мнению А.И. Адамского, «находится не информация сама по себе, а персона (авторские коллективы, носители новаторских педагогических технологий) и событие (ориентация на решение некоторой задачи, для чего оно и инициируется лицами, заявляющими таковым образом об актуальной потребности в решении данной задачи)». Нормы деятельности не задаются сверху, а естественным образом обозначаются внутри сети образовательного учреждения. Сеть подкрепляется доверием окружающих, приобретает стабильность, воспроизводится благодаря действиям субъектов. «Это объективная структура с определенными нормами регулирования отношений, которую потенциальные участники вынуждены усвоить, если хотят в нее включиться» [3, с. 35].

Существуют ошибочные точки зрения на определение понятия «сетевое взаимодействие между образовательными учреждениями»: 1) любое происходящее между ними взаимодействие (конференции, педагогические совещания и любые совместные мероприятия); 2) всякое взаимодействие между ОУ, использующее интернет; 3) взаимодействие, в котором ОУ информационно обмениваются друг с другом какими-то ресурсами (находками, идеями, способами деятельности) [2].

Мы придерживаемся определения «сетевой организации» из теории стратегического управления. Основным принципом сетевой организации является сетевое взаимодействие – «система свя-

зей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования; это способ деятельности по совместному использованию ресурсов» [3]. Несетевое взаимодействие – это любое происходящее между образовательными учреждениями взаимодействие (конференции, педагогические совещания и другие совместные мероприятия); всякое взаимодействие между учреждениями образования, использующее интернет; взаимодействие, в котором образовательные учреждения информационно обмениваются друг с другом какими-то ресурсами (находками, идеями, способами деятельности).

Экспериментальный проект был рассчитан на 2 года (с 2022/2023 по 2023/2024 учебный год) и осуществлялся за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных на финансирование образовательной и научной деятельности учреждений высшего образования, а также за счет средств, иных источников, не запрещенных национальным законодательством. Дополнительное финансовое обеспечение мероприятий экспериментального проекта не требовалось.

Исходя из нашего опыта, можно сделать вывод, что современное управление взаимодействием – это регулирование особых форм связей между людьми, процессами, действиями, явлениями, в результате чего происходит изменение их исходных качеств или состояний, что ведет к синтезу, интеграции объектов, к единому действию.

Литература

1. Дорожкин, Е.М. Развитие образовательных учреждений в ходе сетевого взаимодействия / Е.М. Дорожкин, Н.Н. Давыдова // Высшее образование в России. – 2013. – № 11. – С. 11–17.
2. Лобок, А.М. Сетевое взаимодействие: новый формат или модное название? / А.М. Лобок, А.Л. Дугаров // Журнал руководителя управления образованием. – 2014. – № 7. – С. 45–49.
3. Швецов, М.Ю. Сетевое взаимодействие образовательных учреждений профессионального образования в регионе / М.Ю. Швецов, Л.Д. Алдар // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2012. – № 5. – С. 33–38.

Поступила в редакцию 28.01.2025

Взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта и агрессивности китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды

Чжао Сылу, Фурманов И.А.
Белорусский государственный университет

В представленной статье рассматривается взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды.

Целью данной работы было установление взаимосвязи между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью у китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды.

Материал и методы. В исследовании приняли участие китайские (80 мужчин и 75 женщин) и белорусские (72 мужчин и 80 женщин) студенты в возрасте 19–29 лет. Использовались методики «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (CTSPC) и «Шкала агрессивности» (AQ).

Результаты и их обсуждение. Независимо от возраста и национальной принадлежности семьи, формирование как физической, так и вербальной агрессивности чаще всего связано с использованием матерью насильственных методов в семейном воспитании. В детстве при возникновении конфликта китайские родители нередко используют насильственные методы (проявляя разную степень жестокости), а белорусские – психологическую агрессию. Взаимосвязи тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях и агрессивности существенно меняются по мере взросления детей. Таким образом, как в китайских, так и в белорусских семьях только тактика психологической агрессии играет значимую роль в формировании агрессивности детей. Во взрослом возрасте использование ненасильственной тактики дисциплинирования не индуцирует проявления агрессивности.

Заключение. Исследование показало взаимосвязь между тактикой разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью.

Ключевые слова: агрессивность, дисциплинирование, проявление жестокости, психологическая агрессия, тактики разрешения родительско-детского конфликта, телесные наказания, физическая жестокость.

Relationship between Parent-Child Conflict Resolution Tactics and Aggressiveness among Chinese and Belarusian Students at Different Age Periods

Zhao Silu, Furmanov I.A.
Belarusian State University

This article examines the relationship between the tactics of resolving parent-child conflict and aggressiveness among Chinese and Belarusian students at different age periods.

The purpose of this study was to establish the relationship between tactics of resolving parent-child conflict and aggressiveness among Chinese and Belarusian students at different age periods.

Material and methods. The study involved Chinese (80 men and 75 women) and Belarusian (72 men and 80 women) students aged 19–29. The methods “Scale of tactics of behavior in parent-child conflict” (CTSPC) and “Scale of aggressiveness” (AQ) were used.

Findings and their discussion. Regardless of the age and nationality of the family, the formation of both physical and verbal aggressiveness is most often associated with the use by the mother of violent methods in family education. In childhood, when a conflict arises, Chinese parents more often use violent methods (showing varying degrees of cruelty), while Belarusian parents use psychological aggression. The correlations between parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families and aggressiveness change significantly as children grow up. Thus, both in Chinese and Belarusian families, only psychological aggression tactics play a significant role in the formation of children's aggressiveness. In adulthood, the use of non-violent discipline tactics does not induce aggressiveness.

Conclusion. The study showed the relationship between the tactics of resolving parent-child conflict and aggressiveness.

Key words: aggressiveness, disciplining, display of cruelty, psychological aggression, tactics of resolving parent-child conflict, corporal punishment, physical cruelty.

Несмотря на то, что структура семьи может отличаться в разных обществах, по большому счету семья – это социальная группа, в которой дети впервые устанавливают близкие ежедневные отношения с миром взрослых. В общем, семья – это среда, которая создает условия для физического, психологического и эмоционального развития ребенка, а родители – это первая социальная среда, в которой дети развиваются, делают свои наблюдения и учатся у взрослых, как правильно выживать в обществе. В свою очередь родители предоставляют детям все возможные и необходимые ресурсы, включая социальные и эмоциональные, помогающие социализации, развитию личности и формированию характера.

Поскольку семья является фундаментом социализации детей, отношения между родителями и детьми – основная модель межличностных отношений [1]. Как правило, отношения между родителями и детьми определяются как взаимные отношения между родителями и детьми, так и являются самыми основными и важными межличностными отношениями в семье.

Наличие родительско-детского конфликта рассматривается психологами как состояние диссонанса в родительско-детских отношениях. Поведение ребенка, несоответствующее ожиданиям родителя, является основной причиной родительско-детского конфликта, а также «мишенью» применения тех или иных тактик разрешения родительско-детского конфликта с целью коррекции процесса социализации ребенка, изменения его поведения в соответствии с ожиданиями родителя. Иными словами, приведение ситуации диссонанса к консонансу.

Естественно, что в родительско-детском взаимодействии часто возникают конфликты, когда дети сопротивляются попыткам родителей изменить их поведение. Поэтому конфликты между родителями и детьми неизбежны [2]. Таким образом, тактики разрешения родительско-детского конфликта значимы как для родителей, так и для детей. Отмечается, что используемые тактики разрешения родительско-детских конфликтов влияют на развитие физического и психического здоровья ребенка, формирование агрессивности и агрессивного поведения, определяют успешность процесса социализации личности, а также влияют на степень гармонии, сплоченности семьи, семейного микроклимата [3]. Другие исследования показали, что негативные эмоции, возникающие во время взаимодействия детей с родителями, считаются ключевым фактором, определяющим

результаты адаптации детей [4]. Кроме того, было замечено, что частое использование родителями жестких мер дисциплинирования своих детей приводит к возникновению у ребенка целого ряда негативных эмоций, которые пагубно сказываются на его социальном развитии [5]. Схожие эффекты наблюдаются и в китайских семьях. Так, согласно данным, полученным Ц. Лю [6], использование тактик прямого (например, словесные оскорбления, пинки и т.д.) и непрямого (например, бросание вещей и т.д.) разрешения конфликтов может увеличивать агрессивное поведение детей независимо от пола детей. Вместе с тем ненасильственные дисциплинарные тактики не связаны с агрессивным поведением детей, т.е. их использование не увеличивает и не уменьшает агрессивное поведение детей. По мнению Ц. Лю, агрессивное поведение детей никак не связано со структурой семьи, но существует корреляция с тактикой разрешения родительско-детского конфликта. Насильственные наказания и отвержение могут стать для детей образцом для подражания, на котором они будут учиться, и тем самым усиливать агрессивное поведение детей. С другой стороны, чем лучше родительско-детские отношения в семье, тем менее агрессивен ребенок [6; 7]. И.А. Фурманов [3] также считает, что существует взаимосвязь между агрессией и насильственным и ненасильственным стилями воспитания. Ю.Л. Булава [8] в своем исследовании подчеркивает, что дети наблюдают и усваивают тактику, используемую их родителями при разрешении конфликтов с ними, и что дети, сталкиваясь с агрессивным поведением родителей, адаптируются к этой модели поведения и подражают ей.

Следует отметить, что большинство существующих исследований взаимосвязи между тактикой разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью проводились независимо друг от друга без кросс-культурных сравнений. Однако, с нашей точки зрения, степень жесткости и насильственности дисциплинирования и воспитание детей может иметь разное значение в китайской и славянской культурах. В частности, в славянских культурах такое обращение с ребенком обычно рассматривается как неприемлемое отношение к детям, нарушающее их права [9]. По сравнению со славянской культурой, в китайской традиции родители трактуют использование строгой и жесткой дисциплины как проявление родительских заботы и любви, как один из важных мотиваторов детей к достижению более высоких уровней статуса и успеха в обществе.

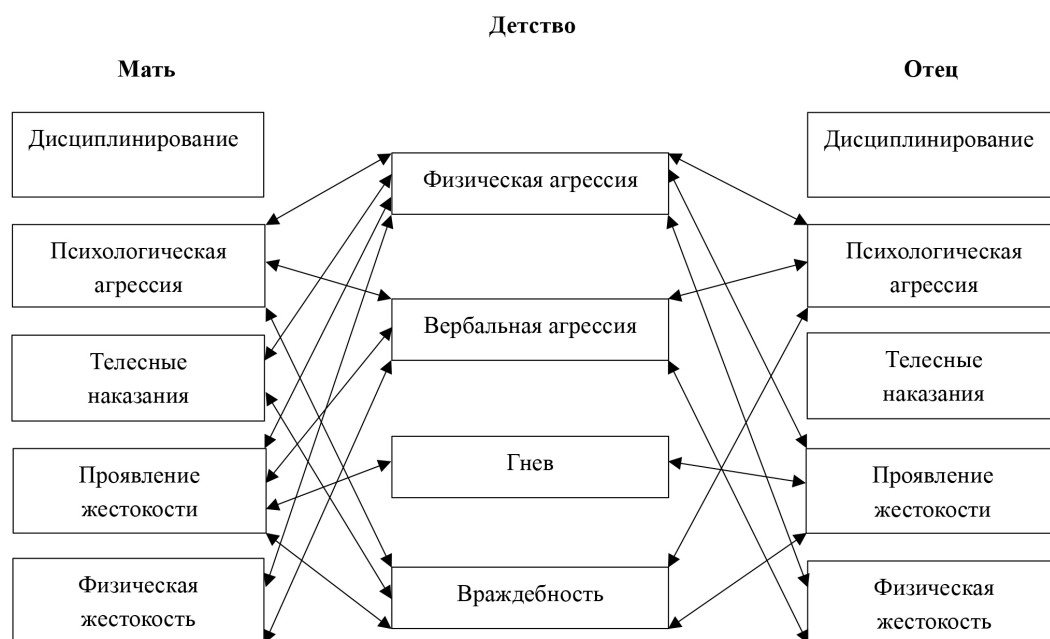

Рисунок 1 – Взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью китайских студентов в детстве

В виду этого с этим жесткое и насильственное воспитание может быть более приемлемым в традиционном китайском обществе, чем в славянской культуре.

В связи с указанным выше, актуальным представляется исследование кросс-культурального контекста взаимосвязей тактик разрешения родительско-детского конфликта и агрессивности в разном возрасте у китайских и белорусских студентов.

Цель исследования: определить взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью у китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта и агрессивности у китайских и белорусских студентов в разные возрастные периоды.

Материал и методы. Методика «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (CTSPC) разработана М.А. Строссом, в адаптации И.А. Фурманова [10] и К.Л. Чан [11], позволяющая оценить частоту использования следующих тактик: 1) дисциплинирование; 2) психологическая агрессия; 3) телесные наказания; 4) проявления жестокости и 5) физическая жестокость. Оценка производилась по 5-балльной шкале Ликерта. Использовались два варианта методики для оценки тактик отцов и матерей в период детства и ранней взрослости.

Методика «Шкала агрессивности» (AQ), разработанная А.Х. Бассом и М.П. Перри, в адапта-

ции И.А. Фурманова [10] и Ч. Чжан [12], включала четыре подшкалы: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность. Оценка производилась по 5-балльной шкале Ликерта.

Эмпирическая база: выборка включала 307 китайских и белорусских студентов в возрасте 19–29 лет (китайские студенты: 80 мужчин и 75 женщин; белорусские: 72 мужчин и 80 женщин).

Статистическая обработка данных была проведена с помощью пакета прикладных данных SPSS (версия 13.0). Были рассчитаны коэффициенты корреляция Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Общий анализ полученных данных позволил выявить различия в корреляциях между тактиками разрешения родительско-детского конфликта китайских родителей, которые они использовали в разные возрастные периоды и агрессивностью детей (рисунок 1 и 2).

Детство. В частности, было определено, что независимо от пола китайских родителей, тактика дисциплинирования не была связана ни с одним показателем агрессивности (рисунок 1). Вместе с тем тактики разрешения родительско-детского конфликта как со стороны матери, так и со стороны отца, были положительно связаны со следующими показателями агрессивности:

– психологическая агрессия – с физической агрессией (соответственно, $r=0,197$, $p=0,014$; $r=0,226$, $p=0,005$), с вербальной агрессией (соот-

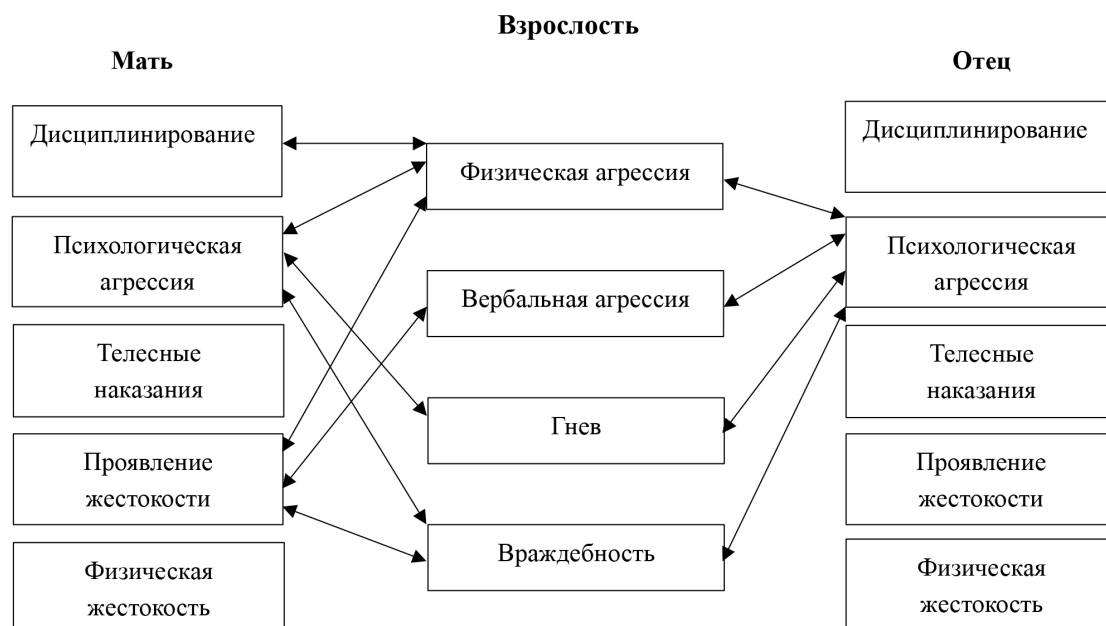

Рисунок 2 – Взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью китайских студентов в период взрослости

ветственно, $r=0,174$, $p=0,031$; $r=0,194$, $p=0,016$) и с враждебностью (соответственно, $r=0,208$, $p=0,009$; $r=0,165$, $p=0,040$);

- проявление жестокости – с физической агрессией (соответственно, $r=0,262$, $p=0,001$; $r=0,209$, $p=0,009$), с гневом ($r=0,166$, $p=0,039$; $r=0,188$, $p=0,019$), с враждебностью (соответственно, $r=0,209$, $p=0,009$; $r=0,158$, $p=0,049$);

- физическая жестокость – с физической агрессией (соответственно, $r=0,191$, $p=0,017$; $r=0,223$, $p=0,005$), с вербальной агрессией (соответственно, $r=0,207$, $p=0,010$; $r=0,221$, $p=0,006$).

При этом были выявлены и различия в указанных взаимосвязях. Так, у матерей:

- телесные наказания – с физической агрессией ($r=0,168$, $p=0,036$), с враждебностью ($r=0,177$, $p=0,028$);

- проявление жестокости – с вербальной агрессией ($r=0,174$, $p=0,031$).

Взрослость. Полученные данные позволили установить, что независимо от пола китайских родителей (как матерей, так и отцов), только психологическая агрессия как тактика разрешения родительско-детского конфликта была связана с физической агрессией (соответственно, $r=0,207$, $p=0,010$; $r=0,183$, $p=0,022$), с гневом (соответственно, $r=0,171$, $p=0,033$; $r=0,175$, $p=0,029$) и с враждебностью (соответственно, $r=0,165$, $p=0,040$; $r=0,197$, $p=0,014$).

Тем не менее взаимосвязи материнских и отцовских тактик с агрессивностью имеют и свои отличия (рисунок 2). Так, у матерей:

- дисциплинирование – с физической агрессией ($r=0,179$, $p=0,026$);

- проявление жестокости – с физической агрессией ($r=0,166$, $p=0,039$), с вербальной агрессией ($r=0,218$, $p=0,006$) и с враждебностью ($r=0,188$, $p=0,019$).

В то время как у отцов психологическая агрессия коррелирует только с вербальной агрессией ($r=0,187$, $p=0,021$).

Таким образом, можно констатировать, что как в детстве, так и в ранней взрослости китайские родители, прибегая к тактике психологической агрессии, вероятно, формируют у детей склонность к проявлению физической агрессии и враждебности. Помимо этого, использование матерями тактик с проявлением жестокости может усиливать наклонность детей к физической и вербальной агрессии, а также к враждебности. Кроме того следует выдвинуть предположение, что как использование тактики дисциплинирования, так и применение телесных наказаний со стороны китайских отцов в воспитании своих детей не влияет на их агрессивность.

Вместе с тем установлено, что использование китайскими матерями тактики дисциплинирования в отношении взрослых детей может усиливать

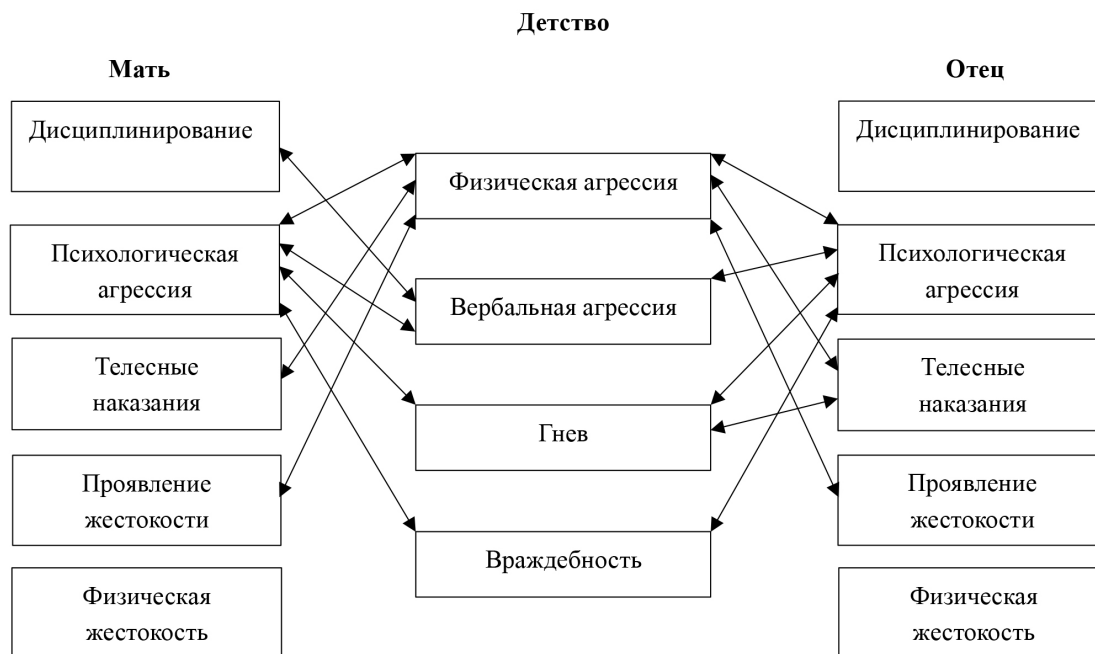

Рисунок 3 – Взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью белорусских студентов в детстве

у них склонность к проявлению физической агрессии, а отказ от тактики физической жестокости ингибирует проявления физической и вербальной агрессии. В свою очередь отказ отцов от использования таких тактик, как проявление жестокости и физической жестокости в отношении взрослых детей способствует формированию неагрессивных моделей поведения.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что китайским матерям приходится вести себя жестко во время конфликта. Вероятно, это не просто поддержание авторитета. Использование насильственных тактик, скорее всего, является результатом потребности матерей в скорейшем разрешении конфликта с растущим ребенком, опираясь на приказы и принуждение. В отличие от матерей, отцы меньше прибегают к телесным наказаниям, поскольку, с одной стороны, меньше участвуют в семейном воспитании, а с другой – пользуются у детей непререкаемым авторитетом и полным, беспрекословным подчинением детей указаниям отца.

В детстве китайские родители чаще используют насильственные тактики, чтобы регулировать поведение своих детей и воспитывать их в соответствии с нормами семьи и общества. Однако по мере взросления детей китайские родители постепенно отказываются от насильственных и переходят к более умеренным тактикам разрешения родитель-

ско-детского конфликта. Это может быть связано с тем, что в процессе вступления во взрослую жизнь дети постепенно отделяются от семьи, что снижает влияние родительского авторитета, что приводит к ситуации, когда родители больше не имеют абсолютного превосходства в конфликте.

Анализ данных корреляционного исследования позволил выявить взаимосвязи между тактиками разрешения родительско-детского конфликта белорусских родителей и агрессивностью детей в разные возрастные периоды (рисунки 3 и 4).

Детство. Было установлено, что независимо от пола белорусских родителей, тактики разрешения родительско-детского конфликта в детстве как со стороны матери, так и со стороны отца были связаны со следующими показателями агрессивности:

- психологическая агрессия – с физической агрессией (соответственно, $r=0,398$, $p<0,0001$; $r=0,283$, $p<0,0001$), с вербальной агрессией (соответственно, $r=0,199$, $p=0,014$; $r=0,175$, $p=0,031$), с гневом (соответственно, $r=0,351$, $p<0,0001$; $r=0,304$, $p<0,0001$) и с враждебностью (соответственно, $r=0,373$, $p<0,0001$; $r=0,248$, $p=0,002$).

- телесные наказания – с физической агрессией (соответственно, $r=0,285$, $p<0,0001$; $r=0,252$, $p=0,002$).

- проявление жестокости – с физической агрессией (соответственно, $r=0,061$, $p=0,003$; $r=0,210$, $p=0,009$).

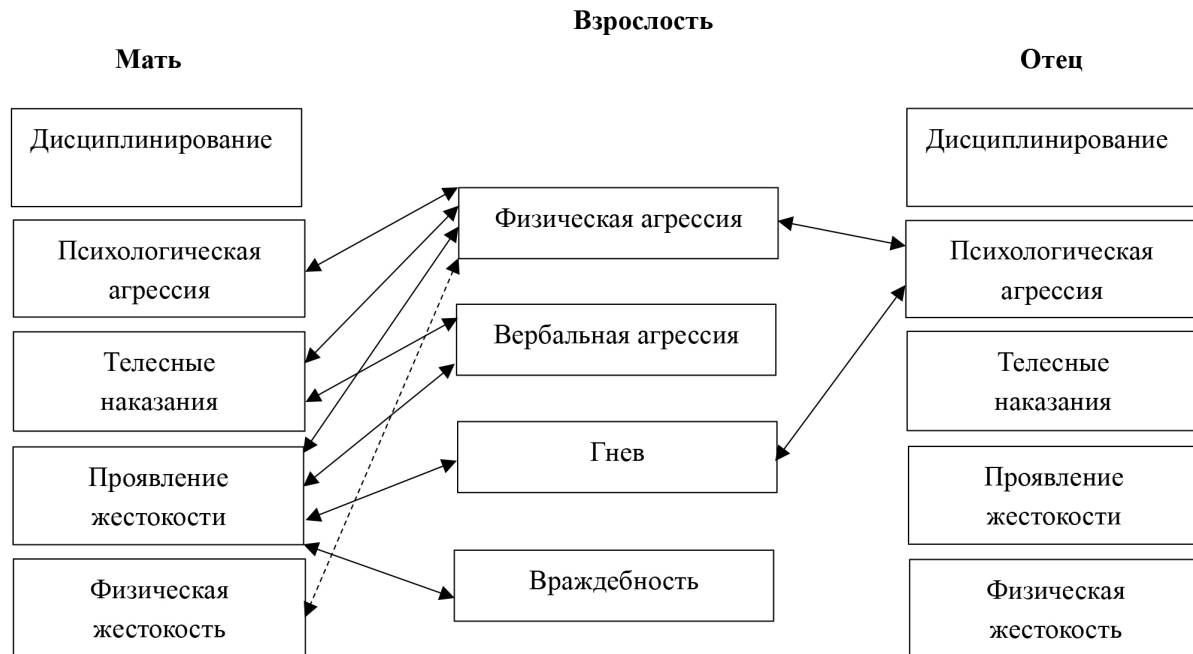

Рисунок 4 – Взаимосвязь между тактиками разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью белорусских студентов в период взрослости

Кроме того, были установлены различия в этих взаимосвязях. Так, у матерей дисциплинирование коррелировало с вербальной агрессией ($r=0,184$, $p=0,024$), в то время как у отцов телесные наказания связаны с гневом ($r=0,187$, $p=0,021$).

Взрослость. Полученные данные позволили установить, что независимо от пола белорусских родителей (как матерей, так и отцов), тактика дисциплинирования не была связана ни с одним показателем агрессивности (рисунок 4). Следует отметить, что только психологическая агрессия как тактика разрешения родительско-детского конфликта была связана с физической агрессией (соответственно, $r=0,209$, $p=0,010$; $r=0,206$, $p=0,011$).

Вместе с тем взаимосвязи материнских и отцовских тактик с агрессивностью имеют и свои отличия (рисунок 4). Так, у матерей телесные наказания коррелировали с физической ($r=0,272$, $p=0,001$) и с вербальной агрессией ($r=0,169$, $p=0,037$); проявление жестокости – с физической агрессией ($r=0,245$, $p=0,002$), с вербальной агрессией ($r=0,246$, $p=0,002$), с гневом ($r=0,186$, $p=0,022$) и с враждебностью ($r=0,174$, $p=0,033$); физической жестокости – отрицательно с физической агрессией ($r=-0,160$, $p=0,049$). У отцов была выявлена взаимосвязь психологической агрессии с гневом ($r=0,162$, $p=0,045$).

Таким образом, можно констатировать, что как в детстве, так и в ранней взрослости белорусские

родители, прибегая к тактике психологической агрессии, вероятно, формируют у детей склонность к проявлению физической агрессии. Помимо этого, перманентное использование матерями тактик телесных наказаний и проявления жестокости может усиливать наклонность детей к физической агрессии независимо от возраста ребенка.

Кроме того необходимо подчеркнуть, что матери, независимо от возраста ребенка, используют гораздо более широкий арсенал насильственных тактик разрешения конфликта, чем отцы, которые провоцируют возникновение и большего количества форм проявления агрессии детьми. В свою очередь связь между отцовскими тактиками и проявлениями агрессии их детей с возрастом ослабевает. Возможно, что белорусские матери в большей степени, чем отцы обеспокоены поведением собственных детей.

Сравнительный анализ использования тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях позволил установить, что:

1) в детстве психологическая агрессия как тактика разрешения родительско-детского конфликта как со стороны матери, так и со стороны отца, независимо от их национальной принадлежности, была положительно связана с физической и вербальной агрессией, враждебностью, а проявление жестокости – с физической агрессией;

2) в период взрослости, психологическая агрессия как тактика разрешения родительско-детского конфликта как со стороны матери, так и со стороны отца, независимо от их национальной принадлежности, была положительно связана с физической агрессией;

3) в период взрослости у матерей проявление жестокости как тактики разрешения родительско-детского конфликта, независимо от их национальной принадлежности, была положительно связана с физической и вербальной агрессией и с враждебностью;

4) в детстве при возникновении конфликта китайские родители чаще используют насильственные методы (проявляя разную степень жестокости), а белорусские – психологическую агрессию;

5) тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях существенно меняются по мере взросления детей. Так, в китайских семьях насильственные тактики разрешения конфликта сменились тактикой психологической агрессии, а в белорусских семьях – наоборот.

Полученные результаты исследования отчасти согласуются с данными других исследований [5–8].

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить интересные особенности взаимосвязей между тактикой разрешения родительско-детского конфликта и агрессивностью в разные возрастные периоды. В частности было определено, что:

– формирование и развитие агрессивности (принудительной) чаще всего связано с использованием матерью насильственных методов в семейном воспитании. Это может свидетельствовать о том, что в китайских и белорусских семьях матери, вероятно, во-первых, больше включены в воспитательный процесс детей, а во-вторых, играют более доминирующую роль в процессе воспитания и социализации детей;

– в детстве при возникновении конфликта китайские родители чаще используют принудительные методы (разной степени), а белорусские – психологические;

– тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях существенно меняются по мере взросления детей. Так, в китайских семьях принудительные тактики разрешения конфликта сменяются тактикой психологической агрессии, а в белорусских семьях – наоборот, с увеличением возраста к принудитель-

ным тактикам разрешения конфликта прибегают чаще, чем к тактикам психологической агрессии.

Литература

1. Ариарский, М.А. Прикладная культурология / М.А. Ариарский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во «ЭГО», 2001. – 288 с.
2. Goodman, M. Parent-Offspring Conflict. In: Barrett K, Editor. Handbook of self-regulatory processes in development: New directions and international perspectives / M. Goodman, S.F. Waters, R.A. Thompson. – 2012. – URL: https://www.researchgate.net/publication/320811906_Parent-child_conflict (date of access: 25.05.2023).
3. Фурманов, И.А. Стили семейного воспитания, стимулирующие развитие агрессивности ребенка / И.А. Фурманов // Актуальные педагогические проблемы социальной психологии развития: материалы междунар. научн.-практ. конф. – Минск, 1998. – С. 191–194.
4. Stressful life events during adolescence and risk for externalizing and internalizing psychopathology: A meta-analysis / Jaume March-Llanes [et al.] // European Child and Adolescent Psychiatry. – 2017. – Vol. 26, iss. 12. – P. 1409–1422.
5. Aggression, crying, and physical contact in one-to-three-year-old children / N. Blurton Jones [et al.]. // Aggressive Behavior. – 1979. – Vol. 5, iss. 2. – P. 121–133.
6. 刘, 建榕. 不同性别学童攻击行为与家庭环境的关系 / 建榕 刘 // 健康心理学杂志 = [Лю, Цзяньрун. Взаимосвязь между агрессивным поведением и семейным окружением школьников разного пола / Цзяньрун Лю // Журнал психологии здоровья]. – 2003. – Т. 2. – С. 103–106.
7. Oliva, Alfredo. Protective effect of supportive family relationships and the influence of stressful life events on adolescent adjustment / Alfredo Oliva, Jimenez M. Jesus, Agueda Parra // Anxiety Stress Coping. – 2009. – Vol. 22, iss. 2. – P. 137–152.
8. Булава, Ю.Л. Зависимость проявления агрессивного поведения подростками от тактики разрешения родительско-детского конфликта в семье / Ю.Л. Булава, И.А. Фурманов // Сборник работ 66-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: в 3 ч. – Минск, 2009. – Ч. 3. – С. 140–143.
9. Фурманов, И.А. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта / И.А. Фурманов // Психологический журнал. – 2008. – Т. 4, № 20. – С. 74–81.
10. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.
11. Chan, K.L. Study on child abuse and spouse battering: Report on findings of household survey (A Consultancy Study Commissioned by the SWD of the HKSAR) / K.L. Chan // Hong Kong: University of Hong Kong, Department of Social Work and Social Administration. – Hong Kong, 2005. – 132 p.
12. 张, 真真. 父母冲突与大学生攻击行为的关系: 母子依恋和情绪不安全的中介作用: 硕士论文. 应用心理学 / 真真 张 = [Чжан, Чжэньчжэнь. Связь между родительским конфликтом и агрессией среди студентов колледжа: посредническая роль привязанности матери к ребенку и эмоциональной незащищенности: магистерская диссертация. Прикладная психология / Чжэньчжэнь Чжан]. – Цзинань, 2016. – 16 с.

Поступила в редакцию 09.12.2024

Индикаторы разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста

Лауткина С.В., Морожанова М.М., Шандрикова И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена описанию индикаторов разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста. Представлен анализ вариативности эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста и их индикаторов.

Цель работы – описание индикаторов разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста.

Материал и методы. Выборку исследования составили 27 детей старшего дошкольного возраста 5–7 лет, посещающих детский сад и имеющих нормотипичное речевое развитие. Для изучения эмоционально-оценочной лексики у детей использовались методики: «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой; «Метод подбора синонимов и антонимов к эмоционально-оценочным словам» И.Ю. Кондратенко; «Составление рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке» В.П. Глухова.

Результаты и их обсуждение. Выделены индикаторы разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста: лексическая синонимия, лексическая антонимия, восприятие и понимание эмоциональных состояний, составление рассказов по эмоционально-насыщенным сюжетным картинкам. Эмоционально-оценочная лексика и составление рассказов по эмоционально-насыщенным сюжетным картинкам у дошкольников сформированы на высоком и среднем уровнях. Старшие дошкольники хорошо идентифицируют основные эмоции (радость, гнев, печаль), однако затрудняются в опознании удивления и страха. Подбор синонимичных рядов вызвал больше трудностей, чем антонимичных. Получены значимые отличия между группами по двум характеристикам: подбору синонимов и составлению рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке.

Заключение. В дошкольном возрасте дети понимают основные эмоциональные состояния, распознают эмоции по лицевой экспрессии. Дети с развитой эмоциональной сферой лучше справляются со смысловым содержанием при построении устного монологического высказывания (нарратива), с ответами на вопросы и с общим пониманием содержания как сюжетных картинок, так и текста. Эмоциональная компетентность и уровень речевого развития ребенка взаимосвязаны между собой и влияют на его социальную и академическую успешность.

Ключевые слова: индикаторы, экспрессивная и импрессивная речь, эмоционально-оценочная лексика, антонимия, синонимия, дети старшего дошкольного возраста.

Indicators of the Variability of Emotional and Evaluative Vocabulary in the Speech of Senior Preschool Children

Lautkina S.V., Morozhanova M.M., Shandrikova I.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article describes indicators of the variability of emotional and evaluative vocabulary in the speech of senior preschool children. The analysis of the results of an empirical study of indicators of the diversity of emotional and evaluative vocabulary in the speech of senior preschool children is presented.

The purpose of the work is to describe indicators of the diversity of emotional and evaluative vocabulary in the speech of senior preschool children.

Material and methods. The study sample consisted of 27 five-seven-year-old children of senior preschool age who attend kindergarten and have normotypic speech development. The methods used included: "Emotional identification" by E.I. Izotova; "The method of selecting synonyms and antonyms for emotionally evaluative words" by I.Y. Kondratenko; "Making up a story based on an emotionally saturated plot picture" by V.P. Glukhov.

Findings and their discussion. The indicators of the diversity of emotional and evaluative vocabulary in the speech of senior preschool children are highlighted: lexical synonymy, lexical antonymy, perception and understanding of emotional states, writing stories based on emotionally saturated plot pictures. The preschoolers' emotional and evaluative vocabulary and the compilation of stories based on emotionally saturated plot pictures are formed at a high and medium level. Senior preschoolers are good at identifying basic emotions (joy, anger, sadness), however, they find it difficult to identify surprise and fear. The selection of synonymous rows caused more difficulties than antonymous ones. Significant differences between the groups were obtained in two characteristics: the selection of synonyms and the compilation of a story based on an emotionally saturated plot picture.

Conclusion. *At preschool age, children understand the basic emotional states, recognize emotions by facial expression. Children with a developed emotional sphere cope better with semantic content when constructing an oral monologue (narrative), with answers to questions and with a general understanding of the content of both plot pictures and text. The emotional competence and the level of speech development of a child are interrelated and affect their social and academic success.*

Key words: *indicators, expressive and impressive speech, emotional and evaluative vocabulary, antonymy, synonymy, older preschool children.*

В русском языке существует множество разнообразных средств эмоциональной выразительности. Эмоционально-оценочная лексика является одним из таких средств. Данная лексика имеет особое значение, поскольку напрямую связана с понятием коннотации, которое отвечает за экспрессивность, отражение субъективных взглядов и стилистическое многообразие в языке. Е.А. Адамович дает следующую дефиницию эмоционально-оценочной лексики: «Это языковые единицы, выражающие субъективное отношение говорящего к предмету речи, его положительную или отрицательную эмоциональную оценку» [1, с. 7].

Многие лингвисты полагают, что эмоционально-оценочная лексика способствует развитию экспрессивной функции языка. Она является способом выражения чувств, индивидуальных и социальных оценок, эмоционального воздействия на людей. Кроме того, оказывает значительное влияние на саму характеристику слова.

В рамках лингвистических исследований изучался вопрос определения границ эмоционально-оценочной лексики. В результате были сделаны выводы, что круг слов, который можно отнести к данному понятию, не определен и варьируется от всего словарного состава языка до очень узких групп слов. По мнению Е.М. Галкиной-Федорук, К.В. Горшковой, Н.В. Шанского, [2] к эмоционально-оценочной лексике следует относить: 1) слова, выражающие чувства, переживаемые самим говорящим или другим лицом (ощущения, эмоции, настроение); 2) слова-оценки, квалифицирующие вещь, предмет, явление или с положительной, или с отрицательной стороны всем своим составом лексически; 3) слова, в которых эмоциональное отношение к называемому выражается не лексически, а грамматически, то есть суффиксами эмоциональной оценки.

Иной позиции придерживается И.В. Арнольд [3]. В авторской концепции, с точки зрения экспрессивности, следует различать лексику эмоционально-нейтральную, выражающую только понятие, без указания отношения к нему говорящего и лексику эмоционально окрашенную, проявляющую чувства, настроения. Слова, которые описывают чувства, эмоции и настроения, обозначают их лишь понятийно, т.е. называют

эмоцию, не передавая ее. Автор считает, что не стоит включать в состав эмоциональной лексики слова, которые обозначают объекты, способные вызывать эмоцию. Среди слов, которые выражают чувства и содержат положительную или отрицательную оценку того, что называется в слове, И.В. Арнольд выделяет такие категории, как ласкательные слова, бранные слова, междометия. Эти слова передают одобрение или неодобрение, презрение или восхищение, насмешку или иронию, нежность. Стоит подчеркнуть, что в ходе рассмотрения вопроса об использовании эмоциональной лексики автор не проводит разграничение между экспрессивностью и эмоциональностью.

В.П. Берков [4] считает, что лишь у ограниченного числа слов есть не только лексическое значение, но и элемент оценки, чувства или отношения говорящего к понятию, которое обозначает это слово. Он причисляет к нейтральным словам, значение которых заключается в выражении положительного или отрицательного, только отношения говорящего к чему-либо. При этом слова, называющие эмоции и чувства, исключаются из круга эмоциональной лексики.

Таким образом, особенно важно использование эмоционально-оценочной лексики в импрессивной и экспрессивной речи дошкольника. Ведь дошкольный возраст ребенка – время активного усвоения родного языка. В это время происходит расширение словарного запаса слов, формируется четкое представление их значения и точное использование в контексте. Умение правильно по смыслу употреблять слово является показателем того, что оно действительно вошло в активный словарь ребенка. Новые впечатления, знания и понятия, которые ребенок получает, не могут быть выражены, если они не зафиксированы в слове.

Среди наиболее значимых исследований в области эмоционально-оценочной лексики можно назвать работы: И.Ю. Кондратенко [5], работавшей над проблемой обогащения экспрессивной речи детей эмоционально-оценочной лексикой; В.И. Яшиной [6], рассматривающей овладение эмоционально-оценочной лексикой как ключевого фактора формирования социально активной личности дошкольников; Е.С. Ощепковой [7], исследовавшей проблемы формирования и развития

эмоциональной составляющей связной устной речи дошкольников и др.

Проблема связи развития эмоций и речи у детей дошкольного возраста представляет собой предмет пристального внимания и изучения для многих исследователей. Так, Е.С. Ощепкова осуществила глубокий анализ и систематизацию современных исследований зарубежных и отечественных ученых, посвященных изучению взаимосвязи между развитием речи и эмоциональным состоянием детей дошкольного возраста [8]. Ею сделан вывод о тесной связи и взаимодействии эмоциональной и языковой сферы ребенка в процессе онтогенеза. Е.С. Ощепкова акцентировала внимание на корреляции между эмоциональной компетентностью ребенка, выражающейся в его способности распознавать и вербализировать эмоции, и уровнем развития его лексикона, в частности, знанием слов, относящихся к аффективной сфере. Таким образом, существует определенная взаимосвязь между эмоциональным состоянием и вербальным выражением: с одной стороны, слово способствует осознанию человеком своих эмоций и переживаний, с другой – эмоциональные процессы делают речь осмысленной и влияют на ее интерпретацию собеседником.

Эмоциональная лексика, которая используется в коммуникации с родителями, улучшает показатели понимания эмоций у детей. Так, А.С. Аскерли [9] провел теоретический анализ выполненных исследований на тему распознавания эмоций в дошкольном возрасте. Основываясь на результатах изысканий А.М. Щетининой, Е.М. Листик, Дж. Рассела и др., он выдвинул предположение о том, что успешность распознавания эмоций в детском возрасте обусловлена двумя ключевыми факторами: развитием когнитивных способностей, задействованных в данном процессе, и особенностями межличностных отношений между ребенком и его родителями.

Эмоции служат стимулом для человеческой активности, структурируют деятельность и оказывают непосредственное воздействие на когнитивную сферу, которая в современной науке признается одним из ключевых факторов, определяющих развитие речи. Так, Н.Е. Веракса с соавторами [10] провел анализ научных работ, посвященных изучению эмоционального развития в сопоставлении с когнитивным развитием и успеваемостью в учебе детей младшего школьного возраста. В понятие «эмоциональное развитие» в данных работах включалось: эмоциональный словарь, понимание эмоций, осознание причин возникновения эмоций. Результаты исследова-

ния свидетельствовали о наличии устойчивой взаимосвязи между способностью детей распознавать эмоции и их академическими достижениями. Исследователи также обратили внимание на социальный аспект обучения, подразумевающий необходимость продуктивного взаимодействия учащегося как со взрослыми, так и сверстниками.

Одним из ключевых аспектов, объединяющих речевое и эмоциональное развитие ребенка, является коммуникация. В процессе успешной коммуникации ребенка важна сформированность его лексических, грамматических и фонетических средств языка. От простейших связных высказываний ребенок постепенно переходит к созданию нарративов – связных монологических рассказов с внешней опорой на одну или серию сюжетных картинок, а также активизируя свои воспоминания, повторяя и обогащая услышанный устный или письменный текст. Так, А.Н. Веракса и его коллеги [11] провели исследование, направленное на изучение взаимосвязи между пониманием эмоций и смысловыми аспектами нарратива у дошкольников. В ходе исследования были обнаружены корреляции между результатами выполнения детьми заданий, направленных на оценку их способности к пониманию эмоций, и содержательными аспектами составления рассказа на основе серии картинок или пересказа текста. Было установлено, что способность детей в возрасте 5–6 лет к восприятию эмоций обусловлена такими характеристиками рассказа, как содержательная насыщенность, точность и полнота передачи информации, а также понимание мотивов и поступков персонажей. Помимо этого, исследование выявило, что дети, обладающие более развитой эмоциональной сферой, демонстрируют более глубокое понимание содержания текста и изображений, а также способность быстро и точно отвечать на вопросы, связанные с их содержанием. Кроме того, они не испытывают затруднений при создании устных монологических высказываний.

Таким образом, проведенный анализ теоретико-эмпирических исследований в области изучения эмоционально-оценочной лексики дошкольников позволяет выделить индикаторы разнообразия такой лексики и представить лингвистические средства выражения индикаторов. Под индикатором (указателем) понимают доступную наблюдению и измерению характеристику изучаемого объекта (Социология: энциклопедия (2003)). В качестве индикатора может выступать как сама характеристика, так и ее состояние, изменение этого состояния или, наконец, степень

Таблица 1 – Индикаторы разнообразия эмоционально-оценочной лексики в речи детей старшего дошкольного возраста

Индикатор эмоционально-оценочной лексики	Лингвистические средства выражения индикатора	Функция в речи	Диагностический инструментарий
Лексическая синонимия (равнозначные слова)	Слова одной части речи, выражающие одно понятие, но различающиеся оттенками значения или стилистически (бежать – мчаться; плакать – рыдать; боец – солдат, воин)	Позволяет избежать повторов. Дает возможность отбора и последующей взаимозаменяемости слов. Служит показателем развитости языка	Методика И.Ю. Кондратенко «Метод подбора синонимов и антонимов к эмоционально-оценочным словам»
Лексическая антонимия (противоположные по значению слова)	1) Слова, имеющие в своем значении качественный признак и поэтому способные противопоставляться по значению (хороший – плохой); 2) слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (брат – сестра); 3) слова, обозначающие противоположно направленные действия (уходить – приходить)	Используется прием антитезы: противопоставление понятий, признаков, действий	
Восприятие и понимание эмоциональных состояний	Вербализация предъявленных на картинках и фотографиях эмоциональных состояний	Эмоциональная идентификация и дифференциация эмоциональных состояний, вербализация эмоциональных состояний, эмоциональная экспрессия	Методики: Е.И. Изотовой «Эмоциональная идентификация», Л.Ф. Фатеровой и А.А. Харисовой «Изучение способности к распознаванию эмоциональных состояний»; В.М. Минаевой «Изучение восприятия детьми эмоциональных состояний»; А.М. Щетиной «Изучение особенностей восприятия и понимания дошкольниками эмоционального состояния изображенного человека»
Составление рассказов по эмоционально-насыщенным сюжетным картинкам	Составление рассказов по сюжетным картинкам с эмоционально-насыщенным содержанием, идентификация эмоциональных состояний героев; передача содержания текста с позиции связности, последовательности, логико-смысловой организации	Развивает связную монологическую речь, способствует развитию мелодики и выразительности речи	Методики: В.П. Глухова «Составление рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке»; И.Ю. Кондратенко «Рассказы по сюжетной картинке» и «Составь рассказ по серии картин»

этого изменения. В таблице 1 представлены выделенные нами индикаторы эмоционально-оценочной лексики, лингвистические средства выражения индикаторов, выполняемые ими функции речи и диагностический инструментарий для их измерения. В ходе последующего эмпирического исследования эмоционально-оценочной лексики мы осуществим измерение и качественное описание показателей выделенных индикаторов.

Материал и методы. Эмпирическое исследование эмоционально-оценочной лексики у детей старшего дошкольного возраста проводилось в ГУО «Детский сад № 88 г. Витебска». В исследовании приняли участие 27 детей старшего дошкольного возраста (от 5,9 до 7,1 лет, средний возраст детей 6,33) с нормотипичным речевым развитием.

В процессе разработки плана эксперимента, направленного на изучение уровня понимания и владения эмоционально-оценочной лексикой детьми, использовались методики: «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой [12]; «Метод подбора синонимов и антонимов к эмоционально-оценочным словам» И.Ю. Кондратенко [5]; «Составление рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке» В.П. Глухова [13]. Форма предъявления методик – индивидуальная. Все задания выполнялись детьми в первой половине дня, в тихом помещении. Ответы детей записывались на диктофон, затем тщательно протоколировались. Результаты эксперимента были подвергнуты математической обработке с помощью описательных статистик, итеративного метода кластерного анализа (k-means), ANOVA.

Результаты и обсуждение. Представим описание результатов исследования эмоционально-оценочной лексики у детей старшего дошкольного возраста по каждой из методик. Так, на первом этапе исследования по методике Е.И. Изотовой «Эмоциональная идентификация» выявлялась сформированность двух компонентов процесса опознания эмоций – восприятия и понимания эмоциональных состояний. Перед ребенком раскладывались карточки-смайлики и предлагалась следующая инструкция: «Посмотри, здесь нарисованы смайлики. Назови, какие эмоции они изображают (радость, печаль, страх, гнев, удивление)? Как ты догадался?». В случае возникновения затруднений у ребенка, обращалось внимание на брови, рот и глаза, изображенные на картинке, использовался показ мимикой. В ходе выполнения задания фиксировался выбор, номер попытки с правильным ответом, а также вид оказанной помощи.

При исследовании эмоциональной идентификации на первом этапе работы получены следующие данные ($M=2,44$, $SD=0,56$). Высокий уровень понимания и вербализации всех эмоциональных состояний показали 44,4% детей, что соответствуют верному выполнению заданий без ошибок. Средний уровень понимания эмоций продемонстрировали 55,6% детей, при этом низкий уровень в группе отсутствует.

В целом можно отметить, что такие эмоции, как радость, печаль и злость дети определяли практически безошибочно. В ходе эксперимента дошкольники по-разному называли эмоции. Мы засчитывали за правильный ответ, если были использованы синонимы (радость – веселость, страх – испуг, печаль – грусть, гнев – злость и др.). При описании эмоций дети иногда называли и глаголы («испугался», «злиться», «расстроилась»). Чаще всего ошибки с названием эмоций были следующие: дети путали эмоции страха и удивления. Это можно объяснить тем, что мимическое выражение данных эмоциональных выражений имеет некоторые сходства (рот открыт и округлен, брови подняты вверх, глаза широко раскрыты). После предоставленной помощи (наводящие вопросы, показ мимикой) некоторые дети сами поправляли свой ответ и правильно называли эмоции. Часть ребят даже после предоставленной содержательной помощи не смогли определить эмоцию «страха». Возможно, для детей, участвующих в исследовании, опознание страха осуществляется по довербальному типу (по А.М. Щетининой), когда эмоция еще не обозначается словом, поэтому ее узнавание происходит через установление ребенком соответствия между выражением лица человека и каждой конкретной ситуацией [14].

Анализ результатов диагностики показал, что дошкольники успешно справляются с опознанием эмоциональных состояний других людей, правильно оценивают то или иное эмоциональное состояние, не испытывают затруднений с ответами. Это можно объяснить тем, что показатели осмысления эмоциональных состояний ребенком и вербализации данных эмоций находится на достаточно высоком уровне. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования О.А. Прусаковой [15, с. 157], где сделан вывод о том, что к шести годам дети способны свободно распознавать по лицевой экспрессии все основные эмоции.

На втором этапе исследования по методике Е.И. Изотовой «Эмоциональная идентификация» перед ребенком раскладывались с одной стороны карточки-смайлики, а с другой – карточки

с изображениями. Задача ребенка состояла в том, чтобы объединить их в пары. Были представлены отдельные комплекты для мальчиков и для девочек. Предлагалась инструкция: «Перед тобой с одной стороны лежат картинки мальчика (девочки) с разными настроениями, а с другой – карточки со смайликами. Постарайся разложить их по парам, чтобы у них было похожее настроение».

При исследовании уровня произвольного выражения эмоций различной модальности были получены следующие данные ($M=2,07$, $SD=0,78$): 33,3% детей адекватно выражали эмоциональное состояние, использовали типичные средства пантомимики для данной эмоции без помощи исследователя, что соответствует высокому уровню развития эмоциональной сферы. Средний уровень получен у 40,7% дошкольников – детям требовалась содержательная помощь. Помощь детям со стороны экспериментатора заключалась в вербальном объяснении способов выполнения диагностических задач, а также в наглядном показе мимикой тех или иных эмоций. Дошкольники смогли правильно определить 3–4 эмоции, назвать их, разложить карточки – эмоции по парам. Трудности у дошкольников вызывала идентификация таких эмоций, как «страх» и «удивление». Например, Денис Р. ответил: «Два веселых и два грустных мальчика». Другими словами, эмоции страха и удивления не определил. Дети путали карточки с изображением радости и удивления. Например, Ксюша Е. сказала, что нарисованы «две веселые девочки» (на изображения радости и удивления).

Низкий уровень развития эмоциональной сферы выявлен у 25,9% детей. При выполнении задания им требовалось два вида помощи: содержательная и предметно-действенная (уточнялось задание, задавались дополнительные вопросы, использовался показ мимикой соответствующей эмоции, оказывалась помощь при раскладывании карточек). Дошкольники смогли правильно обозначить, соотнести и воспроизвести до 3 эмоциональных состояний. Из характерных ошибок можно выделить следующие: дети путали эмоциональные состояния героев, неправильно соединяли карточки по парам даже после подсказок, не завершали задание, соединяли один смайлик с двумя портретными изображениями.

Второй этап исследования по методике Е.И. Изотовой можно охарактеризовать как более сложный, по сравнению с первым, так как карточек для выбора было больше, требовалась высокая концентрация внимания. Некоторым детям потребовалось повторение и уточнение задания. Наблюдались

случаи, когда первая пара карточек была подобрана ребенком неверно и остальные тоже подбирались ошибочно, хотя ребенок понимал некоторое несоответствие эмоций и находился в затруднении, чувствовалась его растерянность. В ответах детей часто встречались противоречия: называя одно состояние, которое обозначает смайлик, подбирали портретную картинку с изображением другого состояния. Иногда дети подменяли названия одних эмоциональных состояний другими, например, удивление определяли как радость.

Анализ результатов диагностики умения выразить названное эмоциональное состояние с помощью паралингвистических средств показал, что большинство дошкольников хорошо справились с заданием. Полученные данные об уровне развития эмоциональной идентификации старших дошкольников согласуются с исследованиями И.О. Карелиной [16, с. 24], И.Ю. Кондратенко [5, с. 66], Л.А. Бичакиан [17, с. 27], где выявлено, что большинство детей дошкольного возраста 5–7 лет свободно дифференцируют по стимульному материалу с женской и мужской лицевой экспрессией эмоции радости, злости, грусти. Однако наибольшее затруднение у дошкольников вызывает опознание эмоций удивления и страха, поскольку они часто путают данные эмоции, выделяя в них схожие черты, такие как раскрытый рот и приподнятые брови. Также дети лучше определили эмоциональное состояние героев по схематическим изображениям лицевой экспрессии (пиктограммам). Более высокая точность распознавания лицевой экспрессии по схематическим изображениям по сравнению с портретными обусловлена большей степенью обобщённости признаков, отражающих эмоции.

Методика И.Ю. Кондратенко «Метод подбора синонимов и антонимов к эмоционально-оценочным словам» позволила провести исследование объема эмоционально-оценочной лексики в речи детей, особенностей понимания значений слов эмоциональной оценки и их функционирования в детской речи. На первом этапе исследования дети подбирали слова – синонимы («слова-приятеля»). Подбор синонимов представляет собой процесс, направленный на исследование специфики взаимодействия эмоционально-оценочных слов с другими единицами лексической системы языка. Ребенку была дана следующая инструкция: «Я начну предложение, а ты придумай конец предложения со “словами-приятелями”». Были представлены 5 предложений: 1. Солдат стал героем, потому что он был храбрым и ... (отважным). 2. Заяц боится волка, потому что он агрессивный

и...(злой). 3. Я люблю свою маму, она сердечная и... (добрая). 4. Ослика забыли поздравить с днем рождения, поэтому он был печальным и...(грустным). 5. Дети весело проводили с друзьями время, поэтому настроение у них было прекрасное и...(хорошее).

Высокий и средний уровни сформированности синонимических связей ($M=6,78$, $SD=1,80$) обнаружены у 40,7% детей, у 18,5% дошкольников выявлен низкий уровень умения подбирать синонимы к словам. В целом следует отметить, что дети хорошо справились с заданием. Наибольшее затруднение при подборе синонимов вызвало слово «храбрый». Легче всего дети подобрали синоним к слову «печальный». При подборе синонимов детьми отмечен ряд особенностей: назывались слова, относящиеся к другой нравственной категории (храбрый – честный), отмечались смысловые замены на основе недостаточной дифференциации эмоциональных состояний (агрессивный – трусливый), встречались замены нужного слова лексемой, имеющей широкое значение (печальный – хороший), употреблялись общеоценочные слова (сердечная – хорошая), назывались антонимы (грустный – веселый). Полученные результаты согласуются с данными исследования И.Ю. Кондратенко, где описаны похожие ошибки при изучении синонимии у детей с нормотипичным речевым развитием [5, с. 68].

На втором этапе при подборе слов – антонимов («слов-неприятелей») испытуемым необходимо было закончить предложение словами, противоположными по значению. Ребенку предлагалась инструкция: «Давай поиграем в «Игру наоборот». Я начну предложение, а ты закончи предложение словом, противоположным по значению». Были подобраны 5 предложений: 1. Заяц – трусливый, а лев – ... (храбрый). 2. В цирке выступали два клоуна, один грустный, другой ... (веселый). 3. Мальчик совершил два поступка: один плохой, а другой ... (хороший). 4. Детям прочитали два рассказа: один был скучный, а другой... (интересный). 5. Во дворе жили два разных по характеру пса: Полкан был злой, а Бобик... (добрый).

На данном этапе получены результаты при изучении способности детей подбирать антонимы к словам, обозначающим эмоции и чувства ($M=8,59$, $SD=0,97$). Подавляющее большинство детей (85,2%) продемонстрировали высокий уровень выполнения задания. Средний уровень показали 14,8% детей. Были зафиксированы ошибки следующего характера: при подборе антонимов к словам (именам прилагательным), обозначающим нравственные качества, дошкольники присоединяли к стимульному

слову частицу – «не» («трусливый – нетрусливый»); употребляли общеоценочные слова («злой – хороший»); называли слова, относящиеся к другой нравственной категории («трусливый – грустный»). Среди всех предложенных экспериментатором слов наибольшие трудности вызвало слово «трусливый». Больше всего правильных ответов было дано на общеоценочное слово «плохой» (96%). В целом можно отметить, что дети легче подбирали антонимы, чем синонимы.

Таким образом, работа по обогащению эмоционально-оценочной лексики синонимами и антонимами необходима, так как употребление антонимов в детском лексиконе помогает дошкольнику раскрыть противоречивую сущность явлений, предметов, их качеств, а синонимы придают точность и яркость его речи.

Методика В.П. Глухова «Составление рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке» предоставила возможность исследовать у детей умение идентифицировать эмоции/настроение по сюжетной картинке, определить способность ребенка составлять законченное высказывание на уровне фразы (по изображенному на картинке действию). В качестве основы для проведения методики был применен стимульный материал в виде 5 эмоционально-насыщенных сюжетных картинок на тему: 1. «День рождения» (радость); 2. «Расставание» (печаль); 3. «Нападение» (страх); 4. «Драка» (гнев); 5. «Сюрприз» (удивление). По каждой картинке необходимо было описать эмоциональную ситуацию и эмоциональное состояние (настроение) у героев картинок. Предлагалась следующая инструкция: «Я буду тебе показывать картинки с разными историями, а ты скажи, что здесь нарисовано и какое настроение у героев?» В случае отсутствия ответа, задавался второй уточняющий вопрос, который прямо указывал на действие, изображенное на картинке («Что делает мальчик/девочка?»).

По результатам выполнения методики высокий уровень при составлении рассказа по эмоционально-насыщенной картинке выявлен у 25,9% дошкольников. Так, в процессе выполнения задания дети проявляли высокую активность. Они составляли полный и содержательный рассказ по сюжетной картинке, адекватный ее содержанию, правильно идентифицировали эмоциональную ситуацию, использовали простые и сложные грамматически правильно построенные высказывания. Например, Ксюша Я. ответила: «У мальчика день рождения. И мама принесла торт, а мальчик обрадовался» или «Девочка плачет. Потому

что на нее напала собака». Варвара Б.: «Тут папа уезжает в другую страну на много дней. А девочка будет грустить без него». 63% детей (средний уровень выполнения) справились с заданием с помощью дополнительных вопросов экспериментатора, указывающих на выполненное субъектом действие. Эмоциональная ситуация/эмоциональное настроение было определено верно детьми. В ответе у детей присутствовали паузы. Например, Арина Ш. ответила: «Тут девочка, а собачка лает на нее. Тут страшно» или «Плохое настроение. Дерутся... два мальчика». Настя О.: «Какой-то Новый год и мальчику дарят подарок... Я думаю хорошее (настроение)».

Низкий уровень при выполнении задания выявлен у 11,1% испытуемых. Результаты указывают на то, что дошкольники часто нуждались в помощи. В ответе присутствовало много пауз, для описания сюжетной картинке использовались отдельные слова, не связанные друг с другом. Эмоциональное настроение было определено с помощью исследователя или не было определено вообще. Например, Ульяна Р. ответила: «Мальчик и девочка... хорошее... (настроение)», «Испуганное... (настроение). Собака и девочка. Пугается... (девочка)». Маша Ш.: «Подарки... Мама... Сыну.» или «Махают... сестре и брату. Хорошее (настроение)».

В принципе можно сделать вывод, что большинству дошкольников при ответах понадобилась помощь в виде наводящих вопросов, объяснений со стороны исследователя. Во время выполнения задания дети сами задавали уточняющие вопросы. При определении и назывании некоторых эмоциональных состояний дети испытывают некоторые трудности. Например, при объяснении ситуации «Драка» Ульяна Р. сказала, что у героев хорошее настроение, а ситуацию «Расставание» описала, так: «Девочка прощается с родителями. У нее веселое настроение», что свидетельствует о недостаточном личном эмоциональном опыте и неверной интерпретации эмоционального состояния других людей.

Для выявления общей уровневой структуры эмоционально-оценочной лексики дошкольников был использован итеративный метод кластерного анализа (k-means), который позволил построить усредненные профили по каждому кластеру и провести качественный анализ выраженности признаков у представителей каждого класса.

Анализ профилей показывает, что в первую группу попали дети, характеризующиеся самыми низкими показателями эмоциональной иден-

тификации на 1-м этапе исследования, средними показателями эмоциональной идентификации на 2-м этапе исследования и высокими показателями актуализации синонимов, антонимов и результатами составления рассказа по эмоционально-насыщенной картинке. Полученные данные согласуются со сходными результатами в исследовании Л.К. Анищенко, Т.В. Митенковой, Е.В. Чипиль, где подчеркивалась взаимосвязь показателей антонимии и синонимии со связной монологической речью дошкольника [18].

Во вторую группу вошли дошкольники, характеризующиеся средними показателями эмоциональной идентификации на 1-м этапе исследования и в подборе антонимов, низкими показателями эмоциональной идентификации на 2-м этапе исследования, в подборе синонимов и составлении рассказа по сюжетной картинке. Данные результаты согласуются с выводами Р.И. Лалаевой и О.С. Серебряковой [19], согласно которым выполнение заданий на подбор антонимов и синонимов предполагает наличие достаточного объема словаря, сформированности семантического поля, в которое входит данное слово, а также умения выделять в структуре значения слова ключевой дифференциальный семантический признак и сопоставлять слова по значимому семантическому признаку. Данные задания могут быть успешно решены только при условии активного поиска слова, которое имеет противоположное или аналогичное значение. Лишь при условии, что у ребенка сформирован и упорядочен определенный синонимический или антонимический ряд, возможен правильный подбор слова. Также данные авторы указывают на стойкую взаимосвязь показателей лексико-грамматического строя речи и связной монологической речи у дошкольников.

Третью группу составили дети, имеющие самые высокие показатели по выполнению двух методик на эмоциональную идентификацию и в подборе антонимов, средние значения при рассказывании по картинке и подборе синонимов. Таким образом, овладение лексической синонимией и антонимией можно рассматривать в качестве маркера достаточного уровня формирования вариативности речи, ее эмоциональной наполняемости, показателей развития речемыслительной деятельности у дошкольников.

С целью выявления значимых различий в полученных группах по выраженности тех или иных характеристик использовалась процедура ANOVA. В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа, которые демонстрируют значимые отличия между группами по двум

Таблица 2 – Различия групп по исследуемым характеристикам

ANOVA						
	Кластер		ошибка		F	Значимость
	Средний квадрат	ст.св.	Средний квадрат	ст.св.		
Возраст	,562	2	,222	24	2,527	,101
Эмоциональная идентификация (1 часть)	,347	2	,249	24	1,395	,267
Эмоциональная идентификация (2 часть)	,815	2	,593	24	1,375	,272
Подбор синонимов	25,722	2	1,384	24	18,582	,000
Подбор антонимов	2,065	2	,850	24	2,431	,109
Составление рассказа	6,606	2	,832	24	7,939	,002

характеристикам: подбору синонимов ($F=18,58$, $p<0,01$) и составлению рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке ($F=7,39$, $p<0,01$). Полу жирным шрифтом выделены значимые различия между группами.

Таким образом, в рамках настоящего исследования можно сделать вывод о том, что лексическая синонимия занимает важное место в становлении связной монологической речи. С одной стороны, использование синонимии в экспрессивной речи ребенка, в том числе монологической, с их разнообразием смысловых оттенков делает речь выразительнее и богаче, а использование синонимических связей позволяет дошкольнику найти наиболее адекватное выражение мыслей и чувств (или скрыть их), истолковать непонятное, придать речи нужную окраску. С другой стороны, развитие способности к актуализации синонимических рядов приводит к расширению семантических полей, увеличению пассивного и активного словаря ребенка, совершенствованию грамматических средств языка, формированию разнообразной устной монологической речи с позиции полноты, связности, последовательности, логико-смысловой организации, создает предпосылки для успешного формирования навыков письменной речи, что в целом способствует формированию языковой картины мира и языковой личности дошкольника.

Заключение. Эмоционально-оценочная лексика представляет собой взаимосвязанную систему общеупотребительных, эмоционально-окрашенных, экспрессивных слов, терминов и названий, известных ребенку предметов либо явлений окружающей среды. Эмоционально-оценочная лексика, представляющая собой неотъемлемый элемент детского лексикона, играет ключевую роль в процессе приобщения детей к разнообразному миру

эмоций. Она способствует более глубокому осмыслению и вербальному выражению собственных эмоциональных состояний, чувств и переживаний окружающих, помогает в анализе происходящих событий и в поиске решений задач, связанных с общением.

По результатам анализа теоретико-эмпирических исследований в области изучения эмоционально-оценочной лексики дошкольников нами выделены индикаторы разнообразия лексики: лексические синонимия и антонимия, восприятие и понимание эмоциональных состояний, составление рассказов по эмоционально-насыщенным сюжетным картинкам.

В последующем проведенное исследование позволило получить качественно-количественные данные об индикаторах эмоционально-оценочной лексики у детей старшего дошкольного возраста.

Исследование по трем методикам изучения эмоционально-оценочной лексики показало высокий и средний уровни выполнения заданий испытуемыми. Дети свободно идентифицировали основные эмоции (радость, гнев, печаль), хорошо понимали основные эмоциональные состояния, распознавали эмоции по лицевой экспрессии. Однако затруднения у дошкольников вызвало опознание эмоциональных состояний удивления и страха, определение эмоционального состояния другого человека.

Изучение антонимии и синонимии продемонстрировало трудности у дошкольников в подборе синонимов по сравнению с антонимами. А ведь известно, что показателем уровня овладения значением слова является использование синонимических и антонимических рядов. Полученные результаты согласуются с данными А.И. Лаврентьевой [20], изучавшей развитие лексико-семантической системы языка у детей от 1 года 4 месяцев до 4 лет. Автор выделяет 4 этапа становления

детского лексикона. Именно на третьем этапе формирования лексической системы развивается лексическая антонимия. Синонимия возникает на четвертом этапе развития лексической системы. Поэтому в речевом онтогенезе дошкольника явление синонимии – более сложное и позднее образование и в рамках системной организации словаря ребенка приближается по своему строению к лексико-семантической системе взрослых.

В процессе создания рассказа по эмоционально-насыщенной сюжетной картинке дети демонстрировали более глубокое понимание и более яркое описание ситуаций, с которыми они были знакомы и которые вызывали у них эмоциональный отклик и переживание. Дети, обладающие развитой эмоциональной сферой, лучше справлялись со смысловыми аспектами при понимании сюжетной картинки и при составлении рассказа по ней, а также лучше отвечали на вопросы, касающиеся содержания сюжетной картинки или предложенного текста.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило необходимость проведения речевой работы с дошкольниками для развития у них «языкового чутья», формирования представления о синонимических и антонимических отношениях, раскрытия и уточнения значения слов, расширения словарного запаса, в том числе и за счет эмоционально-оценочной лексики, совершенствования связных монологических текстов. В целом в дошкольном возрасте пассивный и активный словарь ребенка характеризуется активным формированием эмоционально-выразительных средств языка. Все обозначенные позиции создают основу для развития системной лексики, что, в свою очередь, будет способствовать спонтанному и целенаправленному развитию импрессивной и экспрессивной речи дошкольника.

Литература

1. Адамович, Е.А. Понятие эмоционально-оценочной лексики / Е.А. Адамович // Иден. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. – Минск: БГУ, 2021. – С. 3–9.
2. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. – Изд-во «Либроком», 2019. – 200 с.
3. Арнольд, И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности / И.В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка: сб. науч. тр. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1975. – С. 11–20.
4. Берков, В.П. Двухязычная лексикография / В.П. Берков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 248 с.
5. Кондратенко, И.Ю. Формирование эмоциональной лексики у дошкольников с общим недоразвитием речи: монография / И.Ю. Кондратенко. – СПб.: КАРО, 2006. – 240 с.
6. Яшина, В.И. Овладение эмоционально-оценочной лексикой старшими дошкольниками: монография / В.И. Яшина, Е.А. Ставцева. – М.: Прометей, 2016. – 190 с.
7. Ощепкова, Е.С. Развитие связной устной речи в старшем дошкольном возрасте // Е.С. Ощепкова, Д.А. Бухаленкова, В.А. Якупова // Современное дошкольное образование. – 2020. – № 3(99). – С. 32–39.
8. Ощепкова, Е.С. Связь развития речи и эмоций у детей дошкольного возраста: теоретический обзор / Е.С. Ощепкова, Н.А. Карпушина, Д.А. Бухаленкова. – Вестник Московского университета. – Сер. 14, Психология. – 2021. – № 3. – С. 260–287.
9. Аскерли, А.С. Распознавание эмоций в дошкольном возрасте: теоретический анализ проведенных исследований / А.С. Аскерли // Современное дошкольное образование. – 2019. – № 3(93). – С. 46–55.
10. Веракса, Н.Е. Эмоциональное и когнитивное развитие детей дошкольного возраста: анализ исследований с позиции структурно-диалектического подхода / Н.Е. Веракса, М.Н. Гаврилова, А.К. Белолуцкая, К.С. Тарасова // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 75. – С. 115–143.
11. Веракса, А.Н. Взаимосвязь понимания эмоций и смысловых аспектов нарратива дошкольников / А.Н. Веракса, Д.А. Бухаленкова, Е.С. Ощепкова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2019. – № 4(104). – С. 76–84.
12. Изотова, Е.И. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е.И. Изотова, Е.В. Никифорова. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 288 с.
13. Глухов, В.П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием / В.П. Глухов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АРКТИ. 2014. – 168 с.
14. Щетинина, А.М. Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека / А.М. Щетинина // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 60–67.
15. Прусакова, О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека / Е.А. Сергиенко, Е.И. Лебедева, О.А. Прусакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 415 с.
16. Карелина, И.О. Развитие понимания эмоций в период дошкольного детства: психологический ракурс: монография / И.О. Карелина. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 178 с.
17. Бичакиан, Л.А. Понимание положительных и отрицательных эмоций детьми дошкольного возраста / Л.А. Бичакиан // Психологические исследования. – Вып. 4; под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 11–28.
18. Анищенко, Л.К. Влияние синонимов и антонимов на развитие связной речи старших дошкольников / Л.К. Анищенко, Т.В. Митенкова, Е.В. Чипиль // Молодой ученый. – 2018. – № 45(231). – С. 222–224.
19. Лалаева, Р.И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя) / Р.И. Лалаева, Н.В. Серебрякова. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 160 с.: ил.
20. Лаврентьева, А.И. Этапы становления лексико-семантической системы в онтогенезе / А.И. Лаврентьева // Усвоение ребенком родного (русского) языка. – СПб.: Образование, 1996. – С. 57–69.

Поступила в редакцию 03.10.2024

Дефиниции понятия «психологическое благополучие» в качестве комплексного психологического концепта

Гусева Д.И., Ильин Е.А., Богомаз С.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются дефиниции понятия «психологическое благополучие» в качестве комплексного психолого-педагогического концепта.

Цель работы – операционализировать и представить дефиниции понятия «психологическое благополучие» в качестве комплексного психологического концепта.

***Материал и методы.** В качестве материала для данного исследования использовались работы ведущих отечественных и зарубежных психологов и педагогов. Методическую базу определили теоретические методы: систематизация, анализ психолого-педагогической литературы, концептуализация научных идей, сравнительно-исторический.*

***Результаты и их обсуждение.** Психологическое благополучие представляет собой многогранный феномен, объединяющий когнитивные, эмоциональные, экзистенциальные и социальные аспекты. Анализ дефиниций, представленных различными авторами, позволил выделить ключевые элементы концепта: удовлетворенность жизнью, эмоциональный баланс, внутреннюю гармонию и способность к адаптации. Особое внимание в исследовании уделено понятию субъективного психологического благополучия, которое включает когнитивные оценки жизни и эмоциональное восприятие позитивных и негативных переживаний. Междисциплинарный подход к изучению психологического благополучия является наиболее эффективным для раскрытия его многослойной природы. Это открывает перспективы для применения полученных данных в образовательной среде и разработке практических психологических программ.*

***Заключение.** Психологическое благополучие представляет собой интегративный и многослойный концепт, который объединяет в себе когнитивные, эмоциональные, социальные и экзистенциальные аспекты личности. Оно выступает ключевым индикатором качества жизни, уровня удовлетворенности жизненными условиями, гармонии внутреннего мира и способности эффективно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам окружающей среды. Понятие психологического благополучия охватывает как субъективные, так и объективные аспекты, что позволяет всесторонне оценить состояние личности. Объективные аспекты благополучия – социальная поддержка, здоровье, образовательные и профессиональные достижения – дополняют субъективные оценки, создавая целостное понимание данного феномена.*

Особое значение приобретает практическая применимость результатов исследования. Полученные данные позволяют разрабатывать психологические интервенции, направленные на укрепление эмоциональной устойчивости, развитие навыков саморегуляции и повышения общей удовлетворенности жизнью. В профессиональной деятельности высокий уровень психологического благополучия способствует не только продуктивности, но и гармоничным межличностным отношениям.

***Ключевые слова:** психологическое благополучие, благополучие, удовлетворенность жизнью, социальная адаптация.*

Definitions of the Concepts of Psychological Well-Being as a Comprehensive Psychological Concept

Guseva D.I., Ilyin E.A., Bogomaz S.L.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article examines the definitions of the concept of psychological well-being as a comprehensive psychological construct.

The purpose of the work is to operationalize and present the definitions of the concept of psychological well-being as a comprehensive psychological construct.

***Material and methods.** The materials for the study included works by leading domestic and foreign psychologists and educators. The research was conducted using theoretical methods such as the systematization and analysis of psycho-pedagogical literature, the conceptualization of scientific ideas, and the comparative-historical method.*

***Findings and their discussion.** Psychological well-being is a multifaceted phenomenon that integrates cognitive, emotional, existential, and social dimensions. The analysis of definitions provided by various authors has identified the key elements of the concept: life satisfaction, emotional balance, inner harmony, and the ability to adapt. Particular attention in the study is given to the concept of subjective psychological well-being, which encompasses cognitive evaluations of life and emotional perceptions of positive and negative experiences. An interdisciplinary approach to studying psychological well-being proves to be the most effective in uncovering its multilayered nature. This opens up opportunities for applying the obtained findings in educational settings and developing practical psychological programs.*

***Conclusion.** Psychological well-being is an integrative and multilayered concept that encompasses cognitive, emotional, social, and existential aspects of personality. It serves as a key indicator of quality of life, level of satisfaction with living conditions, inner harmony, and the ability to effectively adapt to changing environmental circumstances. The concept of psychological well-being includes both subjective and objective aspects, allowing for a comprehensive assessment of an individual's condition. Objective aspects*

of well-being, such as social support, health, educational and professional achievements, complement subjective evaluations, forming a holistic understanding of this phenomenon.

The practical applicability of the research findings is of particular importance. The data obtained enable the development of psychological interventions aimed at strengthening emotional resilience, fostering self-regulation skills, and enhancing overall life satisfaction. In professional environments, a high level of psychological well-being contributes not only to productivity but also to harmonious interpersonal relationships.

Key words: *psychological well-being, well-being, life satisfaction, social adaptation.*

Проблема определения понятия «психологическое благополучие» (далее – ПБ) является одной из центральных в современной психологической науке. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных этой тематике, отсутствует единая концептуальная основа, что обусловлено сложностью и многокомпонентностью данного феномена. Первоначально Н. Брэдбёрн рассматривал психологическое благополучие как баланс между позитивными и негативными аффективными состояниями, однако впоследствии была выявлена недостаточность такой интерпретации для полного охвата всех аспектов данного явления [1]. В работах К. Рифф психологическое благополучие представлено как многофакторная структура, включающая когнитивные, эмоциональные, социальные и экзистенциальные компоненты [2]. Тем не менее существующие концепции существенно различаются в зависимости от методологического подхода, что затрудняет унификацию критериев оценки и разработку эффективных психологических интервенций. Отсутствие единого определения создает методологические трудности при изучении психологического благополучия в образовательной и профессиональной среде, где оно выступает в качестве ключевого детерминанта когнитивных процессов, мотивационной сферы, адаптационных механизмов и социальной интеграции личности. Систематизация существующих подходов к определению психологического благополучия с целью его операционализации как комплексного психологического концепта позволит не только уточнить структуру данного феномена, но и расширить возможности его эмпирического исследования, что имеет значительную практическую значимость для разработки программ психологического сопровождения и оптимизации образовательной среды.

Материал и методы. В качестве материала для данного исследования использовались работы ведущих отечественных и зарубежных психологов и педагогов, посвященные указанной теме. Методическую базу определили теоретические методы: систематизация, анализ психолого-пе-

дагогической литературы, концептуализация научных идей, сравнительно-исторический метод в ретроспективе исследуемой темы.

Отметим, что анализ научной психолого-педагогической литературы по проблеме исследования проводился в том числе при обработке и интерпретации библиографических списков в электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [3].

Результаты и обсуждение. Психологическое благополучие является одним из ключевых концептов в современной психологии, формируя основу для изучения психологического здоровья и личностного развития [3; 4]. Оно включает такие важные аспекты, как эмоциональная устойчивость, удовлетворенность жизнью, способность адаптироваться к постоянно меняющимся условиям окружающей среды и обретение внутренней гармонии. В исследовании И.В. Дубровиной подчеркивается, что психологическое благополучие связано с моральным развитием человека, включая удовлетворение жизнью и эмоциональной стабильностью [5]. Также она отмечает значимость социального окружения и образовательной среды как факторов формирования этого состояния.

Важность данного понятия объясняется его универсальностью и применимостью в различных областях человеческой деятельности – от личной жизни до профессиональной реализации [3]. Например, как отмечается в научной работе Л.В. Власовой, «благополучие учащихся формируется в атмосфере поддержки и принятия» [6]. В этой связи благополучие рассматривается как ключевой показатель успешной социальной адаптации. Согласно мнению авторов Л. Головей и В. Манукян, субъективное благополучие включает когнитивные оценки жизни и эмоциональные аспекты, такие как баланс между позитивными и негативными эмоциями [7]. Субъективные аспекты благополучия содержат индивидуальные оценки, основанные на жизненном опыте, уровне удовлетворенности потребностей и способности справляться с жизненными вызовами. Такая дифференциация

особенно актуальна в исследованиях, направленных на разработку целевых психологических интервенций, которые учитывают как универсальные факторы благополучия, так и уникальные личные переживания каждого индивида. Это позволяет принимать во внимание культурные, социальные и экономические контексты, в которых живет человек, а также его личностные особенности: устойчивость к стрессу, уровень эмоционального интеллекта и способность к саморазвитию. Например, в исследованиях подчеркивается значимость интеграции когнитивно-поведенческих подходов с методами эмоциональной поддержки, что помогает адаптировать интервенции под индивидуальные потребности. Также важно рассматривать межличностные и системные факторы, такие как поддержка близких, доступность ресурсов и общий уровень социальной защищенности, которые могут существенно влиять на эффективность психологической помощи и достижение стабильного благополучия [7]. Это различие свидетельствует о многослойности природы благополучия, позволяя исследователям и практикам глубже проникнуть в его сущность и выявить взаимосвязи между внутренними ресурсами человека, его внешней средой и качеством жизни. Благодаря этому подходу можно разрабатывать персонализированные стратегии укрепления психологического благополучия, ориентированные как на повышение объективных факторов, так и на улучшение субъективных оценок человека о самом себе и своей жизни.

Психологическое благополучие в научной литературе определяется как состояние внутренней гармонии и удовлетворенности жизнью, основанное на балансе между внутренними ресурсами личности и требованиями окружающей среды. Основоположниками теории являются А. Маслоу, К. Роджерс и В. Франкл, которые подчеркивали значение самореализации, позитивного мышления и смысла жизни в формировании этого состояния. И.В. Дубровина отмечает, что «психологическое благополучие отражает моральное и эмоциональное развитие личности, формируется под воздействием культурных, социальных и образовательных факторов» [5]. Система ценностей и качество социальных взаимодействий играют ключевую роль в поддержании стабильного психологического благополучия [6]. Категория психологического благополучия личности глубоко интегрирована в философские представления о гармоничном и полноценном существовании человека, связывая ключевые аспекты

человеческого бытия с процессами личностного роста и самореализации. Эта концепция находит отражение в различных философских и психологических подходах. В психодинамическом подходе (А. Адлер, Дж. Боулби, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон, К.Г. Юнг) подчеркивается важность динамики внутренних конфликтов и взаимоотношений личности с окружающим миром. Эти идеи получили дальнейшее развитие в экзистенциально-гуманистическом направлении (Дж. Бьюдженталь, А. Лэнгле, А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс, В. Франкл), которое акцентирует внимание на стремлении человека к самореализации, поиску смысла жизни и достижению внутренней гармонии. Современная позитивная психология (И. Бонивелл, П. Вонг, М. Селигман, М. Чиксентмихайи) расширила эти представления, сосредоточив внимание на практических аспектах благополучия, таких как счастье, удовлетворенность жизнью, эмоциональный комфорт и устойчивость к стрессам. В основе концепции психологического благополучия лежит утверждение о том, что человек обладает постоянной потребностью и способностью к развитию, самоактуализации и достижению жизненного потенциала. Реализация этих потребностей определяет уровень его психологической целостности и удовлетворенности. Как пишет Л.В. Куликов, по сравнению с прочими, понятие благополучия трактуется в различных подходах и научных дисциплинах [8]. Р.М. Шамионов уточняет, что слово «благо» определяется как «то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребность», значит, «благо – получив» в его обыденном понимании и есть достижение этого [9].

Интерес к понятию обусловлен рядом факторов. Во-первых, возрастающая сложность социальных и экономических условий требует устойчивости и адаптивности от личности. Во-вторых, успех современных образовательных и профессиональных программ во многом зависит от уровня ПБ участников. Наконец, развитие методов психодиагностики позволяет более точно изучать структурные компоненты этого явления, включая эмоциональную устойчивость, удовлетворенность жизнью и когнитивные установки. Для описания состояния субъективного мира личности используются разнообразные термины: переживание счастья, эмоциональный комфорт, психологическое здоровье, жизнестойкость, жизненный потенциал. Каждый из этих аспектов отражает определенную грань благополучия, подчеркивая его многомерность и универсальность

как концепта, объединяющего теоретические и прикладные направления исследований в психологии. Изучение понятия позволяет не только выявить ключевые детерминанты психологического здоровья, но и разрабатывать эффективные программы интервенции для повышения качества жизни. В контексте образовательной психологии психологическое благополучие учащихся напрямую связано с их академической успешностью, социальной адаптацией и уровнем мотивации [10]. В профессиональной сфере высокий уровень ПБ способствует снижению стресса, повышению продуктивности и улучшению качества межличностных отношений. Научные трактовки психологического благополучия варьируются в зависимости от исследовательских подходов. В гуманистической психологии акцент делается на самоактуализации и позитивном функционировании личности. В когнитивно-поведенческом подходе основное внимание уделяется восприятию, мыслям и установкам человека. Экзистенциальная психология связывает психологическое благополучие с поиском смысла жизни и преодолением внутренних конфликтов [8].

Практическая значимость изучения понятия заключается в разработке индивидуальных и групповых стратегий его поддержания. Например, программы психологической помощи в образовательной среде могут включать тренинги эмоциональной устойчивости, улучшения навыков общения и формирования позитивного мышления. В корпоративной среде это могут быть программы стресс-менеджмента и развития эмоционального интеллекта.

В таблице отражены интерпретации различных авторов относительно определения понятия «психологическое благополучие» в качестве психолого-педагогического концепта (таблица 1).

Психологическое благополучие является сложным и многогранным понятием, объединяющим когнитивные, эмоциональные, социальные, культурные и экзистенциальные аспекты. Оно рассматривается как субъективное восприятие удовлетворенности жизнью, баланса между позитивными и негативными эмоциями, гармонии внутреннего и внешнего мира, а также как процесс самореализации, духовного роста и осознания смысла жизни. Авторы акцентируют внимание на различных аспектах данного феномена: от переживания удовлетворенности жизнью и эмоционального равновесия до нормативно-ценностных и культурных оснований благополучия.

Кроме того, в исследованиях подчеркивается значимость гармонии между индивидуальными стремлениями и социальной средой, а также интеграции внутренних ресурсов человека в контексте биологических, педагогических и духовных факторов.

Вопрос определения психологического благополучия является предметом активных научных дискуссий, что обусловлено его сложной структурой и многоуровневой природой. В современной психологии данный феномен рассматривается как многомерная категория, включающая когнитивные, эмоциональные, социальные и экзистенциальные компоненты. Предложенная нами классификация основана на систематическом анализе существующих концептуальных подходов, представленных в работах отечественных и зарубежных исследователей. Данная структура позволяет выделить четыре основные концепции: когнитивно-аффективный, социально-нормативный, экзистенциально-гуманистический и многомерный структурный (таблица 2).

Когнитивно-аффективный подход рассматривает психологическое благополучие как субъективную оценку собственного состояния, основанную на удовлетворенности жизнью и балансе положительных и отрицательных эмоций. Этого подхода придерживаются О.О. Фомина, А.Е. Созонтов, Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко. В рамках направления благополучие анализируется через призму когнитивных процессов и эмоциональных реакций, что позволяет учитывать индивидуальные особенности восприятия качества жизни.

Социально-нормативный подход трактует благополучие как соответствие индивида усвоенным социальным стандартам и нормативным представлениям. Этот подход прослеживается в исследованиях Р.М. Шамянова и М.В. Соколовой. Согласно данной концепции, психологическое благополучие во многом определяется социальной адаптацией и интеграцией индивида в общественную систему ценностей.

Экзистенциально-гуманистический подход рассматривает благополучие как смысловую и ценностную наполненность жизни, гармонию внутреннего и внешнего мира. Такого определения придерживаются Л.В. Куликов и Л.В. Карапенян. В рамках этой концепции особое внимание уделяется поиску смысла жизни, самоактуализации и духовному развитию личности, что делает данный подход особенно значимым для психотерапевтической практики.

Таблица 1 – Дефиниции понятия «психологическое благополучие» как психологического концепта

Авторы	Определение	Источник
О.О. Фомина	Удовлетворенность жизнью как когнитивный аспект и интенсивность и баланс позитивного и негативного аффектов как эмоциональный аспект [11]	Фомина, О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии / О.О. Фомина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – №. 6. – С. 1–12.
Р.М. Шамионов	Это отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о благополучной внешней и внутренней среде, и характеризующееся переживанием удовлетворенности [10]	Шамионов, Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. – Саратов: Науч. книга, 2008. – 296 с
Л.В. Куликов	Ощущение причастности осознание возможности приобщаться к богатствам духовной культуры (утолять духовный голод), продвижение в понимании сущности и предназначения человека, осознание и переживание смысла своей жизни [8]	Куликов, Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов. – СПб.: Общество и политика, 2000. – С. 476–510.
Л.В. Карапетян	Комплексная динамическая система – целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гармонии является переживание состояния эмоционально-личностного неблагополучия [12]	Карапетян, Л.В. Эмоционально-личностное благополучие: монография. / Л.В. Карапетян, Г.А. Глотова. – Екатеринбург: Урал. ин-т гос. противопожар. службы МЧС России, 2017. – 211 с.
А.В. Воронина	«Психологическое благополучие» формируется в процессе деятельности на четырех пространствах бытия – биологическом, социально-педагогическом, социально-культурном, духовно-практическом, в виде внутренних интенций человека (бессознательных и сознательных ресурсных установок) – жизнеспособности, самоконтроля, саморазвития и самовыражения, самореализации – и может быть рассмотрено на четырех относительно автономных уровнях – психосоматического здоровья, социальной адаптированности, психического здоровья, психологического здоровья [13]	Воронина, А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы / А.В. Воронина. – Томск: ТГУ, 2002. – 28 с.
А.Е. Созонтов	Удовлетворенность жизнью, отсутствие выраженной тревожности, депрессивных симптомов, социальная активность, соотношение позитивных и негативных аффективных проявлений [14]	Созонтов, А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического / А.Е. Созонтов. – Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105–114.
М.В. Соколова	Внешние критерии, по которым определяется психологическое благополучие как добродетельная, «правильная жизнь», то есть соответствие системе ценностей, принятой в культуре [15]	Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия / М.В. Соколова // Ярославль: Друк, 2006. – 42 с.
Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко	Выраженное в субъективном ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью, целостное переживание, связанное с базовыми человеческими ценностями и потребностями [16]	Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко. – М.: Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–129.

А.Н. Певнева	Взаимосвязь психологического благополучия со всеми показателями жизнеспособности личности, включая активность и инициативность, социальную компетентность и социальную поддержку, позитивные установки и гибкость, самоорганизацию и планирование будущего, самомотивацию и достижения, эмоциональный контроль и саморегуляцию, адаптивные стили поведения и самоуважение [17]	Певнева, А.Н. Психологическое благополучие и жизнеспособность личности / А.Н. Певнева // Проблемы психологического благополучия: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Фергана. – Екатеринбург-Фергана: УрГПУ, 2022. – С. 264–269.
	Взаимодействие мотивационных установок и личностных ценностей, где фокус продвижения способствует удовлетворению от достижения целей, а стремление к предсказуемости может ограничивать вариативность жизненных стратегий. Оно характеризуется балансом ригидности и гибкости, влияющим на жизненные цели, компетентность и чувство удовлетворенности [18]	Певнева, А.Н. Соотношение мотивационного компонента ригидности и психологического благополучия личности / А.Н. Певнева // Адукацыя і выхаванне. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2024. – № 1. – С. 35–44.

Таблица 2 – Классификация концептуальных подходов к определению понятия «психологическое благополучие»

Подход	Определение	Авторы
Когнитивно-аффективный	Благополучие как субъективная оценка состояния, основанная на удовлетворенности жизнью и балансе эмоций	О.О. Фомина, А.Е. Созонтов, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко
Социально-нормативный	Благополучие как соответствие усвоенным социальным стандартам и нормативным представлениям	Р.М. Шамянов, М.В. Соколова
Экзистенциально-гуманистический	Благополучие как смысловая и ценностная наполненность жизни, гармония внутреннего и внешнего мира	Л.В. Куликов, Л.В. Карапеня
Многомерный структурный	Благополучие как комплексная система, включающая психосоматические, социальные, педагогические и духовные компоненты	А.В. Воронина, А.Н. Певнева

Многомерный структурный подход определяет благополучие как комплексную систему, включающую психосоматические, социальные, педагогические и духовные компоненты, что отражено в работах А.В. Ворониной и А.Н. Певневой. Он охватывает широкий спектр факторов, влияющих на состояние человека, что делает его универсальным для исследования благополучия в различных сферах жизни, включая образовательную и профессиональную среду.

Актуальность предложенной классификации обусловлена необходимостью уточнения методологических основ изучения психологического благополучия, что, в свою очередь, имеет важное значение для разработки практических

стратегий психологической поддержки. Кроме того, представленная систематизация способствует дальнейшему развитию теоретической базы и созданию унифицированных критериев для диагностики данного феномена в образовательной и профессиональной среде.

Психологическое благополучие можно рассматривать как интегративный процесс, включающий взаимодействие внутренних ресурсов человека с внешними условиями. Такое понимание открывает перспективы для междисциплинарных исследований и разработки практических инструментов, способствующих росту качества жизни индивида и общества в целом. Представленный анализ создает основу для дальнейших научных исследований, направ-

Рисунок – Интегративная модель психологического благополучия

ленных на разработку комплексных методик диагностики и коррекции психологического благополучия. В рамках данной работы применение этой классификации позволит выявить наиболее значимые аспекты благополучия в образовательной и профессиональной деятельности, а также разработать рекомендации для повышения уровня психологического комфорта и адаптивности личности.

Проведенный авторский анализ показал, что психологическое благополучие личности строится на четырех фундаментальных основаниях: удовлетворенность жизнью, субъективная оценка состояния, гармония внутреннего и внешнего мира, наполненность жизни и соответствие социальным стандартам (рисунок). Аспекты охватывают как индивидуальное восприятие, так и социальные аспекты благополучия, что дает возможность изучать его как многоуровневый и комплексный феномен. Особый интерес вызывает многомерный подход, который объединяет в себе различные методологические направления, учитывая когнитивные, эмоциональные, социальные и экзистенциальные составляющие благополучия. В отличие от узкоспециализированных моделей, таких как когнитивно-аффективный или социально-нормативный подход, многомерная концепция позволяет анализировать благополучие с учетом целого спектра факторов, влияющих на личность. Многомерный подход рассматривает благополучие как динамическую систему, в которой взаимодействуют внутренние пси-

хические процессы, социальные связи, ценностные ориентиры и индивидуальные особенности. Он особенно актуален в контексте современных исследований, направленных на выявление взаимосвязи между психологическими, социокультурными и биологическими аспектами функционирования личности. Позволяет учитывать широкий спектр индивидуальных различий, а также адаптировать теоретические модели к различным сферам жизни, включая профессиональную деятельность, образование и личностное развитие.

Таким образом, предложенная схема отражает сложность и многоаспектность психологического благополучия, демонстрируя взаимосвязь различных подходов. Многомерный подход, являясь интегративным, обеспечивает наиболее полное и объективное понимание данного феномена, что делает его ключевым в разработке эффективных стратегий психологической поддержки и саморегуляции личности.

Заключение. Психологическое благополучие представляет собой интегративный и многослойный концепт, который объединяет в себе когнитивные, эмоциональные, социальные и экзистенциальные аспекты личности. Оно выступает ключевым индикатором качества жизни, уровня удовлетворенности жизненными условиями, гармонии внутреннего мира и способности эффективно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам окружающей среды. Понятие психологического благополучия охватывает как субъективные, так

и объективные аспекты, что позволяет всесторонне оценить состояние личности. Анализ научных подходов к определению ПБ дает возможность выделить несколько концептуальных направлений его изучения. В настоящем исследовании систематизированы четыре ключевых подхода: когнитивно-аффективный, социально-нормативный, экзистенциально-гуманистический и многомерный структурный. Разработанная схема является инструментом визуализации сложных теоретических конструкций как для дальнейших научных исследований, так и для практического применения. Систематизация представленных концепций способствует уточнению методологических основ изучения психологического благополучия, позволяя более точно диагностировать его уровни и факторы, влияющие на состояние личности и создает возможности для эмпирического обоснования выявленных концепций, что открывает перспективы для разработки достоверных и валидных методов измерения данного феномена.

Дальнейшее углубление рассматриваемой проблематики позволяет перейти к макросоциальному измерению психологического благополучия. Во-первых, его высокий уровень в совокупности субъектов общества выступает стратегическим ресурсом повышения национального гуманитарного потенциала: чем более устойчива внутренняя среда личности, тем выше готовность к проактивному гражданскому поведению, конструктивному участию в общественных инициативах и поддержке общенациональных целей. Именно поэтому государственные программы, нацеленные на укрепление национальной безопасности, сегодня все чаще включают блоки, посвященные психопрофилактике и развитию эмоционально-волевых компетенций граждан. Во-вторых, между психологическим благополучием и формированием гражданской (а шире – национальной) идентичности прослеживается двусторонняя связь. С одной стороны, чувство принадлежности к значимой группе снижает экзистенциальную тревогу, усиливает переживание смысловой насыщенности жизни и повышает уровень социальной поддержки. С другой – внутренне благополучный индивид демонстрирует более зрелую форму идентичности, основанную на осознанном принятии ценностей, а не на внешнем конформизме, что дает основания рассматривать программы гражданского образования не только как средство политико-патриотического

воспитания, но и как фактор профилактики эмоционального выгорания и девиантного поведения среди молодежи. В-третьих, институциональная реализация подходов к поддержке психологического благополучия требует междисциплинарной интеграции. На уровне образовательных учреждений это выражается во внедрении целевых курсов по саморегуляции и эмоциональному интеллекту, систем регулярного скрининга и консультативных сервисов.

Полученные данные позволяют разрабатывать психологические интервенции, направленные на укрепление эмоциональной устойчивости, развитие навыков саморегуляции и повышения общей удовлетворенности жизнью. Это особенно важно в образовательной среде, где психологическое благополучие учащихся напрямую влияет на их академическую успешность, уровень мотивации и способности к социальной адаптации. В профессиональной деятельности высокий уровень психологического благополучия способствует не только продуктивности, но и гармоничным межличностным отношениям.

Литература

1. Бредберн, Н. Структура психологического благополучия / Н. Бредберн. – Ярославль: Инфра, 2005. – 13 с.
2. Ryff, C.D. The Structure of Psychological Well-Being Revisited / C.D. Ryff, C.L.M. Keyes // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1995. – Vol. 69(4). – P. 719–727.
3. Голубева, Н.М. К проблеме дифференциации понятий психологического и субъективного благополучия личности / Н.М. Голубева // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития*. – 2010. – Т. 3, № 3. – С. 36–42.
4. Куликов, Л.В. Факторы психологического благополучия личности / Л.В. Куликов, М.С. Дмитриева, М.Ю. Долина [и др.] // *Теоретические и прикладные вопросы психологии: материалы юбилейной конф. «Ананьевские чтения – 97»*. – 2007. – № 3. – С. 342–350.
5. Дубровина, И.В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития / И.В. Дубровина // *Развитие личности*. – 2015. – № 2. – С. 67–95.
6. Власова, Л.В. Поддержка эмоционального благополучия в школе / Л.В. Власова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2023. – № 6. – С. 23–26.
7. Головей, Л.А. Психобиографическое изучение кризисов взрослого периода // Л.А. Головей, В.Р. Манукян // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. – 2003. – № 4. – С. 100–112.
8. Куликов, Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов. – СПб.: Общество и политика, 2000. – С. 476–510.
9. Шамионов, Р.М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации / Р.М. Шамионов // *Мир психологии*. – 2010. – № 1. – С. 237–249.

10. Шамионов, Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. – Саратов: Науч. книга, 2008. – 296 с.
11. Фомина, О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии / О.О. Фомина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – № 6. – С. 1–12.
12. Карапетян, Л.В. Эмоционально-личностное благополучие: монография / Л.В. Карапетян, Г.А. Глотова. – Екатеринбург: Урал. ин-т гос. противопожар. службы МЧС России, 2017. – 211 с.
13. Воронина, А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы / А.В. Воронина. – Томск: ТГУ, 2002. – 28 с.
14. Созонтов, А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического / А.Е. Созонтов // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105–114.
15. Соколова, М.В. Шкала субъективного благополучия / М.В. Созонтова. – Ярославль: Друк, 2006. – 42 с.
16. Шевеленкова, Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–129.
17. Певнева, А.Н. Психологическое благополучие и жизнеспособность личности / А.Н. Певнева // Проблемы психологического благополучия: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Фергана. – Екатеринбург – Фергана: УрГПУ, 2022. – С. 264–269.
18. Певнева, А.Н. Соотношение мотивационного компонента ригидности и психологического благополучия личности / А.Н. Певнева // Адукацыя і выхаванне. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2024. – № 1. – С. 35–44.

Поступила в редакцию 07.04.2025

Андреасян Михаил Араикович – преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, магистр юридических наук.

Барышев Владимир Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Глёкова Валерия Вячеславовна – студентка 4 курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Гришанова Светлана Сергеевна – доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат технических наук, доцент.

Гусева Дарья Игоревна – магистрант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Демидова Мария Александровна – старший преподаватель кафедры «Маркетинг и финансы» Витебского государственного технологического университета, кандидат технических наук.

Задорожная Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины.

Ильин Егор Артемович – преподаватель-стажер кафедры психологии, аспирант кафедры педагогики и образовательного менеджмента, младший научный сотрудник НИС ВГУ имени П.М. Машерова.

Квасникова Вера Владимировна – доцент кафедры коммерческой деятельности и рынка недвижимости Белорусского государственного экономического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Лауткина Светлана Владимировна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Морожанова Мария Михайловна – преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Побяржина Татьяна Павловна – заведующий кафедрой экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат экономических наук, доцент.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Фурманов Игорь Александрович – заведующий кафедрой социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

Чжао Сылу – аспирант Белорусского государственного университета.

Шандрикова Ирина Владимировна – студентка 3 курса факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Янкевич Елена Михайловна – доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Andreasyan Mikhail Araikovich – Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, Master of Law.

Baryshev Vladimir Alekseyevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Glekova Valeria Vyacheslavovna – 4th year student of the Faculty of Mathematics and Information Technology of Vitebsk State P.M. Masherov University.

Grishanova Svetlana Sergeyevna – Assistant Professor of Vitebsk Branch of International University MITSO Department of Economics and Information Technologies, PhD (Technical Sciences), Assistant Professor.

Guseva Daria Igorevna – master student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Demidova Mariya Alexandrovna – senior lecturer of the Department of «Marketing and Finance» Vitebsk State Technological University, candidate of technical sciences.

Zadorozhnaya Natalia Alekseyevna – Senior Lecturer of Vitebsk Order of Badge of Honor State Academy of Veterinary Medicine Department of Social and Humanitarian Sciences.

Ilyin Egor Artemovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Education Science and Education Management postgraduate student, Department of Psychology trainee teacher, Junior Researcher of the Research Center.

Kvasnikova Vera Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian State Economic University Department of Commercial Activities and Real Estate Market, PhD (Economics), Assistant Professor.

Lautkina Svetlana Vladimirovna – Associate Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Associate Professor.

Morozhanova Maria Mikhailovna – Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Pobiarzhina Tatyana Pavlovna – Head of International University MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics), Assistant Professor.

Statsenko Vladimir Grigoryevich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (History), Assistant Professor.

Fourmanov Igor Aleksandrovich – Head of Department of Social and Organizational Psychology of Belarusian State University, Dr.Sc. (Psychology), Professor.

Zhao Silu – postgraduate student at Belarusian State University.

Shandrikova Iryna Vladimirovna – 3rd year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Social Education and Psychology.

Yankevich Elena Mikhailovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белом, русском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews - at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 04.06.2025. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,73. Тираж 70 экз. Заказ 75.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.